К. ОСИПОВ

СУВОРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга К. Осипова (псевдоним Купермана Осипа Мироновича) была одним из первых советских исследований о великом русском полководце – генералиссимусе Александре Васильевиче Суворове, предназначенных для «массового читателя», а не только для командиров и бойцов Красной Армии. Первое издание книги состоялось в 1938 году. До 1989 года работа К. Осипова оставалась единственной многотиражной советской биографией Суворова. К. Осипов был и автором статьи о Суворове в Большой Советской энциклопедии.

В этой книге автор всесторонне исследует личность А.В. Суворова, показывает характер народного героя, его идеологию.

- К. Осипов
  -
  - I. Юные годы Суворова
  - II. На полях Пруссии
  - III. «Полковое учреждение»
  - IV. Война с конфедератами
  - V. На берегах Дуная
  - VI. В Приволжье и на Кубани
  - VII. Суворов и его крепостные крестьяне
  - VIII. Турецкая война 1787–1791 годов
  - IX. В Финляндии и Польше
  - X. Конфликт с Павлом I
  - XI. Ссылка
  - XII. Итальянская кампания
  - XIII. Итальянская кампания. Треббия, Нови
  - XIV. Швейцарский поход
  - XV. Смерть Суворова
  - XVI. Полководческое искусство Суворова
  - XVII. Личность Суворова
  - Заключение
  - Основные даты жизни и деятельности А. В. Суворова
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

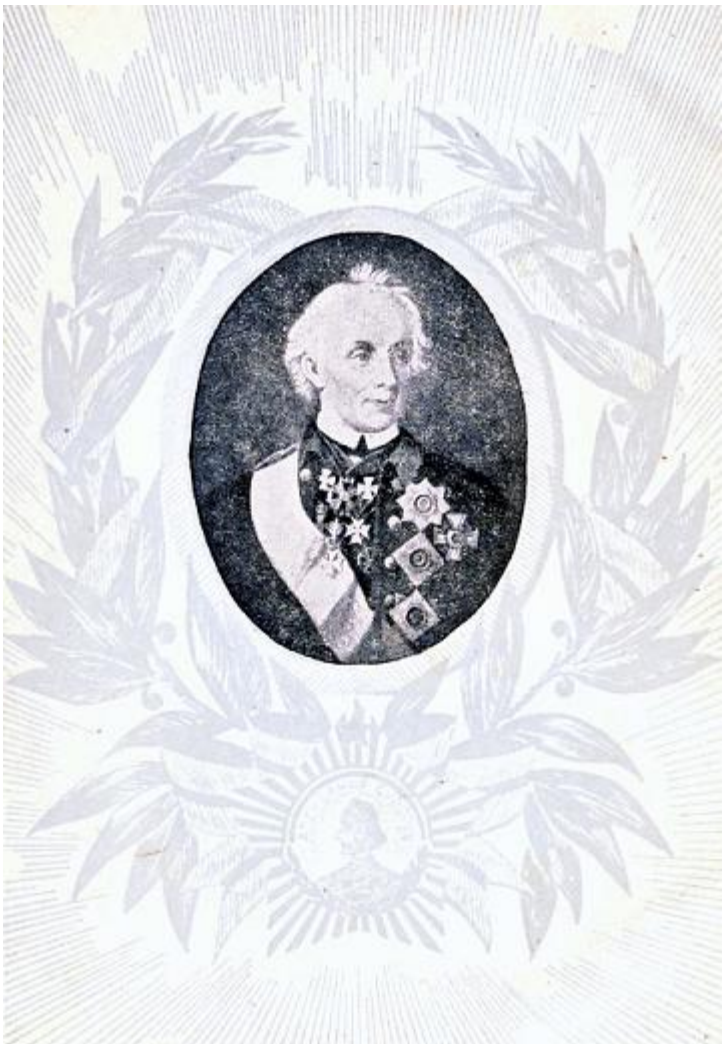
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

К. Осипов
Александр Васильевич Суворов



I. Юные годы Суворова

Александр Васильевич Суворов происходил из старинного русского дворянского рода. Дед его, Иван Григорьевич, служил при Петре I. Он занимал видное положение. В 1709 году (по другим сведениям в 1705 году) у него родился сын Василий. Крестным отцом новорожденного был сам Петр. Впоследствии, когда крестнику исполнилось пятнадцать лет, царь взял его к себе денщиком и переводчиком («денщики» Петра I по существу являлись его адъютантами для поручений).

В царствование Екатерины I Василий Суворов был произведен в сержанты и определен в Преображенский полк. В 1730 году он был подпоручиком, в 1740 году – бергколлегии[1] прокурором в чине полковника, а в 1753 году получил чин генерал-майора и в течение некоторого времени исполнял обязанности прокурора Сената. Во время Семилетней войны Василий Иванович был назначен генерал-губернатором Кенигсбергской области (1761).

«Это был человек неподкупной честности, – отзывалась императрица Екатерина II о Василии Ивановиче, – весьма образованный; он говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых и живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не произносила его имя без особенного уважения».

Василий Суворов был сравнительно небогат, очень бережлив и даже скуп. Женился он на Авдотье Федосеевне Мануковой (дочери дьяка) и имел от этого брака двух дочерей и сына Александра.

Отец Суворова — Василий Иванович Суворов.

Александр родился 13 ноября[2] 1730 года в Москве. Дома, в котором он родился, в настоящее время не существует; известно только, что этот дом находился около Никитских ворот.

Детство мальчика протекало в Москве. Не мог он не бывать и в принадлежавшем его отцу поместье. В доме Суворовых, как и в их вотчине, не существовала того высокомерия и жестокости по отношению к крепостным крестьянам, которые характерны для тогдашнего вельможного дворянства. Маленький Александр проводил много времени в обществе своих сверстников – крестьянских ребятишек, и общение с ними, наряду с тем, что он наблюдал в обращении его родителей с крестьянами, заронило первые зерна подлинного демократизма и уважения к простому русскому человеку – черты, отличавшие впоследствии Суворова и во многом способствовавшие его необычайной популярности среди солдат.

Отец не предназначал Александра к военной карьере. Он вообще не благоволил к военной деятельности, а тут еще мальчик оказался хилого сложения, на вид болезненный. Как было пустить единственного сына по пути бранных невзгод?

Это в дальнейшем обернулось для Суворова благоприятной стороной: вынужденный пройти солдатскую службу по-настоящему, он сумел глубоко ознакомиться с бытом и нравами русских солдат.

Итак, для маленького Александра было избрано гражданское

поприще. Отец не удосужился позаботиться о серьезной подготовке сына. Занятый служебными и хозяйственными делами, вдобавок опасавшийся расхода на преподавателей, он мало, обращал внимания на воспитание мальчика. Только природные дарования и неутолимая любознательность воспрепятствовали Александру сделаться «недорослем» со скудным багажом поверхностных и бессистемных знаний. Даже самоучкой он сумел приобрести неизмеримо больше знаний, чем это было свойственно сверстникам-дворянам его круга.

У Василия Ивановича была неплохая библиотечка по военным вопросам. Там были Плутарх,[3] Юлий Цезарь,[4] жизнеописание Карла XII,[5] записки Монтекукули.[6] Пытливый ум мальчика нашел богатую пищу в этих книгах. Он перечитывал их одну за другой и отовсюду выбирал и сохранял в памяти крупицы полезных сведений. Сидя по целым дням в пустой библиотеке, он разыгрывал настоящие сражения: переходил с Ганнибалом[7] через Альпы, воевал вместе с Цезарем против галлов, совершал молниеносные переходы с Морицем Саксонским.[8]

Детское воображение Александра было поражено картиной военных подвигов. С появившимися уже в детстве упорством и настойчивостью он начал готовить себя к военной деятельности. Это выражалось не только в чтении специальных книг, но и в целой системе самовоспитания, которой подверг себя десятилетний мальчик. Будучи от природы болезненным, легко подверженным простуде, он поставил себе целью закалиться; для этого он обливался холодной водой, не надевал теплого платья, скакал верхом под проливным дождем и т. д. Домашние удивлялись странности ребенка, отец между делом читал ему нотации, пытался отвлечь от чтения военных книг. Все это способствовало еще большему самоуглублению мальчика, усилению его природной замкнутости и заставило его еще сильнее пристраститься к из бранному им поприщу. В конце концов Василий Иванович махнул рукой на упрямого ребенка, а окружающие уже тогда окрестили его «чудаком». Эту кличку Суворов пронес через всю свою семидесятилетнюю жизнь, и она неизменно свидетельствовала не столько о его странностях, сколько об ограниченности тех, кто наградил его такой кличкой. Счастливый случай помог Александру настоять на своем, избегнуть намеченной для него отцом гражданской деятельности и пойти по военной тропе. Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, к его отцу приехал старый приятель, генерал Ганнибал, увековеченный Пушкиным под именем «арапа Петра Великого». Василий Иванович со вздохом поведал о причудах и

упорстве сына. Заинтересованный Ганнибал прошел к мальчику.

Сидя в Своей комнате, Александр предавался любимому занятию – разыгрывал с помощью игрушечных солдатиков одно из знаменитых сражений. Ганнибал стал с интересом наблюдать. Вскоре он заметил, что это не просто игра: мальчик довольно умело ориентировался в тактических сложностях маневра. Ганнибал стал подавать свои советы. Маленький Суворов ловил их на лету, иногда соглашался, иногда спорил. Завязалась оживленная беседа о военных правилах, о великих полководцах, и старый генерал поразился меткости суждений мальчика. Он вернулся к Василию Ивановичу и категорически заявил, что вопрос о призвании Александра решен им самим, и притом вполне правильно.

– Если бы жив был батюшка Петр Алексеевич, – добавил он, – поцеловал бы его в лоб и определил бы обучаться военному делу.

Василий Иванович хотел было позвать мальчика, но Ганнибал остановил его:

– Нет, брат, не зови его сюда: его беседа лучше нашей. С такими гостями, как у него, уйдет он далеко.

Суворов-отец, вероятно, и без того испытывал беспокойство, предвидя стычки с сыном, не желавшим примириться с чиновничьей службой. Настойчивый совет Ганнибала окончательно побудил его переменить свои планы относительно будущей деятельности сына. Александру было дано согласие на военную карьеру.

В следующем году отец записал Александра в гвардию. Он был зачислен в Семеновский гвардейский полк в качестве солдата, но оставлен пока в родительском доме, с обязательством изучать «указные науки».

Эти науки, за которые должен был приняться дома двенадцатилетний Суворов, были довольно многочисленны: «арифметика, геометрия, тригонометрия, планов геометрия, фортификация, часть инженерии и артиллерии, из иностранных языков, также военной экзерциции и других указных наук». В большинстве случаев «недоросли» выполняли эту программу более чем поверхностно. Что касается Суворова, то отец мог дать ему некоторые указания по фортификации и артиллерии; иностранные языки он начал изучать еще раньше, но серьезных занятий любознательный мальчик был по-прежнему лишен.

В 1747 году Александр, еще ни разу не появлявшийся в полку, начал продвижение по лестнице чинов: он был произведен в капралы.

Наконец, 1 января 1748 года он прибыл в полк и был прикомандирован к 3-й роте. С этого дня началась

действительная служба будущего генералиссимуса.

* * *

Русская армия середины XVIII века отличалась от западноевропейских армий некоторыми своеобразными чертами.

Прежде всего она была однородна по своему национальному составу. Одним из важнейших последствий военной реформы Петра I был совершенный отказ от использования в русском войске иностранных наемных солдат.[9] Если не считать шведской армии, где также не было наемных солдат, то русская армия являлась в этом отношении единственной в Европе. Во всех прочих армиях наемники составляли значительную, часто преобладающую часть.

Однородная в национальном отношении русская армия обладала гораздо более высоким моральным уровнем, чем армии, сформированные из наемников различных национальностей. Русские солдаты были чрезвычайно восприимчивы к идеям боевого служения отечеству. В то же время среди них было широко развито чувство товарищества, взаимной выручки, чувство братства по оружию.

С этим преимуществом русской армии перед прочими европейскими армиями было связано и другое: лучший способ рекрутирования новобранцев. В 1705 году Петр I ввел систему рекрутских наборов. Объявляя набор, власти только указывали, сколько рекрутов должно поставить село (обычно одного на 130–150 человек); кого именно надлежит им послать, это решал сельский сход, «мир». Не следует, конечно, идеализировать этот порядок, преувеличивать демократический характер его; конечно, решающую роль на таких сходах играли местные богатеи либо представители помещичьей власти. Но все же, в конечном счете, эта система была, несомненно, лучше, чем методы насильственной вербовки, применявшиеся в западноевропейских государствах.

Однородный национальный состав солдат и лучшая система пополнения давали русской армии XVIII века крупные преимущества. Важно было также то, что эта армия имела надежную материальную базу. В XVIII веке русская промышленность интенсивно развивалась. Заводы и фабрики открывают как представители родовитого дворянства и нового дворянства (например Демидовы), так и лица купеческого

сословия. Год от году растет удельный вес вольнонаемных рабочих, а тем самым создаются предпосылки для повышения производительности труда. Значительное развитие получила, в частности, та отрасль промышленности, которая играет особенно важную роль в обеспечении армии: металлургия. Работая для нужд армии по прямым указаниям правительства, эта отрасль крупной промышленности пользовалась самой широкой правительственной поддержкой. Эта поддержка и обеспеченный сбыт продукции обусловили быстрый рост созданной на Урале металлургии. К концу XVIII века (1800 г.) в России выплавлялось 10,3 миллиона пудов чугуна, а в Англии в это время – только 8 миллионов пудов; к тому же качество русского чугуна было выше, чем английского. Таким образом, к отмеченным выше преимуществам русской армии XVIII века надо прибавить и то, что она опиралась на мощную по тому времени металлургию. Не могло не сказаться и общее промышленное и культурное оживление в стране, особенно выявившееся в первой и последних двух четвертях XVIII столетия.

Однако, все эти преимущества и благоприятные условия для развития русской военной силы, долгое время оставались неиспользованными, их некому было реализовать. Громадные возможности русской армии находились под спудом в значительной мере потому, что в руководстве ею при преемниках Петра I очень большую роль играли иностранцы. Они привносили с собой чуждые России западноевропейские порядки, которые причиняли серьезнейший вред русской армии. Жестокая палочная муштра, увлечение шагистикой и внешней отделкой приемов (как средство нивелировать солдат, выработать в них рефлексы слепого повиновения и в то же время способ заполнить весь день, лишить солдат досуга) и связанное с ними презрительное отношение к «нижнему чину» – все это механически привносилось иностранными инструкторами в русскую армию. Часть русского дворянского офицерства восприняла эти порядки и следовала им.

Преувеличенное представление о значении парадной стороны военного дела приводило к забвению подлинно боевых, жизненно необходимых для успешного ведения войны навыков. Копируя организацию Фридриха II, в русской армии ввели неудобную, сложную форму одежды. Чтобы солдаты не гнули в марше колени, им подвязывали лубки, так что положенный на землю солдат без посторонней помощи не мог подняться. «Люди отменно хороши, – писал генерал Ржевский,[10] – но как солдаты слабы; чисто и прекрасно одеты, но везде стянуты и задавлены так, что естественных нужд отправлять солдат не может, ни стоять, ни сидеть, ни ходить покойно ему нельзя».

Сержанты и рядовые гвардейских полков в период царствования Елизаветы Петровны

Если солдат плохо стрелял, это считалось гораздо меньшей бедой, чем если в его головном уборе оказывалась хоть маленькая погрешность.

Таким образом, наряду со всегдашними превосходными качествами русских войск, наряду с огромными скрытыми возможностями, вытекавшими из ее национальной однородности и прогрессивного по тому времени способа комплектования, организация русской армии страдала серьезными недостатками, и это сильно снижало боевую ценность армии.

Это сказывалось не только на неправильной системе воспитания и обучения войск, но и на многих других сторонах военного устройства. Кавалерия была в плохом состоянии, инженерный корпус малочислен, санитарная и медицинская служба слабы, обозы громоздки, интендантство не упорядочено и т. д.

Наиболее боеспособными родами войск были пехота и артиллерия. Последняя делилась на полевую, осадную и крепостную. Во время Семилетней войны большую пользу принесли новые гаубицы, введенные одним из виднейших деятелей елизаветинского правительства – П. И. Шуваловым (1711–1762). Из них можно было стрелять картечью, и они давали

большое рассеяние огня.

В пехоте насчитывалось три гвардейских и сорок шесть армейских полков. Каждый полк делился на три батальона, а каждый батальон на пять рот: четыре мушкетерских и одну гренадерскую. В мушкетерской роте числилось 150 человек, в гренадерской – 200 человек. Основным вооружением пехотинца было ружье. Вес ружья равнялся 14 фунтам, вес пули – 8 золотникам.

Как в самой организации русской армии были свои сильные и слабые стороны, так и в отношении ее командных кадров приходится отметить значительную пестроту. Были командиры невежественные в военном деле, бок о бок с ними были опытные, мужественные и способные офицеры.

Богатые дворяне стремились в гвардию в поисках легкой карьеры. Офицеры вели жизнь изнеженную, роскошную, изобилующую развлечениями.

Такова была русская армия в момент появления в ней Суворова. Ослабляемая привносимыми, чуждыми ее духу порядками, лихоимством и невежеством многих чинов командного состава, эта армия ждала своего полководца, который мог бы объявить решительную борьбу всевозможным организационным неустройствам и дать выход скрытым возможностям, дремлющим богатырским силам.

* * *

Что представлял собой Семеновский полк, когда в него прибыл семнадцатилетний капрал Александр Суворов?

Местом расположения полка являлась Семеновская слобода в С.-Петербурге, простиравшаяся от реки Фонтанки до Шушерских болот (близ Пулкова). Слобода была разбита на перспективы (проспекты) и прямые улицы; каждой роте был отведен особый участок, на котором строились дома, отнюдь не напоминавшие казармы. В комнате помещалось обычно четыре человека. Многие жили семьями, и в приказах того времени нередко можно найти разрешения лицам разного звания селиться у своих родственников – солдат и офицеров.

В полку было много дворян, что и определяло как отношение к нему общества, так и необременительный характер службы.

Одна из льгот, предоставлявшихся солдатам из дворян, заключалась в разрешении жить на вольных квартирах, вне черты

расположения полка. Суворов воспользовался этим правом и поселился у своего дяди, капитана-поручика Преображенского полка; там он жил в течение всего периода своей солдатской службы, за исключением первых 1½-2 лет, когда он, по собственному желанию, проживал в казарме вместе с солдатами из крепостных.

Таким образом, служебное положение солдат-дворян в гвардии не было тяжелым. Тем более это относится к гвардейским унтер-офицерам. Унтер-офицер резко отличался от простых солдат хотя бы и дворянского происхождения и мог даже посещать иногда придворные балы.

Но Суворов не отдалился от «нижних чинов», он не замкнулся в узком кастовом кругу. В нем не было презрительного высокомерия выросших в хоромах дворян, до зрелых лет полагавших, что хлеб растет на полях в готовом виде. Изнеженность и праздность были ему непривычны и не привлекали его. Он охотно общался с «солдатством». Несомненно, что отличавшее его впоследствии умение подойти к солдату, вдохновить и увлечь за собою во многом проистекало от этого длительного соприкосновения с солдатской массой. В этом сближении с солдатами Суворов сам подвергся сильному влиянию солдатской среды. Здравый смысл, чувство юмора, умение довольствоваться малым, мужество, лишенное театральных эффектов, – все эти свойства сближали Суворова с солдатами, во многом определяя его нравственную физиономию. Тогда же, вероятно, у него начало складываться убеждение в необходимости применения такой боевой тактики, которая наиболее отвечала бы национальным особенностям русского солдата – стойкости, храбрости и выносливости.

Но все-таки он оставался для солдат дворянином, хотя и несравненно более близким и понятным, чем другие начальники. С высшими дворянами, своими сослуживцами, он не сближался. Почти каждый из них имел свою квартиру, шикарный выезд, ливрейных слуг. Что было делать в этой обстановке небогатому капралу из среднепоместных дворян, не имеющему ни денег, ни титулов, а главное, не расположенному к подобному образу жизни?

Время, которое его сотоварищи проводили за картами и вином, он проводил за книгами. Суворов занимался дома и в полковой школе. Не пренебрегал он и полковой службой, неся дежурства, аккуратно посещая учения, работая в казарме.

Он был в полку на хорошем счету. В конце 1749 года, то есть через два года по прибытии в полк, он был произведен в подпрапорщики, а в 1751 году – в сержанты. Высокая оценка

Суворова начальством сказалась и в том, что с первых месяцев своей службы Суворов начал получать почетные командировки. В мае 1748 года он был включен в сводную команду Преображенского и Семеновского полков для торжественного «провожания» военного корабля в Кронштадте, неоднократно бывал командирован в Москву.

Характерно, что даже ценившие Суворова начальники, а тем более его сотоварищи, относились к нему с некоторым недоумением. Им казались странными его пристрастие к солдатам, его демократические взгляды и вкусы; непонятны были и прилежание в занятиях и добросовестность в службе. Среди разгульных гвардейцев он был какой-то белой вороной. «Чудак», пожимали плечами юные дворяне, и полковое начальство втайне соглашалось с ними.

В 1750 году Суворов был назначен бессменным ординарцем к одному из первых лиц в полку, члену полкового штаба, генерал-майору Соковнину. Последовавшее вскоре производство в сержанты состоялось, по-видимому, по инициативе Соковнина. Соковнин же выдвинул кандидатуру Суворова для посылки за границу в качестве курьера с депешами. Этого было нетрудно добиться благодаря знанию Суворовым иностранных языков. Командировка длилась с марта по октябрь 1752 года. Суворов посетил Вену и Дрезден. Он с интересом осматривал чужие страны, но, находясь впервые на чужбине, остро осознал, как дорога ему родина. В Пруссии он повстречал русского солдата. «Братски, с истинным патриотизмом расцеловал я его, – вспоминал об этом впоследствии Суворов, – расстояние состояний между нами исчезло. Я прижал к груди земляка». Уже в этой сцене проглядывает в молодом сержанте будущий полководец, за которым охотно шли солдаты, видя, что перед лицом служения родине для него не существует «расстояния состояний».

Время шло, а Суворов все еще не был произведен в офицеры. Служебную репутацию он имел хорошую, так что единственную причину этого можно видеть в существовавшей тогда общей медлительности производства: многие дворяне дожидались офицерского патента по десяти-пятнадцати лет. Имело значение и то, что он поздно начал службу. Иные сверстники Суворова в то время были уже генералами: Румянцев получил генеральский чин на двадцать втором году жизни, Н. Салтыков – на двадцать шестом, Репнин – на двадцать девятом и т. д. Впоследствии, когда Суворов «взял реванш», обогнав всех этих блестящих генералов, он с удовлетворением говорил:

– Я не прыгал смолоду, зато теперь прыгаю. Наконец 25

апреля 1754 года – через шесть с лишним лет после прибытия в полк – Суворов был произведен в поручики. 10 мая того же года последовало назначение его в Ингерманландский пехотный полк.

Образ жизни Суворова, его замкнутость, строгое соблюдение выработанных им для себя правил создали ему репутацию «чудака». Однако внимательный наблюдатель мог заметить, что этот тщедушный, странный молодой человек был незаурядной личностью. Ближайший начальник Суворова, капитан его роты, неоднократно говорил о нем:

– Этот чудак сделает что-нибудь чудное.

II. На полях Пруссии

В Ингерманландском полку Суворов провел два года. Службе он отдавал мало времени; серые полковые будни с кое-как проводимыми ученьями, с неизбежно следовавшими за ними экзекуциями, с мелкими дрязгами офицеров – все это претило ему. Едва прибыв в полк, он ушел в отпуск (в мае 1754 г.) и поселился в поместье отца. Иногда, послушный отцовской воле, он помогал Василию Ивановичу в хозяйстве, вел хлопоты в «присутственных местах». Но по-прежнему он пользовался каждой свободной минутой, чтобы продолжать свое самообразование, изучал историю, инженерное и артиллерийское дело, уделял много времени литературе. В этот период Суворов перечитал произведения лучших писателей и поэтов того времени и на протяжении всей дальнейшей жизни охотно цитировал их. В процессе чтения он нередко делал выписки. «Я верю Локку, – говорил он, – что память есть кладовая ума; но в этой кладовой много перегородок, а потому и надобно скорее укладывать, куда следует».

Долгое время Суворову приписывали авторство двух «Разговоров в царстве мертвых»: Кортеца с Монтецумой и Александра Македонского с Герострáтом. Эти произведения, подписанные инициалами А. С., были напечатаны в 1756 году в издававшемся при Академии наук первом русском журнале «Ежемесячные сочинения». Слог и стиль этих сочинений имеют мало сходства с чеканным, лаконическим стилем, которым отличался впоследствии язык Суворова.

В настоящее время ряд литературоведов-архивистов (Л. Модзалевский, Г. Гуковский) приводят веские доводы в пользу того, что автором этих «Разговоров» является А. П. Сумароков.

Занятия хозяйственными и литературными делами не остановили служебного продвижения Суворова. В начале 1756 года он был назначен обер-провиантмейстером[11] в Новгород, через десять месяцев – генерал-аудитор-лейтенантом[12] с состоянием при Военной коллегии, еще через месяц произведен в премьер– майоры.[13] Таким образом, вместе с повышением в чине Суворов был переведен со строевой службы на хозяйственную и юридическую. По-видимому, в этом сказалось влияние его отца, имевшего крупные связи в интендантстве, занимавшего там заметное положение и по-прежнему не одобрявшего стремление сына к боевой службе. Впрочем, Суворов и на этом посту извлек для себя пользу, так как сумел на практике ознакомиться с постановкой снабжения армии.

В 1756 году Россия вступила в Семилетнюю войну, и для Суворова открылась, наконец, возможность «понюхать пороху».

Сделавшаяся только в XVII веке независимым государством и в начале XVIII века ставшая королевством, Пруссия вела агрессивную, захватническую политику. При вступлении на трон Фридриха II (1740) население Пруссии состояло всего из 4 миллионов человек. Однако, так как еще отец Фридриха II, король Фридрих-Вильгельм I (1713–1740), большую часть государственных средств тратил на военные цели, это маленькое государство имело сильную армию (в большинстве случаев наемную); войска были подвижны и обладали первоклассным для того времени вооружением. Наконец, они являлись послушным инструментом в руках энергичного полководца, обладавшего неограниченной властью. Все это делало прусскую армию грозной для ее более отсталых противников. «…военная организация Фридриха Великого была наилучшей для своего времени»,[14] отмечал Энгельс. Однако, поскольку эта организация покоилась на палочном режиме юнкерской монархии, на отрыве от народных масс, которых Фридрих не привлекал к защите страны даже в самые опасные моменты, она несла в себе зародыши своей гибели. Армия Фридриха, пополнявшаяся путем найма «ландскнехтов», а также посредством вербовки и принудительной поставки рекрутов, держалась только беспощадной муштрой и мертвящей, свирепой дисциплиной. При всей внешней организованности эта армия, лишенная идейных стимулов, страдала отсутствием подлинно боевого духа, отсутствием готовности самоотверженно сражаться. Через полвека, при столкновении с более передовой, на иных началах построенной армией, прусская организация потерпела полное поражение; Иена и Ауэрштедт были тому свидетелями. Эти битвы закончились блестящими победами Наполеона и полным разгромом пруссаков. Но в середине XVIII века Пруссия еще представляла собой мощную военную силу, и только русская армия сумела выдержать ее натиск и нанести ей сокрушительные удары.

Захватническую, агрессивную политику Фридриха II поддерживали прусские землевладельцы-крепостники, а также прусское купечество. Цель этой политики была ясна: «округлить» прусские владения, захватить выгодные торговые центры и овладеть прилегающими промышленными областями.

Вскоре после своего вступления на престол Фридрих вторгся в богатую австрийскую область Силезию и завладел ею.

Хотя захват этот произошел без всяких к тому оснований (если не считать непомерных аппетитов прусского короля), Фридрих, опираясь на содействие Франции, добился признания

захвата Силезии со стороны других держав. Использовав таким образом французскую помощь, Фридрих II совершил крутой поворот: в 1756 году он заключил союз с Англией. Для всех было очевидно, что этот союз есть лишь этап в осуществлении новых захватнических планов Фридриха, который в общественном мнении уже твердо снискал себе, по выражению английского историка Маколея, репутацию «политика, лишенного вместе и нравственности и приличия, ненасытного хищника, бесстыдного изменника».[15]

В противовес англо-прусской коалиции возникла другая коалиция, в составе Франции, Австрии, России и некоторых менее крупных государств. Наследник русского престола, Петр Федорович[16] являлся горячим почитателем и приверженцем Фридриха. Вокруг него группировались поступивший на русскую службу вюртембергский уроженец генерал Тотлебен и ряд других пришлых немецких военных, не всегда компетентных в военном деле, отличавшихся наглым пренебрежением ко всему русскому и очень падких на золото. Елизавета Петровна и ее ближайшее окружение придерживались последовательной политики, непримиримой по отношению к прусскому агрессору Но императрица была тяжко больна, и это вдохновляло сторонников пронемецкой партии, надеявшихся на то, что после смерти Елизаветы произойдет изменение внешней политики.

В конце лета 1756 года Фридрих вторгся в Саксонию. Предательская внезапность нападения и большой численный перевес обеспечили ему быстрый успех. Дрезден был занят, саксонский курфюрст вынужден был бежать, а четырнадцатитысячная саксонская армия капитулировала, причем Фридрих насильственно включил саксонских солдат в ряды своей армии.

Однако надежды прусского короля на «молниеносную войну» не осуществились. В следующем году он потерпел сильное поражение от австрийцев (под Коллином), а тем временем русские войска, мобилизовавшиеся гораздо быстрее, чем Фридрих предполагал, уже приближались к его владениям. Но двуличное поведение главнокомандующего русской армией С. Ф. Апраксина, уклонявшегося от энергичных действий, чтобы не навлечь гнева наследника престола, и всевозможные недостатки в организации русской армии (особенно в области интендантской службы) привели к тому, что войска перешли прусскую границу только летом 1757 года. Действия их протекали очень успешно: 5 июля был взят Мемель, месяц спустя – Гумбинен, за ним – Инстербург.

В этот именно период Суворов прибыл в действующую армию. Он усиленно добивался назначения сюда, но получил не

то, к чему стремился: первое время он вынужден был работать на нестроевых должностях. Его командировали в распоряжение начальника этапного пункта в Либаве, а затем, после занятия русскими войсками Мемеля, назначили туда обер-провиантмейстером. Ему было поручено снабдить провиантом двигавшуюся к театру войны армию Фермора, используя для этого течение рек. Однако сплавная операция не удалась «по неспособности реки». В следующем (1758) году Суворов исполнял некоторое время обязанности коменданта города Мемеля, а затем ему дали другое поручение: участвовать в формировании и отправке в армию резервных батальонов. Сформировав в Лифляндии и Курляндии семнадцать батальонов, он привел их в Пруссию и остался при армии без определенного назначения. Проявленная Суворовым энергия доставила ему повышение в чине: он был произведен в подполковники (9 октября 1758 года).

Проницательный взор молодого офицера ясно видел недостатки организации русской армии и невежество начальствующего состава. В одном из писем Суворов писал: «Полковники… расслабляют своих офицеров… сибариты, но не спартанцы… делаясь генералами, подкладка остается та же».

19 августа1757 года при Гросс-Егерсдорфе лучший фридриховский генерал, фельдмаршал Левальдт, атаковал русские войска. Командование русской армии, возглавляемое Апраксиным, наделало массу ошибок, но солдаты и многие рядовые офицеры проявили такую беззаветную храбрость, стойкость и упорство, что, несмотря на критическое положение русской армии в начале боя, она не только отстояла свои позиции, но и разгромила наголову противника.[17] Русские войска заняли Кенигсберг, Мемель, всю Восточную Пруссию.

Победа не была использована: ссылаясь на затруднения с провиантом в Восточной Пруссии, Апраксин вернул армию обратно в Польшу. Действительная причина этого поступка, сводившего на нет все усилия, жертвы и героизм русской армии, заключалась в давлении и происках фридриховских приверженцев при дворе русской императрицы. Сам Фридрих впоследствии в «Истории Семилетней войны» открыто признал, что отступление Апраксина было совершено в интересах Пруссии. Всеобщее возмущение Апраксиным в России достигло таких размеров, что он был смещен с должности и арестован. Не стало Апраксина, но остался наследник престола Петр, то есть главный сторонник англо-прусской коалиции в России.

14 августа 1758 года Фридрих встретился с русскими войсками при Цорндорфе. Сражение окончилось с неопределенным результатом: обе стороны сохранили после боя

свои позиции.

23 июля 1759 года русские войска под начальством нового главнокомандующего, графа П. С. Салтыкова, умного и даровитого военачальника, одержали победу над пруссаками (выступившими под командованием одного из видных прусских генералов – Веделя) при Пальциге. 1 августа того же года произошло генеральное сражение у деревни Кунерсдорф. Фридрих во главе пятидесятитысячной армии стремительно атаковал русские позиции. Он применил свой излюбленный прием: обход с фланга. В начале битвы левый русский фланг был опрокинут, и пруссаки начали проникать в тыл русского расположения. Фридрих считал победу обеспеченной и отправил в этом духе депеши в Берлин.

Петр Семенович Салтыков

Но он недооценил исключительных боевых качеств русских солдат. «Каждая линия, сидючи на коленях, до тех пор отстреливалась, покуда уже не оставалось никого в живых и в целых», пишет Болотов.[18]

Отборные полки Фридриха легли костьми в тщетных попытках сломить это героическое сопротивление. Тогда сказался замысел Салтыкова: заставив неприятеля истощить свои силы в тщетных атаках, русская армия на исходе дня перешла в наступление. Она опрокинула пруссаков и погнала их на болотистый участок. Контратаки прусской кавалерии были отражены. Фридрих был разбит наголову. Он потерял до 20 тысяч человек, прочие разбежались. Ломоносов написал «Оду 1759 г. на

победы над королем прусским»:

Парящий слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль, смотря на рок саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем,
Лишенный собственныя власти,
Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

Все русские солдаты, участвовавшие в Кунерсдорфском сражении, были награждены медалью с выгравированными словами: «Победителю над пруссаками». Салтыков получил чин фельдмаршала.

В начале войны прусский король весьма пренебрежительно отзывался о русских. Начиная войну, он как-то сказал Кейту (английскому генералу, служившему сперва в России, а затем перешедшему в Пруссию): «Москвитяне суть дикие орды, они никак не могут сопротивляться благоустроенным войскам»; Однако действительность вскоре заставила его изменить свое мнение.

Лично ознакомившись с боевыми качествами русской армии у Цорндорфа, Фридрих заявил: «Этих русских можно перебить всех до одного, но не победить».

После Кунерсдорфа положение прусского королевства и, в частности, Берлина было безнадежным. Но Фридриха спасло то, что уже неоднократно его спасало: раздоры между его противниками. Салтыков рекомендовал поход на Берлин, но австрийцы уклонились от активного участия в развитии этой операции; взамен того они хотели использовать русские войска в операциях на частном театре войны – в Силезии, которую им хотелось поскорее отвоевать. В результате немедленный поход на Берлин не состоялся. Прусский король не был добит.

Битва при Кунерсдорфе была первой, при которой присутствовал Суворов; однако непосредственного участия он в ней не принимал.

Суворов позволял себе резко критиковать распоряжения высшего командования. Когда выяснилось, что русская армия после победы не продвигается вперед и даже не преследует бегущего неприятеля, Суворов с удивлением и горечью открыто заявил Фермору:

– На месте главнокомандующего я бы сейчас пошел на Берлин.

В конце 1759 года пришел новый приказ: Суворов назначался «к правлению обер-кригскомиссарской должности». Но ему это было уже невтерпеж. Хозяйственные должности опостылели ему – он рвался к боевой деятельности.

Суворов обратился к отцу с просьбой столь настойчивой, что тот возбудил ходатайство о переводе сына в полевые войска, «так как по молодым летам желание и ревность имеег далее в воинских операциях практиковаться». Ответ пришел. незамедлительно: Суворов был оставлен в действующей армии с назначением «генеральным и дивизионным дежурным» при Ферморе (в феврале 1760 г.).

Эта должность, примерно соответствовала нынешней должности начальника оперативной части. Иногда Суворову давали специальные поручения. Так. в мае 1760 года он, тогда подполковник Казанского пехотного полка, был послан для инспектирования 2-й дивизии. Но и штабная работа не удовлетворяла Суворова. Он чувствовал, что его место – на полях сражений, среди солдат.

Осенью 1760 года Суворов принял участие в экспедиция на Берлин.

В конце сентября 1760 года русский отряд под начальством генерала Чернышева приблизился к Берлину. Находившийся в это время в Берлине Левальдт (командовавший пруссаками под Гросс-Егерсдорфом) стал во главе обороны. Берлинский гарнизон, насчитывавший вместе с подошедшими подкреплениями около 14 тысяч человек, предпринял энергичную вылазку, но русские войска отразили ее и, установив артиллерию, начали обстрел города. К Чернышеву подошла свежая дивизия генерала Панина, и он начал деятельно готовиться к штурму прусской столицы.

Однако до этого дело не дошло.

Видя бесполезность сопротивления, прусское командование отвело свои полки, и 28 сентября (9 октября нового стиля) комендант Берлина сдал его русским.

Вскоре было получено известие, что Фридрих с крупными силами спешит на выручку своей столицы.

Поскольку русское командование, захватывая Берлин, не ставило перед собой никаких серьезных целей, а намеченная цель – разведывательная операция – была уже выполнена, отряд Чернышева, не принимая боя, выступил 1(12) октября в обратном направлении. Ключи от городских ворот Берлина были присланы в качестве трофея в Петербург.

Суворов участвовал в Берлинской экспедиции волонтером;

активного участия в боевых действиях он все еще не принимал. Только в 1761 году Суворов вплотную соприкоснулся с боевой деятельностью, на этот раз в качестве хотя и скромного, но самостоятельного боевого командира. В ноябре этого года, в связи с болезнью командира Тверского драгунского полка, де-Медома, исполнять его обязанности было поручено подполковнику Суворову.

Главной операцией в кампании 1761 года явилась осада Румянцевым города Кольберга, имевшего большое стратегическое значение. Сочетая осторожность с энергией. Румянцев очень искусно вел осаду, блокируя крепость и с моря и с суши. Желая облегчить положение Кольберга, Фридрих направил сильную кавалерийскую группу генерала Платена в рейд по русским тылам. Для борьбы с Платеном был создан по предложению Румянцева конный корпус. Командиром корпуса назначили генерала Берга, а начальником штаба – А. В. Суворова. Вскоре Суворов сосредоточил в своих руках фактичеческое руководство корпусом.

«Останавлял я Платена в марше елико возможно», свидетельствует Суворов. Иногда он прибегал к серьезным операциям: врезался однажды в растянутый на походе прусский корпус, едва не погибнув при этом; опрокинул колонну пруссаков и нанес им большие потери. Иногда же он тормозил движение Платена короткими, стремительными набегами, которыми неизменно руководил лично, всегда находясь в первых рядах и поражая даже ветеранов бесстрашием и удалью.

Крупное столкновение с пруссаками произошло у Регенвальде. Суворов смелым ударом опрокинул прусскую кавалерию, захватив 800 пленных. Пруссаки отступили за городок Гольнау, оставив в нем пехотный отряд. Берг дал Суворову три батальона, поручив овладеть городом. Суворов стал во главе солдат, под сильным огнем неприятеля разбил городские ворота, которые безуспешно обстреливались дотоле русскими батареями, и ворвался в город. По его собственному свидетельству, «гнали прусский отряд штыками через весь город за противные ворота и мост, до их лагеря, где побито и взято было много в плен».

В Гольнау Суворов получил две раны: «поврежден был контузиею – в ногу и в грудь – картечами». Лекаря подле не было. Суворов сам примочил рану вином и перевязал ее, но принужден был выйти из боя.

В этих первых боевых схватках Суворов проявил уже многие свои боевые качества: исключительную энергию, решительность, умение верно нащупать слабое место противника и молниеносно атаковать его в этом пункте. Полностью выявилась здесь и еще

одна характерная черта Суворова: личное бесстрашие. В результате многолетней тренировки он закалил свой организм, но физически – в смысле мускульной силы – остался очень слаб. Тем не менее он бросался в самые опасные места штыкового боя, вооруженный тонкой шпагой, и не раз колол ею ошеломленного такой дерзостью неприятельского солдата.

Первые же боевые действия Суворова выделили его из числа других офицеров. Бутурлин, сменивший заболевшего П. С. Салтыкова на посту главнокомандующего русской армией, представил его к награде, указывая, что «Суворов себя перед прочими гораздо отличил». Тот же Бутурлин особо написал Василию Ивановичу Суворову, назначенному в это время губернатором в Пруссию, что сын его «у всех командиров особливую приобрел любовь и похвалу».

Берг отзывался о своем начальнике штаба как о прекрасном кавалерийском офицере, который «быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности».

В августе 1761 года Суворова назначили временно командиром Тверского драгунского полка. Возглавляя его, Суворов имел успешную стычку под Нейгартеном, в результате которой захватил около ста пленных. Он снова принял личное участие в битве и едва не поплатился жизнью.

Интересен отзыв Румянцева, в отряд которого входил в это время корпус Берга. В общем представлении об отличившихся Румянцев характеризовал Суворова как офицера, который «хотя в пехотном полку счисляетца, однако […] склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил».

Этот отзыв отражает исключительную разносторонность военного дарования Суворова.

Между тем дела Фридриха II шли все хуже. Людские резервы его были исчерпаны, Англия прекратила выплату субсидий, и прусскому королю неоткуда было раздобыть денег. В декабре 1761 года Румянцев овладел Кольбергом. Казалось, наступил последний акт борьбы.

И если гибель не наступила, то исключительно вследствие счастливого для Фридриха стечения обстоятельств, в момент, когда прусский король исчерпал все ресурсы и перед ним разверзлась бездна полного поражения, в это время, 24 декабря 1761 года, умерла Елизавета Петровна и на русский престол вступил Петр III. Этот ограниченный человек получил воспитание в Голштинии, преклонялся перед Фридрихом и ненавидел все русское. Он был, по меткому выражению историка Ключевского, «верноподданным прусским министром» на русском престоле. Курс русской политики круто изменился. Новый император

приказал очистить все оккупированные русскими войсками немецкие области и заключил союз с Фридрихом. Ломоносов заклеймил. позорные действия Петра III в гневных строках:

Слыхал ли кто из в мир рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О, стыд! О, странный оборот!

Петр III царствовал недолго, через полгода он был свергнут своей женой Екатериной. Однако и Екатерина II не возобновила военных действий против Пруссии. Дело в том, что в России все чаще вспыхивали крестьянские волнения – зарницы разразившейся спустя десятилетие пугачевской грозы, – и новая государыня желала иметь под рукой вооруженную силу. К тому же она получала все новые доказательства того, что военный бюджет тяжело ложится на плечи населения и страна утомлена войной.

Эти симптомы были достаточно зловещи, чтобы заставить Екатерину всецело углубиться во внутренние дела и обратить все усилия на укрепление своего довольно шаткого положения на троне. Выход России из рядов воюющих держав предрешил окончание Семилетней войны.

В 1763 году, через семь лет после вторжения пруссаков в Саксонию, война закончилась. Фридрих очистил Саксонию, но сохранил за собой Силезию. Пруссия, следовательно, не приобрела никаких новых земель, несмотря на то, что потеряла 200 тысяч человек и была совершенно изнурена Семилетней войной. Захватнические планы Фридриха разбились о стойкость и храбрость русских войск, и только отсутствие военного и политического согласия между противниками Фридриха спасло его от полной катастрофы.

В августе 1762 года Суворов прибыл в Петербург с донесением о выступлении русских войск из Пруссии. Представляя Суворова к производству в полковники, Румянцев писал: «…как он всех состоящих в корпусе моем подполковников старее, да и достоин к повышению в полковники». Екатерина, слышавшая о нем как о способном офицере и не упускавшая случая расположить к себе подобных людей, дала ему аудиенцию и собственноручным приказом произвела в полковники, поручив ему Астраханский полк. Через полгода Суворов был назначен командиром Суздальского пехотного полка, сменившего на петербургской стоянке Астраханский полк. Боевая страда кончилась. Наступило «мирное житье», длившееся около шести

лет.

III. «Полковое учреждение»

Суворов имел случай убедиться в высоких качествах русского солдата – его стойкости, храбрости, силе и выносливости. Но тем разительнее должен был представиться ему контраст между высокими боевыми качествами солдат и существовавшей военной организацией. Войска были неповоротливы, малоподвижны, не умели маневрировать; всякое длительное движение расстраивало порядок. Разведывательная служба находилась в зачаточном состоянии. Во время походов продвижение войск совершалось очень медленно. В 1756 году девяностотысячная русская армия, шедшая в Пруссию, везла за собой около 50 тысяч повозок!

Длительность срока службы, суровый режим в полках, жестокое обращение офицеров, необходимость идти в бой ради чуждых, не всегда даже понятных целей – все это отрицательно сказывалось на моральном состоянии и боеспособности солдат. Каждому нижнему чину предоставлялось право выходить в отставку по истечении восьми лет, при условии, что его заменит кто-нибудь из близких родственников. Но охотников на такую замену почти никогда не находилось. От солдатчины старались отделаться всеми способами. Полки постоянно были недоукомплектованы.

Все то, о чем размышлял молодой Суворов в годы своей солдатской службы, предстало теперь перед ним в более ярком свете. Он должен был придти к двум основным выводам: во-первых, о необходимости радикальных изменений в организации русской армии; во-вторых, о неспособности придворно-дворянского командования осуществить эту реформу, а следовательно, о необходимости добиться для себя хоть минимума самостоятельности.

Первый из этих выводов он, со свойственной ему энергией, начал немедленно реализовать в пределах вверенного ему Суздальского полка. Второй вывод таил в себе зародыш конфликтов с высшим командованием и с придворной камарильей – конфликтов, отравивших всю последующую жизнь полководца.

Становясь в оппозицию генералитету и придворным, Суворов тем самым делал еще шаг к народу, в котором вельможи видели только бесправное крепостное сословие. Однако он оставался при этом сыном своего класса, сыном своей эпохи, В солдатах Суворов видел прекрасный боевой материал, но верховное управление этим материалом полагал привилегией дворянства.

Суворову и прежде доводилось командовать полками;

Тверским, Архангелогородским, Астраханским, но то были временные назначения, и, зная об этом, он не касался основ полкового устройства. Когда же ему поручили на продолжительное время Суздальский полк, он немедленно взялся за обучение его на новых началах. Сперва полк нес караульную службу в Петербурге, а осенью 1764 года был переведен из Петербурга в Новую Ладогу и простоял там свыше трех лет; в этот период и развернулась новаторская деятельность Суворова.

Основной чертой его системы было – вопреки фридриховским правилам – стремление выработать сознательное отношение солдат к возлагаемым на них задачам. И тогда и впоследствии на полях сражений Суворов постоянно старался разъяснить солдатам, что и зачем они должны совершить. «Каждый воин должен понимать свой маневр» – таково было требование, которое Суворов всегда предъявлял к своим помощникам. Вместе с тем он стремился развить в войсках чувство спайки, взаимной выручки и несокрушимую мощь натиска.

Преобразованию подверглись все стороны полковой жизни строевое обучение, материальная часть, бытовая обстановка, культурное и нравственное воспитание.

Суворов неоднократно повторял:

– Солдат ученье любит, было бы с толком.

В самом деле, подчиненные ему солдаты никогда не роптали, несмотря на то, что он заставлял их напряженно обучаться военному делу.

Стержнем обучения являлась штыковая атака. Это наиболее трудный вид боя, требующий предельного волевого напряжения. Под влиянием Фридриха II, особенно усовершенствовавшего ружейную и артиллерийскую стрельбу, большинство военных специалистов стали пренебрегать штыком.

Тем не менее скромный командир Суздальского полка решился пойти против общего мнения всей Европы. Делая штыковую атаку своим важнейшим тактическим приемом, Суворов руководствовался многочисленными соображениями.

Прежде всего он следовал здесь своим принципам, основным установкам, зрело обдуманным, принявшим уже отчетливые формы и прочно укоренившимся в нем. Принципы эти, из совокупности которых складывалась стратегия сокрушения, требовали гораздо более эффективных методов поражения врага, чем стрельба. В условиях тогдашней техники огонь вообще был мало действителен: огневых средств было мало, прицельность была неудовлетворительной, прицельная дальнобойность небольшая (ружья – на 80 шагов, пушки– до 300 сажен), боезапас невелик (около 50 пуль на стрелка) и т. д. Посредством стрельбы

можно было заставить противника отступить, но не обратить его в беспорядочное бегство. А Суворов стремился именно к этому.

К тому же, если русская артиллерия стояла на высоком уровне, то находившиеся на вооружении в русской армии ружья, не имевшие нарезов, уступали, например, прусским. Рассчитывать же на то, что правительство проведет в близком времени перевооружение войск, было трудно.

Третья причина состояла в том, что Суворов с прозорливостью гения учитывал национальные особенности русского солдата, делавшие его лучшим в мире выполнителем штыкового удара – этого труднейшего вида боя, требующего максимальной силы, храбрости и крепости нервов.

Далее, Суворов учитывал, что в западноевропейских армиях не изучают техники штыкового боя, и, следовательно, обучив этой технике своих солдат, он даст им дополнительное крупное преимущество перед всеми прочими.

По всем этим причинам он и придал такое значение штыковому удару.

Было бы, однако, глубокой ошибкой думать, что Суворов недооценивал значение огня.

Известны его крылатые высказывания: «пехотные огни открывают победу», или «надлежит соблюдать всюду крестные (перекрестные. – *К. О.)* огни». На заре своей полководческой деятельности, в приказе, отданном в июне 1770 года, Суворов требовал: «в деле… хотя бы весьма скоро заряжать, но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить, в лутчих стрелять, что называетца в утку, и пули напрасно не терять».

В результате усиленного и систематического обучения, суворовские солдаты становились меткими стрелками. «У нас пропадает тридцатая пуля», – с гордостью говорил Суворов (то-есть из 30 выпущенных пуль только одна не попадает в цель). С целью сделать огневую подготовку наиболее эффективной Суворов выделял особые стрелковые команды, проходившие усиленный курс обучения стрельбе. Эти команды комплектовались из егерей. Егеря – стреляют, гренадеры и мушкетеры – «рвут на штыках», – таково было установленное Суворовым распределение ролей; разумеется, это не исключало того, что в случае надобности все роды войск привлекались к исполнению той или другой функции.

Суздальскому полку пришлось пройти самую усиленную походную тренировку. Суворов заставлял его совершать переходы по 40–50 верст в день, в зной и мороз, по непролазной грязи, переходя вброд, а то и вплавь встречавшиеся реки. При этом по пути производились боевые ученья; для этого командир умел

использовать всякий предлог. Много шума наделал случай, когда Суворов, проходя во время учебного похода мимо монастыря, приказал полку взять его штурмом. Суворову грозили крупные неприятности, но благодаря вмешательству Екатерины дело было замято.

Хотя в подчинении у Суворова был только пехотный полк, он не упускал из виду и другие роды оружия. Через несколько лет, получив под свое начало отряд из всех родов оружия, он обратился к нему с целой серией наставлений, начиная с указаний, как действовать палашами, и кончая советом при карьере[19] приподниматься на стременах и нагибаться на конскую шею.

Много усилий приложил Суворов к тому, чтобы подготовить свой полк не только для дневных, но и для ночных действий. В ночном бою смелость и внезапность нападения приобретают особенно большое значение; действие огня здесь минимально. Поэтому Суворов не мог не тяготеть к ночным операциям.

Суворова иногда обвиняли в том, что он чрезмерно изнурял людей.

Он не отрицал трудностей своей системы, но категорически настаивал на том, что они окупаются стократ; «тяжко в ученьи – легко в походе», повторял он. Трудность маневренного ученья создавала, по его убеждению, «на себя надежность – основание храбрости».

Что же касается «изнурения», то не учитывали того обстоятельства, что наряду с утомительными упражнениями Суворов проявлял большую заботу о здоровье солдат. Со свойственной ему простотой и желанием во все вникнуть, он лично учил солдат чистоте и соблюдению правил гигиены. «И был человек здоров и бодр, – писал он, – знают офицеры, что я сам то делать не стыдился… Суворов был майор, и адъютант, до ефрейтора; сам везде видел, каждого выучить мог».

Суворов часто с удовлетворением говорил о себе, что учи показом, а не рассказом.

Суворов заботился не только об обучении своего полка, но – что было очень редко в его время – и о воспитании. Он организовал две школы – для дворянских и для солдатских детей– и сам сделался преподавателем в обеих. Это свидетельствует о подлинном демократизме и колоссальной энергии Суворова, при всей своей разносторонней деятельности находившего время для преподавания.

Кроме школы, были выстроены полковые конюшни и разбит сад. Любопытно, что Суворов заботился также об эстетическом воспитании, и школьники-дворяне однажды разучили и

поставили пьесу. Довольно крупные издержки, связанные со всеми перечисленными мероприятиями, покрывались главным образом за счет сбережений в хозяйстве полка. Часть их, однако, Суворов покрывал и из собственных средств.

Таким образом, во всей системе обучения Суздальского полка тесно переплетались элементы воспитания духа (в смысле развития высших боевых качеств) и тщательного обучения военной технике. Свои взгляды на боевую подготовку войск, Суворов изложил в особом наставлении, которое до сих пор было известно в литературе под названием «Суздальское учреждение».

В настоящее время, однако, имеются значительно более точные и подробные сведения об этом чрезвычайно интересном документе, так как в Артиллерийском музее (г. Ленинград) отыскан экземпляр его. Исследовавшие рукопись историки пришли к выводу, что она написана зимой 1764/65 г.г. Общее название рукописи: «Полковое учреждение».

Этот документ – размером свыше 50 рукописных страниц – представляет собою свод правил по управлению и обучению полка. В нем имеются следующие главы: 1) О караулах, 2) О экзерцировании, 3) О убранстве и чистоте, 4) О воинском послушании, распорядке и должностях, 5) О лагере, 6) О непременных квартирах.

Неся караульную службу в столице, солдаты и офицеры Суздальского полка должны были в совершенстве знать все церемониалы. Между тем, петровский устав не заключал в себе подробностей несения этой службы. Содержащаяся в «Полковом учреждении» инструкция явилась в этом смысле как бы дополнением к уставу Петра I; ряд пунктов этой инструкции вошел впоследствии в воинские уставы. Предусмотренные инструкцией Суворова церемониалы преследуют цель развить чувство ответственности, побудить караульного проникнуться сознанием важности порученного ему дела.

Важнейшей главой «Полкового учреждения» является вторая, посвященная строевому обучению. Особое внимание здесь уделено обучению рекрут. Наставление дает офицеру указание, как нужно обучать и чему уделять наибольшее внимание. Оно требует придания рекруту хорошей выправки, «чтоб оные имели на себе смелой военный вид», главное же, освоения им основных правил солдатского ремесла: «дабы солдат ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен был», а также был бы обучен «скорой и исправной стрельбе». Таким образом, в центре внимания стоит не парадная сторона, а обучение боевым построениям и меткой стрельбе.

То обстоятельство, что «Полковое учреждение» не требовало

знания солдатами изощренных тонкостей различных «парадировок», делало возможным скорое обучение: ротному командиру давался на прохождение с рекрутом всей программы один месяц.

Примечательна четвертая глава наставления. В ней утверждается великое значение воинской дисциплины и вместе с тем – заботы командира о своих подчиненных. «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержало свято. Того ради никакой подчиненный перед своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать».

Такими словами начинается первый параграф этой главы.

А четвертый параграф гласит, что ротный командир «к своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем».

В эпоху, когда повсеместно считалось обязательным подвергать солдат за всякую провинность тяжким, унизительным наказаниям, автор «Полкового учреждения» требовал: «В обучении экзерциции и прочего… чтоб поступаемо было без жестокости и торопливости», а в другом месте пояснял-. «Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого (в смысле дорожащего честью. – *К. О.)* солдата, неужели жестокость, приводящая оного в отчаяние».

«Полковое учреждение» не хочет, лишать солдата того, что доставляет ему радость. Но и здесь требуется соблюдать благоразумие, избегать общения солдат с людьми, которые могут научить его «подлым поступкам, речам и ухватке». В связи с этим, например, «нижним чинам вино и прочее пить не запрещается, однако не на кабаке, где выключая что ссоры и драки бывают, и военный человек случается во оные быть примешен».

Наставление заканчивается требованием непрестанного, деятельного обучения, благодаря чему люди «праздность и леность навсегда убегать привыкнут», и всякий «при всяком случае будет бодр, смел, мужествен и на себе надежен».

Таковы основные черты «Полкового учреждения» – достойного предшественника оформившейся спустя тридцать с лишком лет другого наставления: «Науки побеждать». Основные положения этого знаменитого суворовского наставления отчетливо видны уже в инструкции, разработанной молодым командиром Суздальского полка.

Будучи простым и приветливым в обращении с солдатами, Суворов проявлял в то же время большую требовательность и

сурово взыскивал за нарушение дисциплины. «Дружба – дружбой, а служба – службой» – таково было его правило. Существует рассказ, что одному генералу, очень часто твердившему о своих дружеских чувствах к Суворову, Александр Васильевич велел записать: «Дружба и служба суть две параллельные линии, никогда не пересекающиеся». В одном приказе он прямо предписывает «в случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда».

Екатерининские военные деятели и чиновники, в большинстве своем тупые и ограниченные служаки, не могли понять преимущества и всего огромного значения проводимой в Суздальском полку новой системы… Суворов не имел – да и не искал – сильного покровителя, который заставил бы обратить внимание на него и его идеи, а без этого в екатерининскую эпоху трудно было чего-либо добиться. Так как о Суворове все-таки уже заговорили, правящая клика попыталась отмахнуться от него, создав ему репутацию оригинала. Придравшись к отдельным шероховатостям и преувеличениям, встречавшимся в суворовской системе, стали говорить о нем как о способном «чудаке», не заслуживающем, однако, серьезного отношения. Указанием на внешнюю парадоксальность его поступков эти люди пытались скрыть глубокий смысл проводившихся Суворовым реформ.

Нужно отметить, впрочем, что под влиянием опыта Семилетней войны свежие идеи проникли в умы многих военных деятелей, так что реформы Суворова не были совершенно исключительным явлением. Так, в 1764 году была издана «Инструкция полковничья», насаждавшая прогрессивные по тем временам взгляды на воспитание и обучение солдат. Но Суворов, конечно, пошел значительно дальше, и это восстановило против него всех рутинеров.

Надо коснуться еще одной черты Суворова, которая проявилась в этот период: уже в это время он одержал первую свою победу «духа над плотью», подобные которой он одерживал затем непрестанно в течение сорока лет. Телосложение и здоровье его были довольно хрупкими. В начале 1764 года в одном из своих писем (Кульневой) он жаловался на свое здоровье, на то, что до крайности исхудал и стал подобен «настоящему скелету, лишенному стойла ослу, бродячей воздушной тени». Он страдал болями в груди, в голове и особенно в животе. В боях он получил шесть ран. «Я почти вижу свою смерть, – писал он, – она меня сживает со света медленным огнем, но я ее ненавижу, решительно не хочу умереть так позорно и не отдамся в ее руки иначе, чем на поле брани».

И тем не менее он в течение пятидесяти лет делил с солдатами трудности бивуачной, походной и боевой жизни, показывал им пример выносливости под палящим солнцем Италии и под снежными вьюгами в Альпах – всегда неутомимый, бодрый и предельно деятельный.

Во второй половине июня 1765 года Суздальский полк участвовал в больших маневрах, устроенных в Красном селе. Суворов возглавлял на этих маневрах отряд, производивший разведывательные операции, и был с похвалою упомянут в приказе.

После маневров полк вернулся на прежнюю стоянку в Новой Ладоге.

IV. Война с конфедератами

В описываемую эпоху польское государство сохраняло еще феодальный строй общества, препятствовавший развитию торговли и промышленности, обрекавший на бесправие и нищету широкие слои населения.

По словам Энгельса, Польша XVIII века находилась «в состоянии полного развала». Эта «дворянская республика, основанная на эксплоатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию», была обречена «стать легкой добычей своих соседей». [20]

Польские короли являлись марионетками в руках соседних государств. Россия проявляла большую заинтересованность в делах Польши, особенно возросшую с воцарением Екатерины II.

Не желая примириться со все возрастающим русским влиянием, польское дворянство стало подготовлять вооруженную борьбу против России. В своих замыслах оно было, поддержано Францией и Австрией.

Не желая непосредственно ввязываться в войну с Россией, эти государства составили план толкнуть на борьбу с ней ее соседей на севере и на юге – Швецию и Турцию. В 1768 году началась русско-турецкая война.

В феврале 1768 года группа панов и шляхтичей съехалась в небольшом городке Баре, близ турецкой границы. Собравшиеся выпустили воззвание к польскому народу, в котором объявили короля Станислава низложенным, а себя – главарями организованной ими национальной («Барской») конфедерации. [21]

Через несколько дней под знамена конфедератов стеклось 8 тысяч человек. Во главе их стал шляхтич Иосиф Пулавский. Войска Станислава, усиленные русским отрядом, стали подавлять движение. Между тем в конце 1768 года турецкое правительство под прямым давлением Австрии и Франции объявило войну России. Это воодушевило конфедератов, и шедшее было на убыль движение распространилось с новой энергией.

Главные силы России предназначены были действовать против турок. Но наряду с этим были приняты меры к подавлению вооруженного движения польских конфедератов. Было решено собрать под Смоленском корпус из четырех пехотных и двух кавалерийских полков под командованием генерал-поручика Нуммерса. В состав этого корпуса был включен и Суздальский полк.

Получив приказ идти к Смоленску, Суворов немедленно

выступил из Ладоги. Стоял ноябрь; полк шел по щиколотку в грязи; лошади месили копытами жидкую кашу, которая носила громкое название «дороги». Осенняя распутица, множество болот, длинные ночи – все это чрезвычайно затрудняло поход. Но Суворов был чуть ли не рад всему этому: вот когда представился случай для серьезного походного учения. С неослабевавшей энергией вел он свой полк, несмотря на грязь и ненастье; 869 верст, отделявшие Новую Ладогу от Смоленска, были пройдены в течение тридцати дней. При этом заболевших насчитывалось всего трое, один умер и один извозчик «отлучился». А между тем, в полку насчитывалось до 1500 человек. Суворов мог быть доволен плодами своих забот: в других частях тогдашней армии дневные переходы редко превышали 10–11 верст, беспрерывно устраивались остановки на отдых, и все-таки значительная часть солдат к концу похода оказывалась «в нетях» или в госпиталях.

Незадолго до назначения в Польшу, в сентябре 1768 года, Суворов был произведен в бригадиры.[22]

В Смоленске он получил в командование бригаду, в состав которой вошел и Суздальский полк. Зиму он провел в тренировке новых своих частей по образцу суздальцев, а весною направился к Варшаве с Суздальским полком и двумя эскадронами драгун. Он употребил редко применявшийся в то время способ: реквизировал подводы у населения и, посадив на них людей, стремительно двинулся в путь. Расстояние в 600 верст было покрыто в двенадцать дней.

Общее командование русскими войсками в Польше было возложено в это время на генерала Веймарна. Он был опытным военачальником, однако чрезвычайным педантом и к тому же мелочно-самолюбивым человеком. Суворову было нелегко ладить с ним. «Каторга моя в Польше за мое праводушие всем разумным знакома», писал он впоследствии об этом.

Сосредоточенные в Польше русские отряды были немногочисленны. Но у конфедератов не было единства в действиях, не было выучки и дисциплины, и в результате они оказывались слабее. Все же иногда они соединяли свои раздробленные силы, и тогда с ними приходилось считаться.

В августе 1769 года было получено известие о сосредоточении крупных сил конфедератов под Брестом. Во главе их стояли сыновья умершего к тому времени Иосифа Пулавского – Франц и Казимир. Против них действовали два довольно многочисленных русских отряда, силою в полторы-две тысячи человек каждый. Однако командиры этих отрядов – Ренн и Древиц – не решались напасть на Пулавских. В распоряжении Суворова имелась едва четвертая часть тех сил, которые были у

Ренна и Древица. Но он меньше всего собирался придерживаться их тактики. Он полагал, что правильный образ действий заключается в том, чтобы теснить противника, не давая ему опомниться. Оставив в Бресте часть своего отряда, взяв 450 человек при двух пушках, он двинулся в погоню за Пулавскими и настиг их около деревни Орехово.

Вначале Суворов, учитывая громадное численное превосходство поляков, ограничивался тем, что отбивал картечью их атаки. Решив, что неприятель обескуражен неудачами, он приказал зажечь у него в тылу гранатами деревню и предпринял штыковую атаку. Атака эта весьма примечательна: Суворов атаковал пехотой конницу – случай, почти не имевший прецедентов в военной практике. Штыковой удар был проведен с обычной энергией. Поляки бежали, и немногочисленные кавалеристы Суворова преследовали их на протяжении трех верст, в то время как пехота, по его распоряжению, вела частую стрельбу – с целью «психического воздействия» на неприятеля. Поляки были настолько деморализованы, что не могли остановиться, хотя под конец их преследовали всего десять кавалеристов во главе с самим Суворовым. Вдобавок они понесли тяжелую потерю в лице Франца Пулавского, убитого в схватке.

В этом бою Суворов проявил необычайную отвагу: в самом начале он с 50 драгунами атаковал батарею, обстреливавшую мост, через который должны были наступать гренадеры. Драгуны в решительный момент обратились вспять, оставив Суворова одного. Но, вместо того чтобы броситься на одинокого всадника, польские артиллеристы отвезли батарею за линию.

Дело под Ореховом выдвинуло Суворова в первый ряд русских военачальников в Польше и принесло ему чин генерал-майора.

После Орехова. Суворов избрал средоточием своего отряда город Люблин и разослал оттуда во все стороны мелкие отряды, неустанно гонявшиеся за появлявшимися партиями конфедератов.

В такого рода деятельности прошел весь 1770 год. Осенью этого года полководец едва не погиб: переправляясь через Вислу, он неудачно прыгнул на понтон, ударился грудью о край понтона, упал в воду и стал тонуть. Один из солдат схватил его за волосы и спас; но Суворов так сильно ударился грудью, что проболел три месяца.

Беспощадно громя отряды конфедератов, он очень человеколюбиво обращался с побежденными и часто отпускал их на родину под честное слово, что они не будут более участвовать в войне. – В бытность мою в Польше сердце мое никогда не

затруднялось в добре и должность никогда не полагала тому преград, – говорил Суворов.

Он приказывал хорошо обращаться с пленными и кормить их, «хотя бы то было сверх надлежащей порции». Недоумевавшим по этому поводу офицерам он разъяснял, что «благоприятие раскаявшихся возмутителей пользует более нашим интересам, нежели разлитие их крови».

В этом была и гуманность и политическая дальновидность.

В 1770 году конфедераты получили деятельного организатора в лице французского генерала Дюмурье, явившегося в Польшу в сопровождении отряда французских солдат.

Связанное с прибытием Дюмурье оживление военных действий открыло и для Суворова некоторые перспективы. Он двинулся против нового противника и, выйдя из Люблина, взял приступом местечко Ландскрону (Ланцкрону) (в 30 верстах от Кракова). В этом деле, между прочим, были прострелены его шляпа и мундир.

Овладев местечком, он порешил взять и цитадель, в которой заперлись поляки, но здесь постигла его неудача, одна из редких неудач в его военной карьере, – конфедераты отбили штурм, причем русские понесли потери: было убито 22 солдата, ранено 6 офицеров и 27 солдат. Сам Суворов был при этом легко ранен; была ранена и лошадь под ним. Пришлось отступить.

Неудачный исход предприятия был обусловлен совершенным незнакомством войск, не прошедших суворовской школы, с техникой штурма крепостей. В письме к Веймарну Суворов горько иронизировал по этому поводу: «Имели мы прежде вымышленные слова: Строй фронт по локтю! Раздайся из середины крыльем! Фронт назад! Поет для скуки взводный командир: В средину сомкнись! Стройся в полторы шеренги! Стройся в три шеренги! Строй ряды, в шесть шеренг! Наконец, тысячу таких слов… Все под Ланцкроной исчезло!»

Неудачная стычка под Ландскроной, разумеется, ни в малой степени не повлияла на энергичную, инициативную тактику Суворова. К этому времени он уже прочно утвердился в своих взглядах на военное дело, иллюстрацией чего может служить его интересное письмо ротмистру Вагнеру (от 25 февраля 1771 г.): «Сикурс есть слово ненадежной слабости, а резерв – склонности к мужественному нападению; опасность есть слово робкое и никогда как сикурс слово чужестранное, да на русском языке никогда не употребляемое и от меня заказанное, а на то служит осторожность. А кто в военном искусстве мудр, то над сим предосторожность, а не торопливость, свыше же резерва называется усилие, то есть что и без него начальник войска по его

размеру и храбрости сильным быть себя почитает. Сикурс, опасность и протчие вообразительные во мнениях слова служат бабам, кои боятца с печи слезть, чтоб ноги не переломить, а ленивым, роскошным, и тупозрячим (нужны) для подлой обороны»…

Подлинно суворовское, великолепное высказывание! В нем с предельной четкостью и выразительностью изложены принципы смелой, уверенной тактики замечательного полководца.

Очень скоро после неудачного Ландскронского дела Суворов направился к местечку Рахову и рассеял скопившийся там отряд конфедератов. Во время этой экспедиции случился эпизод, очень характерный для Суворова: его колонна подошла к Рахову ночью и рассыпалась по местечку в поисках засевших в избах поляков. Полководец остался совершенно один; в этот момент он заметил, что в корчме заперся многочисленный отряд. Не колеблясь, он подъехал к двери и предложил полякам сдаться; поляки в количестве 50 человек сдались ему.

Вернувшись в свой «капиталь»,[23] как прозвал Суворов город Люблин, он получил от Веймарна приказ снова идти к Кракову, где теперь расположились главные силы конфедератов. Имея под начальством свыше полутора тысяч человек, он с обычной быстротой совершил марш и застал Дюмурье врасплох. Однако реализовать выгоды внезапности ему помешала новая, хотя и столь же незначительная неудача. Вблизи Кракова, около деревни Тынец, находился сильно укрепленный редут, занятый отрядом конфедерата Валевского. Суворов решил взять редут с налета. Это было выполнено, но пехота конфедератов отбила редут и после упорной борьбы удержала его за собой. Потеряв около двухсот человек и несколько часов драгоценного времени, Суворов прекратил штурм и двинулся к соседней деревне Ландскроне, уже являвшейся незадолго перед этим ареной военных столкновений. Тут произошел известный бой, остающийся классическим примером смелости и мастерства в учете психологии противника.

В распоряжении Суворова было в это время уже три с половиной тысячи человек; поляков было приблизительно столько же. Дюмурье занимал чрезвычайно сильную позицию. Левый фланг его упирался в Ландскронский замок; центр и правый фланг, недоступные по крутизне склонов, были прикрыты рощами. У него имелось 50 пушек. «Ланцкорон столько нарыт, что мы о его штурме и не думали», доносил Суворов Веймарну. Иными словами, Суворов понимал, что планомерный штурм столь сильной позиции должен повлечь большие потери. Чтобы избежать их, он решается на очень рискованный шаг, целиком основанный на его глубоком и тонком понимании военной

психологии. Суворов, не дожидаясь, пока подтянется весь его отряд, двинул 150 конных карабинеров и две сотни чугуевских казаков на фланг неприятельского расположения.

Уверенный в неприступности своей позиции, Дюмурье приказал подпустить поближе «шедшую на верную гибель» конницу и открыть огонь, только когда она взберется на вершину гребня. Но Суворов лучше знал впечатлительность польских войск, не прошедших регулярного воинского обучения. Едва казаки, поднявшись на высоты, построились в лаву[24] и ударили в пики, польская пехота смешалась и бросилась в бегство. Пытавшийся остановить беглецов видный конфедерат Сапега был убит обезумевшими от страха людьми. Все усилия Дюмурье восстановить порядок были тщетны. Бой был окончен за полчаса. Поляки потеряли 500 человек, остальные рассеялись по окрестностям; только французский эскадрон и отряд Валевского, считавшийся одним из лучших в войске конфедератов, отступили в порядке. Что касается русских, то у них насчитывалось только 10 раненых (убитых не было вовсе).

После этой битвы отношения Дюмурье с конфедератами и без того не отличавшиеся сердечностью, вконец испортились, и он через несколько недель уехал во Францию. «Мурье, управясь делом и не дождавшись еще карьерной атаки, откланялся по-французскому и сделал антрешат в Белу, откуда за границу», не без ехидства донес об этом Суворов.

Впоследствии в своих мемуарах Дюмурье пространно критиковал приказ Суворова атаковать конницей сильную позицию. Он считал подобные действия противоречащими всем тактическим правилам и объяснял успех Суворова игрой случая. Посредственность пыталась критиковать гения! Дюмурье невдомек было, что Суворов проявил в этом бою высокое искусство. Он точно оценил обстоятельства, понял нравственную слабость противника, интуитивно нашел верное средство» для его поражения. Свой рискованный план он построил на впечатлительности поляков, на внезапности удара и на стремительности его. В данном случае это было гораздо эффективнее, чем методический нажим на польские позиции. Это было действительно очень простое решение вопроса, но то была простота гения.

С поражением Дюмурье самым видным предводителем конфедератов остался Казимир Пулавский. Суворов погнался за ним, настиг его, разбил и попытался уничтожить его отряд. Однако Пулавский остроумным маневром сумел оторваться от русских войск, увлеченных преследованием его арьергарда, и благополучно увел от погони свои главные силы.

Узнав о военной хитрости Пулавского, Суворов, всегда умевший отдать должное искусству и друга и врага, пришел в восторг. Он отослал Пулавскому свою любимую фарфоровую табакерку – в знак уважения к отваге и находчивости противника.

Этим окончилась предпринятая Суворовым операция. Она была построена на тех же твердо усвоенных им принципах: неустанная стремительность, неодолимый натиск. В течение семнадцати суток отряд прошел около 700 верст среди враждебно настроенного населения, почти ежедневно ведя бои с противником. Это производило впечатление смерча, и ни поляки, ни французские офицеры не знали, как бороться с ним.

Последние надежды польских конфедератов сосредоточились теперь на литовском великом гетмане графе Огинском. Долго колебавшийся, ввязываться ли ему в военную авантюру, он в конце концов уступил подстрекательствам французского правительства. На решение его повлияло прибытие к нему из Польши конфедерата Коссаковского с двухтысячным полком черных гусар. Отряд этот назывался «вольные братья» и считался лучшим у конфедератов. Огинский, помышлявший в случае успеха о польской короне, наконец, решился: в августе 1771 года он внезапно напал на русский отряд и взял в плен около пятисот человек; командир отряда Албычев был убит.

Известие о том, что Огинский стал на сторону конфедератов, разнеслось по Литве, и отовсюду стали стекаться к нему волонтеры.

Удачное развитие дальнейшей деятельности Огинского грозило русским серьезными последствиями. Народные волнения могли быстро охватить весь дотоле спокойный край.

Опытному глазу Суворова ясно было, чем чревато выступление Огинского, если не затушить его в самом начале.

С отрядом в 800 человек, пройдя за четыре дня около двухсот верст, Суворов подошел к местечку Столовичи, где разместилась более чем трехтысячная колонна Огинского. Несмотря на то, что войско противника было вчетверо больше его собственного отряда, Суворов, верный своей обычной тактике, задумал немедленную атаку. Была темная ночь. Русский отряд без шума подошел к местечку, снял сторожевой пикет и ворвался в Столовичи. «Нападение наше на литовцев было со спины», констатировал Суворов. Не давая опомниться конфедератам, русские, к которым примкнули содержавшиеся здесь в плену солдаты убитого Албычева, штыками и саблями очистили Столовичи.

В Столовичах была расположена только часть польско-литовских войск. Остальные разбили лагерь в поле. Не позволяя

им придти в себя, Суворов на рассвете атаковал их и рассеял. Победа была полная. Огинский с десятком гусар бежал за границу.

Последствия Столовичской битвы были огромны. Суворов доносил о ней: «Сражение продолжалось от трех до четырех часов, и вся Литва успокоилась».

Суворов был настолько доволен поведением своих солдат в этой операции, что подарил каждому из них от себя по серебряному рублю.[25] Сам он был награжден за эту победу орденом (третьим за время пребывания в Польше). Правда, это случилось не сразу: разгневанный тем, что Суворов действовал по собственной инициативе, Веймарн подал на него формальную жалобу в Военную коллегию. Факты, однако, были чересчур очевидны; жалоба осталась без последствий, а Суворову послали орден.

Вскоре после сражения при Столовичах Веймарна перевели в другое место, и взамен его был назначен Бибиков. С новым начальником у Суворова установились хорошие отношения. Однако укоренившиеся в нравах генералитета интриги не прекращались, и Суворов просил о переводе его в армию Румянцева, действовавшую против турок.

«Мизантропия овладевает мною, – писал он Бибикову. – Не предвижу далее ничего, кроме досад и горестей».

Прошло все-таки еще около года, прежде чем ему удалось покинуть Польшу. В течение этого года имело место одно небезынтересное событие. Прибывший вместо Дюмурье к конфедератам французский генерал Виомениль затеял смелое предприятие. «В отчаянном положении, в котором находится конфедерация, – писал Виомениль, – необходим блистательный подвиг для того, чтобы снова поддержать ее, вдохнуть в нее мужество». В качестве такого подвига был задуман захват Краковской цитадели, охранявшейся Суздальским полком под командой бездеятельного офицера Штакель– берга («обремененного ксендзами и бабами», как выразился Суворов). План этот удался как нельзя лучше. В январе 1772 года, в то время как русские офицеры веселились на маскараде, отряд французов пробрался через сточные трубы в цитадель и захватил ее.

Узнав о случившемся, Суворов с полутора тысячами человек бросился к Кракову. Он сделал все возможное, чтобы отбить цитадель: обстреливал ее, пытался выманить французов в поле, но все было тщетно. С каждым днем его положение делалось хуже, так как вокруг него стягивалось кольцо конфедератских отрядов. Пришлось решиться на попытку завладеть цитаделью

штурмом. Эта попытка окончилась полной неудачей.

«Неудачное наше штурмование доказало, правда, весьма храбрость, но купно[26] в тех работах и неискусство наше», доносил Суворов Бибикову.

Началась осада. Суворов подвез сильные орудия, приказал вести подкопы. В замке вскоре обнаружился недостаток продовольствия и медикаментов.

После трехмесячной осады, узнав от разведчиков о крайне тяжелом положении защитников замка, Суворов послал к ним парламентера с предложением очень выгодных условий капитуляции. Осажденные сочли это за признак слабости и вступили в пререкания. В ответ Суворов предъявил новые условия, несколько жестче первых, предупредив, что в дальнейшем условия капитуляции будут каждый раз становиться все более суровыми. Осажденные поторопились принять все условия.

Суворов оказал сдавшемуся гарнизону очень корректный прием. Всем французским офицерам он возвратил шпаги, не без язвительности заметив, что Россия и Франция не находятся в состоянии войны.

Между тем сопротивление поляков все более ослабевало В августе 1772 года был подписан договор об отторжении от Польши значительной части территории: около четырех тысяч квадратных миль с пятимиллионным населением. На долю России из этого досталось несколько более одной трети (белорусские области на Днепре и Двине); прочее оттягали Австрия и Пруссия.

Большинство конфедератов изъявило покорность. Им была обещана амнистия. Казимир Пулавский, лишенный приверженцев, направился в Америку, вступил в ряды армии Вашингтона и был убит в сражении у Саванны. Расставаясь со своими последними соратниками, он отдал дань уважения Суворову и выразил скорбь, что у поляков не нашлось подобного человека.

С окончанием войны Суворов добился разрешения покинуть пределы Польши. Уезжая, он написал Бибикову большое письмо.

«Следую судьбе моей, которая приближает меня к моему отечеству и выводит из страны, где я желал делать только добро, по крайней мере, всегда о том старался. Сердце мое не затруднялось в том и долг мой никогда не полагал тому преград… Безукоризненная добродетель моя весьма довольна одобрением, изъявляемым моему поведению… Простодушная благодарность рождает во мне любовь к этому краю, где мне желают одного добра…»

Это письмо, из которого мы привели лишь некоторые цитаты, весьма характерно для Суворова. Он всегда гордился – даже немного кичился – своей добродетелью, понимая под ней, вероятнее всего, свою подлинную бескорыстность и принципиальность. Он гордился тем, что, проходя с боями по покоряемым им землям, никогда не прибегал к жестокостям.

Суворов настойчиво просил командировать его в южную армию, но вместо того ему пришлось отправиться в Финляндию, где создавалось напряженное положение вследствие политических осложнений со Швецией, Зимой 1772 года он был в Петербурге, затем в продолжение нескольких месяцев инспектировал пограничные районы Финляндии. Разъезжая по сумрачным лесам, он не переставал зорко следить за судьбой заключенного тогда с Турцией перемирия, предвидя, что там предстоят крупные военные столкновения.

Суворов рвался к ним, подобно тому, как четыре года назад рвался в Польшу. Там он обманулся в своих надеждах: постоянная утомительная погоня за партизанами, мелочная опека Веймарна, незначительный масштаб операций – все это не удовлетворяло его. Как былинный Святогор, он искал, где применить свою силу. Он надеялся, что на турецком театре войны найдет желанный простор.

V. На берегах Дуная

В мае 1772 года Турция предложила России временно приостановить военные действия. Начались мирные переговоры, в которых приняли участие представители Пруссии и Австрии. Обе стороны желали мира. Турки были разбиты при Ларге и Кагуле, потеряли свой флот в сражении при Чесменской бухте и были потрясены выпавшими на их долю поражениями. России не дешево далась война на двух фронтах – турецком и польском – при необходимости одновременного прикрытия северных границ. Кроме того, правительство было серьезно обеспокоено разраставшимися крестьянскими волнениями.

Однако почвы для соглашения с турками найти не удалось. Екатерина II хотела ощутительно реализовать победы Румянцева и Орлова. «Если при мирном договоре не будет одержано – независимость татар, ни кораблеплавание на Черном море, то за верно сказать можно, что со всеми победами над турками мы не выиграли ни гроша», писала она. Но как раз в вопросе о крымских татарах Турция не склонна была уступить.

Весной 1773 года военные операции возобновились. Турецкие солдаты были храбры и выносливы; всадники в одиночном бою даже превосходили европейских кавалеристов. Но отсутствие порядка и дисциплины обесценивало эти качества. Европейские армии побеждали турок благодаря выдержке и лучшей организации. Они строили свои полки в огромные каре[27] и окружали их рогатками,[28] защищаясь таким образом от первого неистового натиска конницы. Это было надежная; оборонительная тактика, но она обрекала войска на пассивность. П. А. Румянцев предложил иной способ борьбы: неповоротливое колоссальное каре было заменено несколькими меньшими; применение рогаток, стеснявших маневренность, было резко сокращено. И все-таки война с многочисленной турецкой армией представляла большие трудности, и недавний герой Кагула и Ларги, Румянцев, настаивал на усилении его армии, прося в противном случае заменить его на посту главнокомандующего.

В это время приехал Суворов. Румянцев встретил его довольно сдержанно и дал назначение в дивизию генерал-поручика графа И. П. Салтыкова (сына победителя при Кунерсдорфе). Между прочим, в этой дивизии состоял уже на службе Потемкин.

Салтыков поручил новому генералу командовать левым флангом. Позиции проходили у Негоештского монастыря, противостоящего расположенному на другом берегу Дуная городу

Туртукаю. В распоряжение Суворова был передан сводный отряд численностью около 2 300 человек.

Приезду Суворова предшествовала молва. Его действия в Польше резко выделили его из ряда других генералов. Слухи о его странностях и оригинальностях усиливали интерес к нему. Была известна и популярность его среди солдат.

Но в условиях тогдашней русской армии популярный генерал был бельмом на глазу у правящей верхушки. Чем больше росла его известность, тем настороженнее и враждебнее относились к нему верхи. Суворов знал это; он особенно тщательно подготовлял наносимые им удары, а в процессе осуществления их лично руководил часто атакой, рискуя жизнью. Однажды он с горечью написал И. П. Салтыкову: «Бегать за лаврами неровно иногда и голову сломишь… да еще хорошо, коли с честью и пользою». Но другого выхода у него не было.

Через несколько дней по приезде Суворова Румянцев предпринял серию усиленных рекогносцировок, или, как их называли, поисков. Один из них был поручен новому командиру.

Несмотря на полученные подкрепления, силы Суворова были значительно меньше, чем размещенный в Туртукае четырехтысячный неприятельский отряд. В этих условиях форсирование Дуная было делом нелегким. Между тем неудача способна была навеки погубить его репутацию: он не сомневался, что всякий неуспех будет раздут неимоверно. Оставалось положиться на стойкость солдат и офицеров и на свое искусство.

В течение нескольких дней он внимательно изучал турецкие позиции и затем разработал подробную диспозицию операции. Отдельные места этой диспозиции настолько интересны, что их стоит привести. «Атака будет ночью с храбростью и фурией[29] российских солдат… А подробности зависят от обстоятельства, разума и искусства, храбрости и твердости гг. командующих… весьма щадить: жен, детей и обывателей… мечети и духовной их чин…; турецкие обыкновенные набеги отбивать по обыкновенному наступательно». Таким образом, Суворов, идя по следам Петра I и Румянцева, предоставлял командирам отдельных частей широкую инициативу.

Заслуживает пристального внимания боевой порядок, избранный Суворовым. 9 мая он писал И. П. Салтыкову: «пехота будет действовать в 2 карея с резервом и натурально инде колонною».

Первоначально Суворов хотел переправиться через Дунай незаметно, в семи верстах ниже Туртукая. Все приготовления были закончены. Лично руководивший ими Суворов, завернувшись в плащ, уснул на берегу реки. Неожиданно в

середине русского расположения раздалось гортанное «алла» турок. Около тысячи янычар[30] переплыли реку и устремились в глубь русского лагеря, едва не захватив при этом самого Суворова Этот налет был быстро ликвидирован, но турки заметили военные приготовления и должны были догадаться, что готовится атака на Туртукай. Суворов лишался одного из своих главных козырей – внезапности. Тогда он принял энергичное, глубоко психологическое решение: совершить поиск в эту же ночь. Он справедливо полагал, что турки никак не станут ждать новой битвы сейчас же после окончания первой.

В ночь на 10 мая, отдав последние распоряжения и лично установив четыре пушки, Суворов двинул войска.

Касаясь этого военного предприятия Суворова – одного из его первых крупных предприятий, – нельзя не удивляться высокому искусству сочетания глубины замысла с разработкой всех деталей. Основные положения диспозиции сводились к следующему. Сперва переправляется пехота, разделенная на два каре и резерв; при резерве – 2 пушки; за пехотой – конница; если возможно – люди на лодках, лошади в поводу вплавь. На русской стороне Дуная ставится батарея из четырех орудий для поддержки атакующих. Атака «с храбростью и фурией» ведется последовательно на все позиции турецких войск. Далее в диспозиции столь же тщательно предусматривается боевая деятельность стрелков, использование резерва и пр., вплоть до напоминания о необходимости щадить мирных жителей и церковные сооружения.

В первом часу ночи началась переправа. Турки открыли жестокий огонь, но в темноте он оказался мало эффективным. Выйдя на берег, войска, выполняя диспозицию, направились двумя колоннами вверх по реке. Суворов находился при первой из них. Преследуя отступавших турок, русские заметили оставленную вполне исправную пушку и, повернув ее, выстрелили в сторону Туртукая. Однако при выстреле пушку разорвало, и все находившиеся подле нее получили ранения. В числе их был и Суворов, у которого оказалось поврежденным бедро. Превозмогая боль, Суворов продолжал бежать впереди цепей и одним из первых ворвался в неприятельский окоп. Огромный янычар набросился на него, но Суворов проворно уклонился, приставил к груди янычара штык и, передав пленника подоспевшим солдатам, побежал дальше.

В четвертом часу утра атака была закончена – турки беспорядочно бежали. Выведя из города всю славянскую часть населения, Суворов велел сжечь Туртукай дотла. В тот же день совершилась обратная переправа. Потери русских достигали 200

человек, потери турок – 1 500 человек.[31] Победителям достались трофеи: пушки, перевозочные суда и пр.

Немедленно по занятии города Суворов отправил донесение Салтыкову, написанное карандашом на клочке серой бумаги: «Ваше сиятельство. Мы победили, слава богу, слава вам».

Через несколько дней он послал Салтыкову трогательно–наивное письмо: «Не оставьте, ваше сиятельство, моих любезных товарищей, да и меня, бога ради, не забудьте, кажется, что я вправду заслужил Георгиевский второй класс; сколько я к себе ни холоден, да и самому мне то кажется. Грудь и поломанный бок очень у меня болят, голова как будто пораспухла».

Желание полководца исполнилось: Екатерина наградила туртукайского победителя Георгиевским крестом 2-й степени.

Нанеся короткий удар туркам и разрушив город, Суворов вынужден был вернуться на левый берег Дуная: он считал возможным остаться на правом берегу лишь при условии прочного закрепления там и в этом смысле представил докладную записку. Однако Салтыков не решился на это. Турки вновь заняли Туртукай, притом довольно крупными силами. Рядом рапортов Суворов извещал И. П. Салтыкова о непрерывном прибытии турецких подкреплений в Туртукай.

Спустя четыре недели прибыло распоряжение главнокомандующего предпринять 5 июня новый поиск на Туртукай: Румянцев готовился к решительным операциям и с целью отвлечь внимание турок от места главного удара поручал Суворову демонстрацию.

Суворов сделал все необходимые распоряжения, составил новую диспозицию, но в самый день выступления свалился в остром приступе лихорадки. Руководство новым поиском он поручил своим помощникам. Однако теперь турки держались настороже: их пикеты зорко следили за переправами. Полковник Астраханского полка Батурин и князь Мещерский сделали одну-две робкие попытки переправиться, потом сочли операцию чересчур рискованной и отложили ее.

Узнав об отмене поиска, Суворов пришел одновременно в ярость и отчаяние. «Благоволите, ваше сиятельство, рассудить, – написал он Салтыкову, – могу ли я уже снова над такою подлою трусливостью команду принимать… Какой это позор. Все оробели, лицы не те… Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутца…»

Все в нем возмущалось и кипело. Между тем 7 июня состоялась переправа главных русских сил, и стратегический смысл повторного поиска на Туртукай отпал.

Однако Суворов руководствовался и другими соображениями.

В письме от 10 июня, он, после уничтожающей характеристики Батурина и Мещерского, высказывает основную свою мысль: «Как бы это тем временем, к сожалению, не оказало отчасти дурного влияния на войска».

И далее второе, столь же важное соображение: «Турки набираются храбрости, видя, что приготовления к нападению сведены на нет».

Суворов полагал нужным все-таки предпринять вторичную экспедицию на Туртукай, во-первых, из военно-воспитательных соображений: он внушал солдатам, что если они будут храбры и будут выполнять все распоряжения командиров, то враг не устоит перед ними. Сорванное наступление под Турту– каем наносило серьезный удар всей этой системе. Вторая причина заключалась в нежелании ободрить противника проявлением нерешительности. И, наконец, Суворову хотелось реабилитировать себя и свой отряд, ибо ему, по его выражению, лучше было «где на крыле промаячить, нежели подвергать себя фельдфебельством моим до стыда видеть под собою нарушающих присягу и опровергающих весь долг службы».

Поэтому он начал приготовления к атаке. Для большого морального впечатления он объявил, что остается в силе ранее выработанная им диспозиция. В действительности он внес в нее много коррективов, учтя изменившуюся обстановку. Основные положения этой диспозиции вполне выдержаны в духе его военных правил: «итти на прорыв,… не останавливаясь. Голова хвоста[32] не ожидает… Командиры частей, колонны или разделениев ни о чем не докладываются, а действуют сами собой с поспешностию и благоразумием… Ежели где кучка турок будет просить их аман,[33] то давать» и т. д.

Разработанный порядок наступления предусматривал сочетание развернутых линий с колоннами. Идея такого построения была выдвинута еще Румянцевым, но Суворов творчески развил и углубил ее. По сравнению с господствовавшими в тогдашних армиях правилами это был очень крупный шаг вперед. Понадобилось еще много времени, прежде чем этот замысел был вполне понят и уценен по достоинству.

17 июня состоялся второй «поиск». Предназначенные к переправе войска (1 500 человек) Суворов переправил в трех линиях, использовав для этого 30 лодок, 13 мачтовых судов и 4 «чайки».

Бой был очень упорный вследствие значительного численного перевеса турок (в этот раз гарнизон Туртукая насчитывал 7 тысяч человек).

«…по овладению нами турецким ретраншементом,[34] – говорится в суворовской автобиографии, – ночью варвары, превосходством почти вдесятеро, нас в нем сильно оступили».

Сражение длилось всю ночь и часть следующего дня. Суворовские выученики: полковник Мещерский, майоры Ребок и Касперов показали себя здесь с самой лучшей стороны. Наконец турки были «приведены до такой трусости», что, оставив почти весь лагерь, девять пушек и много судов, бежали. Казаки гнали их на протяжении пяти верст. Потери русских составили 200 человек, потери турок – 700–800 человек; у турок были захвачены 14 пушек и 35 речных судов.

Поразительно поведение самого Суворова в этом бою. Весь день его мучила лихорадка. Все же он заставил перевезти его на другой берег, но был так слаб, что не мог ходить без посторонней помощи; два офицера поддерживали его все время под руки, и один из них передавал его распоряжения, произносимые еле слышным голосом. В таком состоянии полного физического изнеможения Суворов, на этот раз никому не доверяя, всю ночь руководил боем, носившим исключительно напряженный характер. Утром он даже заставил себя сесть на коня.

Однако успешные действия незначительного суворовского отряда не могли, конечно, изменить общего хода кампании. Вследствие недостаточности сил Румянцеву пришлось перейти обратно на левый берег Дуная и ограничиться стратегической обороной. На правом берегу Дуная русское командование сохранило за собой только город Гирсово, который должен был послужить опорным пунктом для нового наступления. «Сей пост удержан нами прежде для опоры войскам, которые возвращались в Измаил, а теперь полезен оной, чтоб, отвлекая сюда внимание неприятельское, не допустить его полными силами обратиться в верхнюю часть (т. е. вверх по течению Дуная. – *К. О.),*– писал Румянцев в ордере, извещавшем Суворова о новом назначении. Турки стремились вынуть эту занозу и настойчива штурмовали Гирсово. Надо было вручить защиту его надежному военачальнику. Румянцев уведомил императрицу, что «важный Гирсовский пост вручил Суворову, ко всякому делу свою готовность и способность подтверждающему».

Убедившись в недостаточности гирсовских укреплений и предвидя дальнейшие турецкие атаки, Суворов немедленно приступил к фортификационным работам.

«Я починил крепость, прибавил к ней земляные строения и сделал разные фельдшанцы»,[35] указывает он.

Работы еще не были закончены, когда начался генеральный штурм.

В намерения Суворова отнюдь не входило простое отражение штурма. Согласно его принципам каждое столкновение с ним должно было кончаться для неприятеля разгромом. Гирсовский гарнизон не превышал 3 тысяч; турок было свыше 10 тысяч. Это не смутило Суворова. Он приказал передовым цепям делать вид, будто они бегут, и таким образом заманить турок поближе к валу. Приблизившись без помехи на половину картечного выстрела, турки бешено устремились на штурм. В этот момент был открыт против них жестокий картечный и ружейный огонь. Неся страшные потери, атакующие добежали все-таки до палисада. Исход боя висел на волоске-казалось, турки прорвутся внутрь и задавят своей численностью защитников Гирсова.

Но рискованный план Суворова удался: турки не выдержали губительного огня и подались назад. Это был кульминационный момент всего замысла; русская пехота, выйдя из-за прикрытий, атаковала их на всем фронте, а гусары с казаками довершили удар. Турки бежали, оставив весь обоз и понеся тяжелые людские потери.

«Ударились они в бегство, потерпели великий урон, оставили на месте всю их артиллерию. Победа была совершенная; мы их гнали тридцать верст», вспоминал в автобиографии Суворов.

Далее следует известная фраза:

«Прочее известно по реляциям, в которые я мало вникал и всегда почитал дело лучше описания».

Действия Суворова в этом бою убедительно показывают, что он отнюдь не был привержен во что бы то ни стало к наступательной тактике; в зависимости от обстановки, он сочетал наступательные действия с оборонительными – как то и случилось при Гирсово.

Румянцев придавал этой победе большое значение. Сооб-. щая Г. А. Потемкину, что Суворов «разбил и преследовал великим поражением» турок, он приказал отметить эту победу молебствием и пушечной пальбой.

Пользуясь наступившим после сражения при Гирсово затишьем, Суворов испросил разрешение выехать в отпуск. Ему было уже сорок три года, и его отец, Василий Иванович, давно подымал вопрос о женитьбе сына и продолжении рода. Сам полководец, поглощенный своим призванием, не проявлял здесь особой горячности.

Тем не менее он не вовсе исключал мысль о женитьбе, и когда Василий Иванович сообщил, что подыскал для него невесту, это явилось одной из причин поездки в отпуск. 16 января 1774 года он обвенчался в Москве с дочерью отставного генерал-аншефа, княжной Варварой Ивановной Прозоровской. «Медовый

месяц» оказался и единственным, – во второй половине февраля Суворов уже снова был в армии.

На этот раз ему была дана задача не допускать переправы турок через Дунай у Силистрии. О более активных действиях ничего не было сказано, только глухо упоминалось, что в случае наступательных операций ему надлежит держать контакт с соседним отрядом генерала Каменского. Время и направление этих операций Румянцев предоставлял согласовать обоим командирам самостоятельно. Румянцев не указал, кому из двоих предоставляется решающий голос, и эта недомолвка оказалась чреватой последствиями. Каменский и Суворов были в одинаковом чине (генерал-поручика) но Каменский получил этот чин годом раньше; таким образом, на его стороне был «отвес списочного старшинства». Однако Суворов был на восемь лет старше, главное же, он сознавал себя несравненно более крупным военачальником и никак не ставил Каменского на одну доску с собой. Поэтому он решил действовать вне зависимости от местнических традиций списочного старшинства.

Согласовав в общих чертах план предстоявших действий, оба начальника выступили в поход. Однако Суворов задержал на два дня свое выступление (впоследствии он ссылался на неприбытие части его отряда). Он явно старался избежать со единения с отрядом Каменского.

Но расчеты Суворова встретить турок до соединения с Каменским не оправдались. Через несколько дней оба отряда встретились в деревне Юшенли. Суворов все же остался верен своему решению сохранить самостоятельность. Он тотчас перевел свои войска в авангард и, став во главе кавалерии, отправился на усиленную разведку. План его сводился к тому, чтобы ввязаться в бой, повести его так, как подскажет обстановка, и, поставив Каменского перед совершившимся фактом, заставить его действовать в соответствии с определившейся диспозицией боя.

Стремясь обеспечить внезапность удара, Суворов подходил к Козлуджи по самой плохой дороге, откуда неприятель мень– ше всего мог ждать нападения.

Случаю было угодно, чтобы одновременно с русскими и турки предприняли наступательную операцию. Их сорокатысячный корпус находился в это время уже в Козлуджи – на расстоянии нескольких верст от Юшенли. Конница Суворова втянулась в узкое дефиле,[36] ведшее через густой лес. Ее заметили турецкие аванпосты, и при выходе из леса она подверглась стремительному натиску ударных турецких частей. Неожиданность атаки, численное превосходство неприятеля, неудобство расположения привели к тому, что конница,

смешавшись, стала отступать, и даже личное присутствие Суворова не могло приостановить его.

Высланные на помощь три эскадрона были смяты беглецами, по пятам которых гнались полчища турок. Положение становилось, опасным. Но выведенные вперед два пехотных полка, построенные перед лесом в четыре сомкнутых каре, отбили огнем появившуюся из леса турецкую кавалерию и принудили ее отступить.

Приведя в порядок расстроенные части и подкрепив их своей пехотой. Суворов немедленно двинулся вслед за отступавшими турками. Продвижение совершалось в неимоверно тяжелой обстановке. Узкая лесная дорога была завалена трупами людей и лошадей. Было невыносимо жарко. Солдаты и лошади давно не получали ни пищи, ни воды. То и дело приходилось отражать вылазки засевших в кустах турок. Несколько солдат умерло в пути от полного изнеможения.

Наконец девятиверстное дефиле кончилось, и войска вышли из леса. Развернувшись в лощине, Суворов отбил многократные атаки гораздо более многочисленных турок и, выставив подвезенные пушки, повел интенсивный обстрел неприятельского лагеря. После трехчасовой артиллерийской подготовки он, не дожидаясь, пока подтянутся войска Каменского, бросил в наступление все наличные силы. Атаку начала конница, за ней устремилась пехота. Турки не приняли удара и обратились в бегство, оставив победителям 29 медных орудий и 107 знамен.

Вряд ли может вызвать удивление, что после этого эпизода отношения Суворова с Каменским приняли характер явной неприязни.

На следующий день после Козлуджийской битвы Каменский послал о ней донесение Румянцеву. В его изложении получалось, что именно он является главным героем дня. Это окончательно обострило отношения между ним и Суворовым. Мучимый не прекращавшейся лихорадкой, с трудом державшийся на ногах во время приступов, Суворов по прошествии нескольких дней сдал командование.

Повидимому, Суворов хотел использовать победу, превратить тактический успех в стратегический, но Каменский воспротивился.

Кампания между тем заканчивалась. Потрясенная поражением у Козлуджи, исчерпавшая свои финансовые ресурсы, Турция заключила мир на выгодных для России условиях. Согласно подписанному в Кучук-Кайнарджи мирному договору (в июле 1774 года) Россия приобрела Керчь, Кинбурн, Азов, пространство между Бугом и Днестром, долины рек Кубани и

Терека, право свободного плавания по Черному морю и получила четыре с половиной миллиона рублей контрибуции. Турецкое правительство вынуждено было признать независимость Крыма (дотоле находившегося под протекторатом Турции).

VI. В Приволжье и на Кубани

Через несколько дней после заключения мира Суворов получил приказ спешно выехать в Россию. На этот раз он понадобился не против внешнего врага, а против другого, более страшного для дворянства и Екатерины. Его звали на борьбу с человекем, которого императрица с напускной небрежностью называла в письме к Вольтеру «маркизом Пугачевым», но который на самом деле заставлял ее трепетать от ужаса. Один момент она делала вид, будто хочет сама ехать на Волгу, чтобы лично руководить борьбой против народных масс, объединившихся вокруг Пугачева. Канцлер Никита Панин отговорил ее и убедил послать его брата Петра Панина, который из-за размолвок с Румянцевым и Орловым жил в своей деревне, втайне мечтая, что его снова призовут. Он с радостью встретил новое назначение, но потребовал себе помощника, указав в качестве такового на Суворова.

Этот выбор определялся боевой репутацией, которую успел уже приобрести Суворов, а отчасти тем, что именно на него указывал бывший главнокомандующий действовавшими против Пугачева силами Бибиков. Еще в марте Бибиков настаивал на откомандировании к нему Суворова, но Румянцев возражал, аргументируя тем, что это создало бы в народе и за границей впечатление опасности пугачевского движения (которое правительство упорно пыталось представить в виде малосерьезной смуты). Доводы Румянцева показались уважительными. Но когда со смертью Бибикова новый командую–щий возобновил просьбы о посылке Суворова, положение было несколько иным: война кончилась, Суворов был не у дел, главное же – императрица была до того напугана разраставшимся восстанием, что готова была послать туда всех генералов, лишь бы покончить, наконец, с Пугачевым. В августе 1774 года Екатерина писала Панину: «Что же касается до генерал-поручика Суворова, то непременно моя воля есть, чтоб до утушения бунта под вашим начальством свое пребывание имел».

В тот день, когда прибыло известие о переходе Пугачева на правый берег Волги и о движении его на Москву, к Суворову поскакал курьер с эстафетой. Получив приказ, Суворов тотчас выехал в Москву, повидался там с женою и отцом и немедленно, без багажа, поскакал к Панину.

В распоряжение Панина были переданы значительные по тому времени силы – около 20 тысяч человек, в том числе Казанский и Пензенский дворянские корпуса.[37] Помимо

перечисленных сил, в районе восстания – у Оренбурга, Пензы, Казани – были сформированы многочисленные вооруженные отряды.

В то время как правительство мобилизовало целую армию, ресурсы Пугачева начали таять. Из состава его армии вышли башкиры, не пожелавшие идти в Поволжье. Лишился он также уральских рабочих, поставлявших ему кадры преданных бойцов и пушки, пока он сражался в Приуралье. Вновь присоединившиеся к нему калмыки не представляли собою серьезной военной силы. Вдобавок армия Пугачева была плохо вооружена.

В конце августа правительственные войска под начальством Михельсона нанесли повстанцам страшное поражение у Сальникова завода. Пугачев потерял здесь 24 орудия, 6 тысяч пленными и 2 тысячи убитыми, в числе их своего верного сподвижника Овсянникова. Это было в тот самый день, когда Суворов представлялся Панину.

Получив от Панина неограниченные полномочия, Суворов в сопровождении конвоя из 50 человек отправился через Пензу к Саратову.

Там он узнал о поражении Пугачева у Сальникова завода и о том, что Михельсон неутомимо продолжает преследование. Сформировав в Царицыне в один день отряд из нескольких сотен кавалеристов и трехсот пехотинцев, посаженных на коней, Суворов двинулся в степь на поиски разбитого вождя крестьянской войны. Схваченный Михельсоном, один из сподвижников Пугачева, яицкий казак Тарпов, показал, что Пугачев с несколькими десятками человек переплыл Волгу и, «отскакав па несколько верст с своими сообщниками… посоветовав, положили бежать степью безводным местом 70 верст к каким-то камышам», где надеялись найти воду и отсидеться, добывая пропитание охотою на диких зверей.

Легкий отряд Суворова устремился в степи.

Хлеба в отряде было мало, взамен его употребляли ломти засушенного на огне мяса. Днем шли по солнцу, ночью по звездам; двигались во всякую погоду, теряя отставших, бросая на дороге загнанных коней. Вскоре напали на след Пугачева; крестьяне рассказывали, что накануне Пугачев был здесь, но приверженцы его взбунтовались, связали его и повезли в Яицк.

Доведя быстроту марша до предела, Суворов направился к Яицку. В пути, однако, произошла непредвиденная задержка: ночью наткнулись на степных кочевников, которые открыли стрельбу, убив при этом давнишнего суворовского адъютанта Максимовича, ехавшего рядом со своим начальником. Рассеяв нападавших, Суворов отобрал несколько наиболее «доброконных»

кавалеристов и поскакал с ними вперед.

Оказалось, однако, что Пугачев был уже выдан яицкому коменданту Симонову.

Через два дня, забрав пленника, отряд выступил из Яицка.

Суворов относился к Пугачеву, как к военнопленному; он расспрашивал его об его действиях и планах, интересовался организацией его войск.

Хотя наибольшую энергию в борьбе с восстанием проявил Михельсон, но Панин предпочел выставить в качестве виновника успеха Суворова, то есть избранного им, Паниным, кандидата. «Неутомимость отряда Суворова выше сил человеческих, – патетически доносил он Екатерине.,– По степи, с худейшей пищею рядовых солдат, в погоду ненастнейшую, без дров, без зимнего платья, с командами майорскими, а не генеральскими, гонялся до последней крайности».

Насмешница-судьба сыграла шутку с полководцем: никогда, ни до того времени, ни после, он не получал такой блестящей аттестации от своего начальника, как за доставку поверженного, закованного пленника.

В действительности роль Суворова была более чем скромной. Появившись в момент, когда восстание уже шло на убыль, он, самое большое, ускорил на несколько дней неизбежную трагическую развязку.

Впрочем, Екатерина отлично понимала это: хотя она и наградила Суворова золотой шпагой, усыпанной бриллиантами, – наградила именно за Пугачева, а не за турецкую кампанию, но при случае она без обиняков заявила, что «Суворов тут участия не имел… и приехал по окончании драки и поимки злодея». В другой раз она выразилась еще непочтительнее, сказав, что Пугачев обязан своей поимкой Суворову столько же, сколько ее комнатной собачке Томасу.

Летом 1775 года дворянская Россия пышно отпраздновала подавление Пугачевского восстания и успешное окончание внешних (польской и турецкой) войн. Суворов не присутствовал на празднествах: он в это время находился в Поволжье, ликвидируя последние очаги восстания.

В августе 1775 года скончался Василий Иванович Суворов.

В связи с этим полководец получил разрешение явиться в Москву, представлялся там государыне и был назначен командиром Петербургской дивизии. Для большинства генералов такое назначение показалось бы чрезвычайно лестным и выгодным. Однако Суворову оно было не по душе. Его не привлекала перспектива получать награды за парадную службу; в мечтах своих он стремился к подлинной славе, неразрывно

связанной со славою своей родины, и не хотел менять тяготы и опасность борьбы на теплое местечко в столице. В этом характерное отличие Суворова: он мог обращаться к покрови–тельству могущественных царедворцев, но стать одним из них никогда бы не согласился.

Оставшись в Москве по домашним делам, он провел там и в своих деревнях свыше года, ни разу не появившись в Петербурге для командования дивизией.

В ноябре 1776 года он получил от Потемкина предписание срочно выехать в Крым.

* * *

Еще Петр I высказал мысль о необходимости присоединения к России Крыма, запиравшего выход из Азовского моря и игравшего решающую стратегическую роль на Черноморском побережье. В XVIII веке русская политика неизменно была направлена к присоединению этого полуострова. Заключенный, в 1774 году в Кучук-Кайнарджи мирный договор в значительной степени разрешал эту задачу – турки очистили полуостров, и решающее влияние на крымские дела приобрела Россия благодаря обладанию крепостями – Керчью, Еникале и Кинбурном.

В Петербурге уже в течение нескольких лет воспитывался обрусевший брат низложенного крымского хана, по имени Шагин-Гирей. Его наметили кандидатом в крымские правители: решено было сперва навязать его ногайским ордам, а затем провести в крымские ханы. Татары волновались: Турция придвигала к Крыму свои войска. Россия, со своей стороны, ввела на полуостров двадцатипятитысячный корпус под начальством Прозоровского. Заместителем последнего был назначен Суворов.

В марте 1777 года Шагин-Гирей прибыл в Крым и был избран мурзами в ханы. Мероприятия, которые он начал проводить, возбудили против него недовольство мусульман. Волнения перекинулись из Крыма на Кубань, где кочевали ногайцы.

В это время начальство над Кубанским корпусом было вверено Суворову.

Приехав на Кубань, Суворов развил кипучую деятельность. Он пробыл там всего три с половиной месяца, но провел за это время огромную работу, построив кубанскую оборонительную линию.

Укрепления строились в боевых условиях, часто под огнем горцев. Все пункты для сооружения укреплений Суворов избрал лично и лично (а после отъезда в Крым – письменно) руководил работами.

В июне 1778 года кубанская оборонительная линия простиралась от Тамани до Ставрополя, на расстоянии 540 верст. Впоследствии Суворов с законной гордостью писал Турчанинову, что из 700 человек, рывших укрепления на Кубани, в непогодь, «на носу вооруженных многолюдных варваров», ни один не был убит, и только один солдат, застигнутый врасплох невооруженным, погиб от раны.

В разгаре этой работы Суворов получил извещение о назначении его на место князя Прозоровского командующим крымскими вооруженными силами.

Положение в Крыму в этот момент было очень острое. Турецкий флот крейсировал у берегов, явно готовилась высадка десанта. Надо было воспрепятствовать этому и одновременно избежать конфликта, который мог бы привести к нежелательной новой войне, Суворов оказался на высоте положения. Он в кратчайший срок выработал план обороны Крыма. Осмотрев побережье, он лично выбрал места для батарей и укреплений, указав и типы последних, иногда лично чертя планы и профили.

Вся система крымской обороны была запроектирована из 29 укреплений, включая сюда и реорганизованные, но имевшиеся ранее укрепленные пункты, и заново созданные по приказу Суворова (у Кашкоя, Аргина, Булзыка, Алушты, Шумы, Инкермана, Бахчисарая, Ядринека, Козлова и др.).

Помимо этой линии укреплений Суворов протянул вдоль побережья цепочку наблюдательных постов и наметил места для стоянок немногочисленных судов, имевшихся в его распоряжении. Когда турки захотели высадиться под предлогом недостатка питьевой воды, им было в этом вежливо, но твердо отказано. Начальники постов, разводя руками, ссылались на несуществававший карантин, при этом недвусмысленно клали руки на эфесы шпаг. Поняв, что без боя высадить десант не удастся, турецкий флот удалился в Константинополь. Система воздвигнутых на побережье укреплений принесла пользу и в другом отношении: в значительной мере именно она сорвала назревавшее в Крыму восстание. «Осаждение крепостями здешнего края воспрепятствовало мятежу», сообщил Суворов Румянцеву.

Вслед за тем Суворову было дано другое, не менее «деликатное» поручение. Русское правительство решило выселить из Крыма в приазовские области все христианское население. Тем

самым хан Шагин-Гирей лишался подавляющей части налогоплательщиков и попадал в финансовую зависимость от России. При выполнении этого поручения Суворову приходилось считаться с резкой оппозицией хана, с жалобами и протестами самих выселяемых и, наконец, с неприязненным отношением Румянцева, не сочувствовавшего этой операции. Об обстановке, в которой протекало переселение, свидетельствует, например, тот факт, что «к двум ханским министрам, которые наиболее сему препятствовали, немедленно поставили перед домом крепкий караул с одною пушкою, до тех пор, пока они успокоились». Переселенческая операция была быстро и успешно проведена.

Верный своему правилу заботиться о мирных жителях, Суворов и в этот раз проявлял неизменную заботу о населении края. В приказе войскам Крымского и Кубанского корпусов встречаем такие, редкие для того времени, слова: «В стояниях и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте. Домов, заборов и огородов отнюдь не ломать… Где случается фуражировать, чинить то… с крайним порядком… Не меньше оружия поражать противника человеколюбием».

Следя за турецким флотом, переселяя православных купцов, укрепляя степную границу, Суворов никогда не упускал из виду вопросов боевой подготовки войск. В мае 1778 года он объявил в приказе по Крымскому и Кубанскому корпусам подробное наставление о порядке службы пехоты, кавалерии и казаков. Это наставление содержит в себе детальное руководство для ведения операций в тяжелых условиях местности и обстановки.

Таким образом, Суворов напряженно работал если не на боевом, то, во всяком случае, на близком к нему военно-административном поприще. Но душевное состояние его было очень тяжелое. Румянцев был щедр на резкие выговоры. Впечатлительность и самолюбие Суворова не позволяли ему хладнокровно принимать их. Подчиненный в то время Румянцеву, Суворов не имел права непосредственно сноситься с Потемкиным, но, видя в нем опору, часто обращался к нему. Положение Суворова было тем труднее, что между Потемкиным и Румянцевым возгорелась яростная вражда. Вынужденный выполнять поручения Потемкина и находясь в то же время в подчинении у Румянцева, Суворов оказался как бы между молотом и наковальней.

Получая – обычно преувеличенные – известия о недовольстве им Румянцева, Суворов нервничал. «Фельдмаршала я непрестанно боюсь, – писал он. – Мне пишет он, будто из облака. Хотя бы уже он, купоросность отлагая, равнодушно смотрел лучше в конец или терпеливо ждал бы его… Пре– подания его обыкновенно

брань, иногда облеченная розами».

Суворов принимался иногда оправдываться перед Потемкиным в преступлениях, которые – по дошедшим до него слухам – возводил на него Румянцев.

«Говорят, будто я сказал, что иду завоевать Крым, – нет, я хвастаю только тем, что сорок лет служу непорочно. Говорят, будто я требовал у хана, стыдно сказать, красавиц. Но я, кроме брачного, ничего не разумею. Говорят, будто я требовал аргамаков – а я езжу на подъемных; „индейских парчей“, а я даже не знал, есть ли они в Крыму».

Нет сомнения, что Суворов преувеличивал румянцевские интриги. Но бесспорно и то, что отношение к нему было недоброжелательным, и он тем болезненнее реагировал на это, что был уже немолод и имел в своем послужном списке не одну славную операцию. В довершение он стал тяжело хворать. «Не описать вам всех припадков слабостей моего здоровья, – писал он Потемкину. – Перемените мне воздух, увидите еще во мне пользу… Найдите мне способ здоровье польготить… жизнь пресечется – она одна. Я еще мог бы по службе угодить, если бы пожил».

Потемкин никак не отзывался на эти письма.

Мало-помалу обстановка в Крыму разрядилась. Турция признала Шагин-Гирея крымским ханом, и большая часть русских войск была выселена из Крыма. Суворова вызвали в Петербург. С затаенными надеждами помчался он в столицу. Может быть, «матушка» оценила его верную службу? Императрица в самом деле приняла его очень приветливо: видимо, сказалось успешное завершение крымского предприятия. Осыпав Суворова комплиментами на ломаном русском языке, она командировала его в Астрахань для выполнения «секретного и важного поручения».

Суворов с энтузиазмом юноши помчался на «сзеженькую работу», но скоро ему пришлось разочароваться. Русское правительство хотело, воспользовавшись войной между Англией и Францией, оттянуть часть морской торговли с Индией на сухопутное направление, через Персию. В связи с этим Суворову поручалось осмотреть дороги, принять меры к безопасности караванов, обеспечить связь с Рящей (Рештом) и начать приготовления к замышлявшемуся походу в Персию. Однако очень скоро обнаружилась авантюристичность всего проекта, и дело положили под спуд.

Два долгих года провел Суворов в Астрахани, томясь небывалым бездельем… Даже жизнь в Крыму казалась ему теперь раем. Служебное положение его было самое неопределенное;

иной раз он просто считал себя в ссылке. Вдобавок его больно жалили мелкие дрязги и сплетни, которыми была полна Астрахань. На губернаторском рауте приезд вице-губернатора был ознаменован тушем, появление же Суворова ничем не было отмечено; какой-то директор гимназии ядовито доказывал ему с помощью алгебры, что всякий прапорщик его умнее; губернаторша не явилась с ответным визитом к его жене Варваре Ивановне и т. д. и т. д. Вся эта тина мелочей раздражала самолюбивого полководца. Каждый булавочный укол ранил его.

«Астрахань в Москву или С.-Петербург не переименована. И там недостойный я был бы раб великой монархини, если б я пренебрежения сносил», пишет он 9 ноября 1781 года.

В том же письме Суворов с иронией сообщает, что местный губернатор боится, как бы он, Суворов, не унизил себя «отсутствием светских манер». «Вы знаете меня – унижу ль я себя? Лучше голову долой, нежели что ни есть утратить моей чести: смертями пятьюстами научился смерти не бояться. Верность и ревность моя к высочайшей службе основана на моей чести».

Однако прямолинейный, горячий нрав полководца ставил его в невыгодные условия, когда приходилось бороться с ехидной изворотливостью его недругов… В письме от 15 ноября 1781 года он восклицал: «Легче мне всю рыбу из Каспийского моря выловить, нежели ло (наговоры на него. – *К. О.)* опровергнуть».

Вдобавок у него разыгрались крупные семейные неприятности: начались неурядицы с женой..

Женщины никогда не играли большой роли в жизни Суворова. «Мне недоставало времени заниматься женщинами», писал он. Вернее всего, он опасался, что они нарушат прямую линию его жизни, его целеустремленное служение армии. Брачные отношения казались ему узами, ограничивающими независимость. Однажды, выражая сомнение в способностях польского генерала Грабовского к быстрым действиям, он написал: «Грабовский с женою опочивающий». Но наряду с этим он считал долгом каждого человека жениться и иметь детей: «Меня родил отец, и я должен родить, чтобы отблагодарить отца за мое рожденье…», «Богу не угодно, что не множатся люди…»

С такими религиозно-нравственными соображениями подходил он к своей женитьбе. Его отец, Василий Иванович, выбрал для него Варвару Ивановну Прозоровскую. Она была человеком, менее всего подходившим к подобным воззрениям.

Варваре Ивановне в то время было двадцать три года. «Она была красавицей русского типа, полная, статная, румяная; но с умом ограниченным и старинным воспитанием, исключавшим для девиц всякие знания, кроме умения читать и писать».

Впрочем, и эту нехитрую премудрость Варвара Ивановна осилила с грехом пополам, как то можно заключить из ее письма к своему дяде, князю Голицыну (приводим с соблюдением орфографии):

«И Я, миластиваи Государь дядюшка, принашу маие нижайшее патъчтение и притом имею честь рекаман давать в вашу милость алек сандры васильевича и себя также, и так остаюсь, миластиваи государь дядюшка покор ная и вер ная куслугам племяница вар вара Суворава».

Даже на фоне слабой образованности, которой отличалось русское высшее общество XVIII века, это письмо выделяется малограмотностью.

Суворов женился с обычной стремительностью, характеризовавшей все его поступки. 18 декабря 1773 года состоялась помолвка, 22 декабря – обручение, а 16 января 1774 года – свадьба. Отец новобрачной к тому времени обеднел и дал за дочерью всего 5 тысяч рублей приданого. Суворову импонировала знатность рода Прозоровских и красивая наружность невесты, к тому же он не хотел перечить отцу, мечтавшему о том, чтобы породниться со старинным родом. Да, наконец, и времени не было на то, чтобы долго выбирать невесту.

Между супругами не было ничего общего. Он был некрасив, она красавица; но он был глубоко образованным человеком, с железной волей, грандиозными замыслами, она – пустой аристократкой, видевшей во всем лишь внешнюю, показную сторону вещей, не способной ни понять, ни оценить своего мужа. Образ жизни полководца также не соответствовал понятиям его молодой жены. Она не сочувствовала его бережливости, скромности, отказу от всякой пышности.

Как бы то ни было, первые годы супружества протекли без серьезных размолвок (Варвара Ивановна родила в это время дочь Наталью). Но затем отношения испортились. К тем конфликтам, которые проистекали из противоположности их вкусов и характеров, прибавился новый серьезный фактор. Варвара Ивановна нарушила супружескую верность. Екатерининская эпоха отличалась необычайной распущенностью, царившей в так называемых «высших кругах» общества. Варвара Ивановна поступала так же, как поступала почти всякая скучающая молодая женщина ее круга.

Но при той строгости и чистоте, которыми отличались взгляды Суворова на брак, поведение его жены неминуемо должно было повлечь крупную драму.

В сентябре 1779 года Суворов подал в Славянскую духовную консисторию прошение о разводе, однако через несколько месяцев взял это прошение обратно, видимо, согласившись на

примирение с женой. Больше того, в апреле 1780 года произо–шло публичное церковное примирение. Эта церемония, организованная по инициативе Александра Васильевича, скорее раздражила, чем растрогала его жену.

Все же в продолжение нескольких последующих лет семейная жизнь супругов не осложнялась крупными столкновениями. Но в 1784 году произошел окончательный разрыв.

У Варвары Ивановны снова начался роман. Это переполнило чашу терпения Суворова. Он обратился непосредственно в Синод с ходатайством о разводе, и хотя Синод по формальным соображениям не дал хода бракоразводному делу, Суворов решительно порвал всякую связь с Варварой Ивановной. Раздражение против бывшей жены было у него настолько велико, что когда до него дошли слухи «о повороте жены к мужу», он тотчас отправил своего управляющего Матвеича (Степана Матвеича Кузнецова) к московскому архиепископу.

«Скажи, что третичного брака уже быть не может и что я тебе велел объявить ему это на духу. Он сказал бы: „Того впредь не будет“. Ты: „Ожегшись на молоке, станешь на воду дуть“. Он: „Могут жить в одном доме розно“. Ты: „Злой ее нрав всем известен, а он не придворный человек“.

Разошедшись с женой, Суворов пожелал вернуть полученное им приданое. Прозоровский отказался, но Суворов усиленно настаивал на этом и добился своего.

Опыт супружеской жизни дорого обошелся Суворову, и возобновлять его он никогда уже не собирался.[38]

Астраханский период был периодом резких столкновений Суворова с Варварой Ивановной. Отсутствие интересного дела, плутни провинциальных чиновников, семейные дрязги – все это вконец истомило полководца.

Он забрасывает Потемкина письмами, прося переместить его куда-нибудь. В целом потоке ходатайств он выдвигает множество вариантов его нового назначения.

Вот отрывок из одного письма Потемкину: «Вспомяните милосердно, Светлейший Князь! Что я здесь 2 года, без команды, в начальстве 2 полка, живу в поношении, удалиться некуда. Гордость утесняем, желал бы отъехать в мои пензенские, как ближние, деревни. Но лучше если бы мне оказать изволили милость и дозволили переехать в Кизляр, где мне по моей степени спокойнее быть может здешнего». Наконец, в декабре 1781 года, его просьбы увенчались «успехом»: его перевели в Казань – единственное назначение, которого он просил ему не давать.

Но как никак Казань была лучше Астрахани. Он

незамедлительно выехал туда, но не успел приехать, как пришло новое распоряжение: его переводили снова на Кубань.

* * *

Присоединение Крыма поставило перед правительством Екатерины ряд новых задач. Решено было окончательно присоединить к России все области, примыкавшие к северному побережью Черного моря, в первую очередь степи, населенные кочевыми племенами ногайцев.[39] Для этого и был вызван Суворов, которому поручили Кубанский корпус в составе 12 батальонов и 20 эскадронов при 16 орудиях. Кроме того, под рукою имелись 20 донских полков. Покорение почти не знавших огнестрельного оружия ногайцев было нетрудной задачей, и не надо было выписывать Суворова. Но Потемкин опасался вмешательства Турции и хотел быстро кончить дело. Он настаивал на энергичном ударе, который пресек бы разжигаемые турками и фанатичными мурзами волнения в ногайском народе.

С военной стороны операция не представляла трудностей: было очевидно, что кочевые, плохо вооруженные племена не смогут противостоять регулярным частям. Трудность заключалась в другом: надо было настигнуть направлявшихся в горы ногайцев, прежде чем они доберутся до лесов. Чтобы не спугнуть неторопливо подвигавшихся кочевников, требовалось соблюдение строжайшей тайны.

Были распущены слухи, что Суворов уехал в Россию и что закубанских ногайцев решено оставить в покое. Между тем 19 сентября 1783 года выступил отряд под начальством Суворова. Отряд двигался скрытно, главным образом ночами. На другой стороне реки гарцовали сторожевые ногайцы. Чтобы не быть ими замеченными, во время маршей соблюдалась строгая тишина. Не слышно было военных сигналов, команда отдавалась вполголоса. Со стороны это могло показаться шествием призраков. Шли без дорог, часто наудачу. Приходилось перебираться через многочисленные балки и овраги, что увеличивало утомление войск. Тем не менее быстрота похода была изумительна.

В ночь на 1 октября завидели ногайские становища, расположенные на другом берегу Кубани. Предстояло совершить незаметно для кочевников переправу 16 рот пехоты, 16 эскадронов драгун и 16 казачьих полков. Переправа эта, по характеристике Суворова, была «наитруднейшая, широтою более

семидесяти пяти сажен, едва не вплавь, противный берег весьма крутой, высокий – только тверд, что шанцовым инструментом в быстроте движения мало способствовать можно было».

В полной темноте войска без шума перебрались на другой берег. Пехота разделась донага, люди переходили Кубань, держа над головами ружья и патронташи; одежду пехотинцев перевезла конница.

Пройдя двенадцать верст от реки, близ урочища Керменчик, настигли первые таборы ногайцев. После непродолжительной ожесточенной стычки началась рубка. В течение дня было убито много ногайцев и 1 000 их взята в плен. Остальные рассеялись по лесам. Русские потеряли 50 человек.

После этого побоища прочие ногайские племена стали присылать делегатов с изъявлением покорности. Многочисленные племена черкесов также умерили свои набеги. Крымский полуостров окончательно перешел к России, под «высокую руку» государыни. Нельзя сказать, чтобы рука эта была легка, но по сравнению с султанской и она казалась мягкой.

Что касается Суворова, то в апреле 1784 года ему было предложено сдать командование – ввиду торжественного признания Турцией перехода в русское владение Крыма и Кубанского края – и выехать в Москву. Последующие два года он провел в «бездействии», как он называл мирные занятия с порученной ему Владимирской дивизией.

VII. Суворов и его крепостные крестьяне

Вся жизнь Суворова носила бивуачный характер. Не говоря уже о военном времени, он и в мирное время нигде подолгу не засиживался, не обрастал хозяйством, не строил прочного домашнего очага.

Естественно, что в этих условиях он не мог уделять много внимания управлению своими поместьями. Да это и не лежало в его характере. Однако Суворов живо интересовался сельским хозяйством. И несмотря на то, что он посвящал ему мало времени, он проявил себя как просвещенный хозяин и гуманный помещик.

Без преувеличения можно сказать, что в обоих этих отношениях Суворов был передовым человеком, далеко опередившим воззрения громадного большинства своих современников.

После смерти отца Александр Васильевич получил поместья, в которых проживало 1 900 душ крепостных. В последующие годы он приобрел еще несколько поместий. В 1785 году Суворов владел вотчинами с 2626 крепостными.

В дальнейшем Суворову было еще пожаловано обширное Кобрино.

Разумеется, все это было ничтожно в сравнении с поместьями родовитой знати, но тем не менее это было уже немалое хозяйство.

Суворов не походил на тех помещиков, которые, передоверяя бразды правления управителям, интересовались только получением оброка, вовсе не касаясь внутренней жизни в поместьях. Напротив, он входил в малейшие подробности этой жизни. В связи с этим он требовал, чтобы ему систематически присылали информацию обо всем, что происходит в его вотчинах.

В 1785 году, посетив свои новгородские вотчины, он писал туда старостам, что, вопреки его приказу присылать ежемесячные доклады, уже в течение четырех месяцев он ничего не получает. «Вы же сами правду любите, а этому приказу господскому ослушны, – увещевал он старост и дальше переходил на суровый тон: – Вы вышли из строгой команды и впали теперь в слабую. Мне недолго опять и строгую еще команду завесть».

Зная, как злоупотребляют своей властью управители, Суворов не признавал натурального оброка, при взимании которого управитель имел широкую возможность обманывать и притеснять

крестьян, а перевел весь оброк в денежную форму. Оброк был необременителен: крестьяне платили 3–4 рубля в год (с души) и пользовались за это всеми угодьями, реками и покосами.[40]

Из числа поместий Суворова наиболее часто упоминается в литературе село Кончанское, потому что здесь полководец провел два года в ссылке и здесь же, как полагали, протекло его детство.

Выше было уже указано, что это последнее предположение неверно. В письме своему управителю Матвеичу от 30 июля 1784 года Суворов замечает: «В Новгородских моих деревнях я никогда не бывал».

В Кончанское Суворов прибыл впервые в декабре 1784 года. Посланное отсюда им письмо родственнику его, Ивану Петровичу Суворову, ясно отражает впечатления человека, для которого все здесь внове. «Иван! Я сюда приехал под сочельник… Здесь очень много… дичины и особливо летом должно быть несказанно веселее всех моих деревень. Только по милости правительства (то есть управителей. – *К. О.)* дом обветшал… а сад опустошен».

В этот раз Суворов прожил в Кончанском полтора месяца. За это время он объехал все свои новгородские деревеньки (числом 18), наводя трепет на старост, В деревне Медведковом он повидал умного, исполнительного крестьянина Мирона Антонова, хорошо ведшего дело по размежеванию. Этого крестьянина Суворов сделал одним из своих помощников по управлению новгородскими поместьями.

Встречался он и с соседями: с А. М. Балком, чье село Волоки лежало в 25 верстах от Кончанского, с помещиками Лупандиным, Румянцевым и другими.

Весной 1786 года Суворов вторично приехал в Кончанское, В этот приезд он, между прочим, сократил штат дворни при господском доме: оставив только двух человек для работы в домовой канцелярии и присмотра за домом, он остальных 12 человек перевел на пашни.

Взгляды А. В. Суворова на сельское – и в частности на крестьянское – хозяйство отразились в составленной им записке: «Причины упадка крестьянского хозяйства».

В этом интересном документе говорится:

«Лень рождается от изобилия… В привычку вошло пахать иные земли без навоза, от чего земля вырождается и из года в год приносит плоды хуже. От этой привычки нерадение об умножении скота, а по недостатку оного мало навоза, так что и прочие земли хуже унавоживаются и от того главный неурожай хлеба.

…Я наистрожайше настаивать буду о размножении рогатого скота и за нерадение о том жестоко, в начале старосту, а потом

всех наказывать буду.

…У крестьянина Михаила Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михаила Иванова дожить до одной коровы… Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег. Сие делаю не в потворство и объявляю, чтобы впредь на то же еще никому не надеяться.

…Богатых и исправных крестьян и крестьян скудных различать и первым пособлять в податях и работах беднякам. Особливо почитать таких неимущих, у кого много малолетних детей».

Помещик, требующий, чтобы зажиточные мужики помогали бедным «в податях и работах», на свой счет укрепляющий хозяйство бедняка, – это исключительное явление в России XVIII века. Однако гуманность Суворова не порождала у него сомнений в справедливости самого принципа крепостничества.

Разумные соображения Суворова о необходимости унавоживания земли и разведения рогатого скота можно пополнить еще указанием на то, что Суворов придавал большое значение древонасаждениям. Имевшийся на его территории лес он очень берег. Если крестьянин хотел строиться, Суворов почти никогда не давал ему своего леса, ко, предлагая купить лес на стороне, ссужал для этой цели деньгами.

В исключительных случаях он разрешал рубить свой лес, при этом опять-таки имея в виду прежде всего нужды малоимущих. Упоминавшемуся выше Балку, который управлял несколькими его вотчинами, он писал: «Ныне повелите суки рубить[41] и прежде удовольствовать лядинами[42] скудных, а за сим уже достаточных… В случае малейшего налога[43] от имущественных крестьян над скудными, в моем присутствии, последует строгое взыскание за неприличность сию и недонос мне на сильных крестьян».

Письма и распоряжения Суворова пестрят подобными проявлениями заботы о нуждающихся крепостных крестьянах.

«В неурожае крестьянину пособлять всем миром заимообразно (то есть без выгоды для ссужающего. – *К. О.*), чиня раскладку на прочие семьи, совестно, при священнике, и с поспешностью».

Помогая беднякам, Суворов требовал, чтобы, выправившись, они вернули всю сумму, однако «без нападок и процентов».

Не ограничиваясь тем, что оказывал крестьянам индивидуальную помощь, Суворов нередко действовал и в более крупном масштабе. Так, в 1785 году он купил несколько соседних имений единственно затем, чтобы уничтожить чересполосицу.

Свободных денег у него в то время не было, но, уступая настойчивым просьбам крестьян, он совершил эту покупку, специально заняв для того деньги.

Больше того: в 1784 году с Суворова было присуждено 3 тысячи рублей помещику Толбухину за захват его крестьянами чужой земли. Для уплаты этой суммы Суворову пришлось занять денег. «Пуще всего тяжелы мне 3 000 р. Толбу– хинские», писал он управителю Матвеичу.

В том же году Суворов отказался от прибыльного предприятия, так как опасался, что оно причинит ущерб его крестьянам. Кто-то из его управляющих, хорошо знакомый с коннозаводством, предложил организовать в одном суворовском поместье, в котором имелось много сена, конный завод. Дело сулило большой доход, однако Суворов отказался от него, не желая обременять крестьян новыми повинностями, связанными с устройством завода (возка сена и проч.). «Я по вотчинам ни рубля, ни козы, нетокмо кобылы не нажил, – написал он, – так и за заводом неколи мне ходить и лучше я останусь на моих простых, незнатных оброках» (письмо от 12 октября 1784 года).

Суворов очень заботился об увеличении рождаемости. «Богу не угодно, что не множатся люди», писал он. Он всемерно поощрял браки и каждому женившемуся давал 10 рублей.

Близко принимал он к сердцу и нужды отдельных крестьян. Случилось однажды, что сельский сход порешил отдать не в зачет в солдаты беспризорного бобыля, мотивируя тем, что у него и хозяйства нет и горевать о нем некому. Суворов не согласился с этим решением. Его, видимо, тронула несчастливая доля этого крестьянина. Он приказал женить его и миром завести ему хозяйство.

В другой раз, когда ему доложили, что крестьянин Медведев, которого прочили в рекруты, отрубил себе палец, он, вместо того чтобы обрушиться на Медведева, гневно обратился к старосте: «Вы его греху причина. Впредь не налегайте! За это вас самих будут сечь. Знать, он слышал, что от меня невелено в натуре рекрут своих отдавать, а покупать их миром на стороне, чтобы рекрутчины никто не боялся».[44]

Суворов заботился не только о материальном благосостоянии своих крестьян, но и о здоровье их. Как и в армии, он старался внедрить правила санитарии; лечил он преимущественно настойками из трав и домашними проверенными средствами.

Особенную заботу проявлял Суворов о здоровье крестьянских детей. «Крестьянин богат не деньгами, а детьми, от детей ему и деньги», писал он однажды. Сообразно этим взглядам он требовал, чтобы детей берегли, а в случае заболевания разумно

лечили. Ундольским крестьянам адресовано следующее послание:

«Указано моими повелениями, в соблюдение крестьянского здоровья и особливо малых детей, прописанными в сих резонами и лекарствами, как и о находящихся в воспе, чтобы таких отнюдь на ветер и для причащения в церковь не носить… Бережливость от ветра теплотою, а не ветром. Но ныне, к крайнему моему сожалению, слышу, что из семьи Якова Калашникова девочка воспой померла и он квартирующему у него подлекарю сказал: „я рад, что ее бог прибрал, а то она нам связала все руки!“ С прискорбностью нахожу нужным паки подтвердить, чтобы во всем сходно крестьяне прежние мои приказания исполняли».

Далее указывалось, что за нарушение этого распоряжения будет налагаться денежный штраф и церковная эпитимия.

Суворов был запасливым и предусмотрительным хозяином, лично входившим во все детали. «Полагаю я в Рождествене содержать во всякое время гусей, одну или две пары, взирая на то, как они там водятся; уток при селезне одну пару или двух индеек при петухе…» писал он Матвеичу. Этому же управителю адресованы такие строки: «У добрых хозяев готовится густой красный мартовский квас, то и такого не худо заготовить в московском погребе несколько бочонков». Подобными указаниями пестрят его письма.

Жил он скромно; чуть ли не единственной слабостью его были чай и нюхательный табак, которые, по его требованию, покупались высших сортов. В 1784 году он писал Матвеичу: «Чай из Москвы с Борщовым ты прислал столь дурен, что весь желудок мой им перепорчен. Купи мне и пришли чаю наилучшего, какой только обретаться может… От нюхательного табаку, тобой присланного, у меня голова болит… чрез знатоков купи табак… Вино твое тоже дурно; но уж быть так…» Иными словами, вино пусть уж будет плохое, лишь бы чай и табак хорошие.

В отличие от большинства тогдашних дворян, державших многочисленную дворню для личных надобностей, Суворов довольствовался услугами очень малого числа дворовых. По большей части его обслуживал Прохор Дубасов. Иногда, впрочем, Прошка запивал, и тогда Суворов отсылал его. Однако даже в изгнании Прошка не был забыт. В 1784 году Суворов писал: «Другу моему Прошке выдать штоф водки».

В доме Суворова жило много дворовых певчих и музыкантов, которые освобождались от полевых работ, чтобы совершенствоваться в своем уменье.

Кроме них, всегда проживало несколько инвалидов-солдат или престарелых крестьян. Всем им выдавалась пенсия. В 1786 году Суворов приказывал: «Инвалидных солдат-стариков ныне в

Кончанском 6 человек. Жалованья им от меня по 10 рублей в год. Платье из простого сукна погодно. Пища обыкновенная без роскоши… Ежели старики эти пожелают от праздности работать землю, то и оную уделить, только не иначе, как по собственной их воле».

Забавная и трогательная деталь: Суворов заботился даже о животных, которые вследствие старости не могли больше работать. «Из лошадей четверых за службу их мне кормить до смерти», приказывал он.

…Таким предстает, перед нами Суворов-помещик. Цельная натура Суворова сказалась и здесь: деятельностью своей он как бы иллюстрировал однажды высказанное им пожелание: «не весьма взирать на богатство».

VIII. Турецкая война 1787–1791 годов

Приняв командование над Владимирской дивизией, Суворов поселился в своем поместье, селе Ундолы, расположенном недалеко от Владимира по Сибирскому тракту. Одетый в холщовую куртку, он расхаживал по селу, беседовал с крестьянами. Но деревенская идиллия вскоре прискучила Суворову. Обязанности хозяина и помещика, которыми он старался заполнить свой досуг, конечно, не могли удовлетворить его.

А. В. Суворов.

«Приятность праздности не долго меня утешить может», писал он Потемкину. Прошло еще несколько месяцев, и он

отправил Потемкину новое письмо с настойчивой просьбой дать ему другое назначение. Опасаясь, что его ходатайство не будет удовлетворено вследствие наветов его недругов, он заранее оправдывается и дает себе такую харахтеристику:

«Служу больше сорока лет, и мне почти шестьдесят лет, но одно мое желание – кончить службу с оружием в руках. Долговременное бытие мое в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей. Препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к свету привыкать. Наука осенила меня в добродетели: я лгу, как Эпаминонд,[45] бегаю, как Цезарь, постоянен, как Тюренн,[46] праводушен, как Аристид.[47] Не разумея изгибов лести и ласкательств, моим сверстникам часто бываю неугоден, но никогда не изменил я моего слова даже ни одному из неприятелей… Исторгните меня из праздности – в роскоши жить не могу».

Это письмо очень характерно для Суворова. Он был вполне искренен, когда писал его. Он в самом деле не признавал лжи и притворства, а недостаткам своего характера (желчность, вспыльчивость) не придавал значения.

Однако и это письмо не достигло цели. Только в сентябре 1786 года последовало назначение Суворова в Екатеринослав–скую армию для командования кременчугскими войсками; одновременно Суворов был, по старшинству, произведен в генерал-аншефы.[48]

Суворов охотно поехал к Потемкину. Он уважал его больше других государственных деятелей. Он знал, что, наряду с тяготением к показному, наряду с хладнокровным истреблением десятков тысяч людей на работах по благоустройств\ подведомственных областей, Потемкин проявлял и подлинную заботу о солдатах. За это редкое свойство Суворов многое прощал фавориту царицы.

«Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением, – излагал свои мысли Потемкин во всеподданнейшем докладе в 1785 году. – Платье должно служить солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть, не может».

Это было крупное новаторство по сравнению с прежними понятиями, столь роковым образом воскрешенными вскоре Павлом I.

«Завиваться, пудриться, – продолжал там же Потемкин, – плесть косы – солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет.

На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов».

Вместо громоздкого великолепия прежних воинских нарядов Потемкин ввел новую, удобную форму. Сложные парикмахерские сооружения были уничтожены, конница должна была просто закручивать усы, пехота подымала усы кверху; бакенбарды были в армии запрещены.

Реформы не ограничились вопросами одежды. Они коснулись основ военного устройства. В одном распоряжении на имя Репнина (1788) Потемкин писал:

«Из опытов известно, что полковые командиры обучают части движениям, редко годным к употреблению на деле, пренебрегая самые нужные. Для того сим предписываю, чтоб обучали следующему:

1. Марш должен быть шагом простым и свободным.

2. Как в войне с турками построение в каре испытано выгоднейшим, то и следует обучать формировать оный из всякого положения.

3. Наипаче употребить старание обучать солдат скорому заряду и верному прикладу.

Унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать ленивых палкой не больше шести ударов.

Отличать примерных солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость».

По-иному, чем большинство генералов, смотрел Потемкин и на солдат. «Поставляя главнейшим предметом для пользы службы сбережение людей и доставление им возможных выгод, – писал он в ордере[49] князю Долгорукову, – особливо же призрение больных, предписываю вашему сиятельству подтвердить о том наистрожайше во все полки и команды».

Беда была в том, что Потемкин, по свойственному ему непостоянству, не очень следил за соблюдением новых порядков. Но самый факт столь авторитетной поддержки их имел громадное значение и подводил надежный фундамент под соответственные реформы Суворова.

В начале 1787 года Екатерина в сопровождении блестящей свиты выехала в путешествие. До Киева царский поезд двигался на перекладных – на каждой станции его ожидали 560 свежих лошадей; далее по Днепру – на 80 галерах. Потемкин превзошел самого себя, стремясь поразить великолепием и убедить в благоденствии своего края. Каждая галера располагала своим «хором музыки». На берегах толпился разряженный «народ»; для

оживления пейзажа были согнаны стада, тайно перегонявшиеся ночью по пути следования кортежа; на горизонте вспыхивали колоссальные фейерверки – настоящее чудо пиротехники, кончавшиеся букетом из 100 тысяч ракет. Сопутствовавший Екатерине австрийский император Иосиф II назвал путешествие «галлюцинацией».

К маю императрица добралась до Кременчуга, и здесь Потемкин предложил посмотреть маневры. Суворов имел всего несколько месяцев для обучения своей новой дивизии, но за этот короткий срок он обучил войска исключительной точности и четкости перестроений и энергии маневра. Смотр произвел на всех ошеломляющее впечатление. «Мы нашли здесь расположенных в лагере 15 тысяч человек превосходнейшего войска, какое только можно встретить», сообщала Екатерина Гримму.

Щедро раздавая награды, императрица обратилась и к Суворову с вопросом, чем его наградить. Но Суворову уже давно было не по себе. Вся эта шумиха не нравилась ему. Он не видел ничего замечательного в продемонстрированном им своем обычном строевом учении; в то же время для него было ясно, что больше всех сумеют нажить капитал на успешных маневрах сам Потемкин и облепившая его туча прихлебателей. В этих условиях предложенная награда не радовала его. и на вопрос Екатерины он дал столь типичный для него, чисто эзоповский ответ:

– Давай тем, кто просит, ведь у тебя и таких попрошаек, чай, много. – И потом добавил: – Прикажите, матушка, отдать за квартиру моему хозяину: покою не дает.

– А разве много? – недоуменно спросила императрица.

– Много, матушка: три рубля с полтиной. – серьезно заявил Суворов.

Екатерина ничего не ответила на эту выходку; деньги были уплачены, и Суворов с важным видом рассказывал:

– Промотался! Хорошо, что матушка за меня платит, а то беда бы.

Впрочем, уезжая из Новороссии, государыня пожаловала злоязычному полководцу драгоценную табакерку, усыпанную бриллиантами.

«А я за гулянье получил табакерку с 7 тысячами рублей», иронически писал он об этом.

* * *

Мир, заключенный в Кучук-Кайнарджи, был подобен короткому отдыху бойцов перед новой схваткой. Потемкин развивал перед Екатериной свой «греческий проект»: изгнать турок из Европы, завладеть Константинополем и объединить под покровительством России все славянские народы Балканского полуострова. Императрица видела трудности этого предприятия, но давала себя увлечь им, потому что помещичье хозяйство, особенно на юге России, все больше втягивавшееся в товарный оборот, остро нуждалось в черноморских путях. Турция, запиравшая выход из Черного моря, препятствовала экономическому развитию русских черноморских областей и осваивавшегося русским правительством Крыма. Столкновение с ней было неизбежно. К тому же Турция держала себя чрезвычайно воинственно. Там жили мечтой о реванше. Отторжение Крыма, слухи о дальнейших планах русского правительства, падение авторитета султана – все это были тяжкие удары, парализовать которые можно было только победоносной войной. Это мнение поддерживалось английским, французским и прусским посланниками. Снова появился на сцене весь ассортимент интриг и хитроумных заверений: обещано было выступление Швеции против России, возобновление войны Польшей, нейтралитет Австрии, денежная помощь Европы и т. д. и т. п. Турция верила всему этому, потому что хотела верить.

На самом деле Турция находилась в состоянии государственной, культурной и экономической отсталости, и эту отсталость особенно остро испытывали подвластные ей народы.

Атмосфера накалялась с каждым днем. Последней каплей, переполнившей чашу, явилась поездка Екатерины в Крым. В Константинополе это было сочтено за явную демонстрацию. Русскому посланнику Булгакову был предъявлен самонадеянный ультиматум – возвратить Турции Крым и признать не действительными последние трактаты. Турция разговаривала с Россией так, как разговаривают только с побежденной страной. Булгаков, разумеется, отказал. В ответ турки, согласно усвоенной ими манере начинать войну, заключили посланника в Семибашенный замок.

Таким образом, война началась, и притом в очень неблагоприятный для России момент: 1787 год был неурожайным, хлеб пекли наполовину с соломой. В Москве были случаи голодной смерти, а в Петербурге голодные бунты рабочих. Цена четверти ржи поднялась до 7 рублей (в 1773 году – 2 руб. 19 коп.). Питать армию было в этих условиях очень трудно.[50]

Русское правительство ничего не делало для того, чтобы

избежать войны, но когда она стала фактом, обнаружилось, что к войне не готовы. Полки были укомплектованы только наполовину, питание было скудное, солдаты часто ходили без рубах. Пушек было много, но к ним нехватало снарядов. Флот достраивался, а спущенные корабли никуда не годились. Одетые в изящные мундиры кавалеристы были вооружены негодными саблями. Солдаты были все те же «чудо-богатыри», как их прозвал уже Суворов, но организация армии в целом была по-прежнему не на должной высоте.

Приходилось воевать, но Потемкин не знал, с чего начать в том хаосе, который представляла собой организация южной армии. Им овладела апатия. Талантливый, полный энергии деятель, он иногда погружался в непонятную хандру, в мрачную меланхолию, когда никакое дело не интересовало его и ничто не было ему мило. Состоявший при русской армии австрийский военный атташе принц де Линь оставил такой портрет Потемкина: «Показывая вид ленивца, трудится беспрестанно; унывает в удовольствиях, несчастен оттого, что счастлив; нетерпеливо желает и скоро всем наскучивает; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями. Какая же его магия? Природный ум, превосходная память, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд и величайшее познание людей».

Екатерина во всем полагалась на Потемкина и без его совета не предпринимала ничего серьезного. В нем она видела опору против крестьянских волнений, против дворцовых интриг, против всяких врагов, внешних и внутренних. Власть Потемкина была почти безгранична. Ему сходили с рук безумные кутежи, многомиллионные растраты государственных денег, издевательство над одними, возвышение других, которые тем только были хороши, что сумели ему понравиться. Таков был человек, которому было вверено главное руководство новой кампанией.

После блестящего смотра в Кременчуге Суворов пользовался благосклонностью и Екатерины и всемогущего Потемкина. Благодаря этому он получил командование одним из пяти отрядов, входивших в состав Екатеринославской армии. Потемкин поручил ему самый опасный район – Херсоно-Кинбурнский, где ждали первого удара турок и где совсем не были готовы его отразить.

В августе 1787 года Суворов прибыл в Херсон и принял начальство над тридцатитысячным корпусом. Для него наступила счастливая пора: он спешно укреплял береговую линию, ставил батареи, распределял войска, приводил в порядок военное

устройство фронта и тыла, разъезжал по всем угрожаемым пунктам, давал инструкции, изучал броды, наблюдал за турецким флотом. Мероприятия Суворова в этот период могут послужить образцом береговой обороны.

Потемкин двинул против турок построенный в Севастополе флот, но сильный шквал разметал все корабли; один из них занесло в Константинополь, а другие вернулись чиниться в Севастопольскую гавань.

Это окончательно лишило Потемкина мужества.

«Матушка государыня! Я стал несчастлив, – скорбно писал он Екатерине, – при всех мерах возможных, мною пред– приемлемых, все идет навыворот. Флот севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе, корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности; нет ни ума, ни духу».

Постигшая русский флот катастрофа дала временно туркам безраздельное господство на Черном море. В связи с этим турецкое командование решило высадить десант на Кинбурн– ской косе, имевшей большое стратегическое значение. Суворов сперва не верил в серьезность его намерения, но потом сдал в Херсоне команду Бибикову и поскакал в Кинбурн. 22 августа он доносил Потемкину:

«Вчера поутру я был на борде Кинбурнской косы. Варвары были в глубокомыслии и спокойны».

Он лихорадочно укреплял косу, но не для того, чтобы просто отстоять ее от неприятеля.

В письме князю Потемкину от 23 августа он писал:

«Ах! Пусть только варвары вступят на нее (Тавриду. – *К. О.)*. – писал он Потемкину. – А что смогут они сделать? Если они бросят от 5 000 до 9 000 чел., если они пустят в ход все свои морские силы. Но чем больше будут они удаляться в глубь страны, больше их будет порублено». Он ставил себе целью нанести туркам тяжкое поражение, истребить их живую силу. В этом духе он подготовляет своих подчиненных. Генералу Реку он пишет:

«Ваше превосходительство знаете, что мы дрались часто с варварами один против десяти, что вы сами изволили испытать мужеством ваших при Козлуджи. Приучите вашу пехоту к быстроте и сильному удару, не теряя огня по-пустому. Знайте пастуший час!»[51]

С теми скромными средствами, которыми Суворов располагал, это был дерзкий замысел. О состоянии его артиллерии говорит тот факт, что при испытании кинбурнских пушек девять из тридцати семи разорвались при первых

выстрелах. Суворова это, однако, не смутило.

Между тем турки все медлили. Приближался период бурь, и Суворов начал уже думать, что турецкий флот, бесцельно бороздивший волны на пушечный выстрел от Кинбурна, уйдет восвояси. Но 1 октября началась бомбардировка крепости. Все турецкие корабли открыли огонь, медленно приближаясь к берегу. От кораблей отделились лодки и быстро направились к песчаной оконечности косы. Началась высадка десанта. Французские офицеры-инструкторы руководили ею.

К полному изумлению солдат и генералов, Суворов запретил открывать ответный огонь.

– Сегодня день праздничный: Покров, – сказал он, – иойдем к обедне. Пускай их вылезают.

Офицеры тревожно шептались о состоянии рассудка их чудака-начальника. Но Суворов хладнокровно выстоял обедню, а затем еще молебен «на победу врагов и одоление». Он хотел дождаться, пока все турецкие силы высадятся на берег, чтобы нанести им возможно более чувствительный удар; кроме того, оконечность косы находилась в сфере действительного огня турецкой эскадры; приближаясь же к крепости, турки теряли это преимущество.

Не встречая никакого сопротивления, турки высадили свыше 5 тысяч человек, которые немедленно стали продвигаться вперед, возводя на пути своего продвижения траншеи. Вскоре!5 рядов траншей пересекало узкую горловину косы. Считая, что укрепляться более не для чего, турки бросились на штурм крепости, до которой им оставалось не более одной версты.

Этого момента и ждал Суворов. У него под рукой было значительно меньше войск, но он не сомневался в победе. Со стен крепости понеслась картечь, из ворот выбежала в мощном штыковом ударе пехота, а на фланги турецких линий покатилась казачья лава. Турецкий авангард был почти целиком уничтожен, весь наступавший отряд смешался и «дал тыл». Командовавший вылазкой Рек с одного удара занял десять рядов турецких окопов.

Но по мере удаления от крепости контратаковавшие войска попадали под выстрелы турецких кораблей; 600 орудий громили фланговым огнем русских, опустошая их ряды. В числе раненых были Рек и почти все батальонные командиры. Войска, состоявшие наполовину из молодых рекрутов, заколебались, потом повернули обратно.

Суворов медленно отходил в арьергарде отряда. Лошадь под ним была ранена, и он остался пешим. Находившийся рядом с ним штабной офицер Макеев был ранен. Увидев нескольких солдат, ведших под уздцы коня, и приняв их за русских, Суворов

окликнул их. Это оказались турки, стремительно бросившиеся на русского генерала. Гренадер Степан Новиков заметил это и устремился на помощь Суворову. Обладавший большой физической силой, Новиков убил двух турок, третий обратился в бегство.

«Позвольте, светлейший князь, донесть, – сообщал Суворов об этом эпизоде в реляции Потемкину, – и в низшем звании бывает герой».

Видя своего вождя окруженным турками, солдаты перестали отступать и ударили на. противника.

Снова удалось потеснить турок, и снова на окраине косы наступление выдохлось.

«Какие же молодцы, – с уважением отзывался на другой день Суворов о турках, – с такими еще я не дрался; летят больше на холодное ружье».

Солнце клонилось к закату. У русских были израсходованы патроны, полки понесли огромные потери. Суворов мог пустить в дело подходившие свежие части, но отказался это сделать, приберегая их для решительного удара.

Под вечер Суворов был ранен картечью в грудь. Рана была неопасная, но он потерял сознание. Придя в себя, он увидел, что русские полки вновь отступали в беспорядке. Турки с победными возгласами отвозили захваченные русские пушки. По рядам их сновали дервиши, обещая райское блаженство тем, кто погибнет в бою.

Четыре месяца спустя, описывая Кинбурнскую битву, Суворов сказал: «Бог дал мне крепость, я не сомневался».

Хотя над землей уже нависала темнота, он решил в третий раз «обновить сражение».

Все резервы, которые он берег нетронутыми: 400 человек пехоты и 900 кавалеристов, были одновременно брошены на турок. В это же время единственное судно, которым располагал Суворов, галера «Десна» под командой мичмана Ломбарда атаковала турецкий флот и заставила отойти от берега 17 кораблей. Пользуясь ослаблением огня с моря, казаки пробрались по отмели в тыл к туркам. Зажатые в тиски, истомленные сечей турки не выдержали. Их загнали в море и до глубокой темноты истребляли картечью. Всего 700 человек были подобраны турецкой эскадрой.[52] Русские потери составляли 450 человек, а с легко раненными почти тысячу человек.

Незадолго до конца сражения Суворов был вторично ранен – пуля пробила ему руку. Он велел обмыть рану морской водой, перевязал ее куском материи и со словами: «Помогло, помилуй бог, помогло!» – снова бросился в битву. Однако, обессиленный

потерей крови и болью от двух ран, он поминутно терял сознание.

Кинбурнская победа произвела большое впечатление. По всей России служили благодарственные молебны.

Ныне времечко военно,
От покоев удаленно.
Наша Кинбурска коса
Вскрыла первы чудеса. —

пели солдаты.

Участвовавшие в битве войска получили награды: всем солдатам было выдано по 1 рублю, по 2 рубля и по 4 рубля 25 копеек (в зависимости от степени участия полка в сражении); многим были даны кресты и медали. Суворов горячо хлопотал за тех, кто, по его мнению, заслуживал награды или у кого были тяжелые личные обстоятельства.

«На милосердие ваше, светлейший князь, – писал он Потемкину, – муромского полковника Нейтгарда: его полка легкий батальон сделал первый отвес победе. Жена его умерла, две дочери-невесты, хлеба нет.

Майор Пояркин и Самуйлович поставили на ноги полки: природное великодушие вашей светлости не забудет их.

Обременяю вашу светлость, простите! Обещаюсь кровью моей ваши милости заслужить».

Кинбурн был высшей точкой в отношениях Потемкина с Суворовым. Никогда уж более эти отношения не были так дружественны.[53]

После сражения Суворов обратил все усилия на выучку солдат по своему методу. Отсутствием этой выучки он объяснял неуспех первой атаки, едва не приведший к полной победе турок. Он еще долго помнил об этом, и через шесть лет со щемящим чувством вспоминал «кинбурнскую беду». Обучая войска, он издал, между прочим, замечательный приказ, ярко отражающий его военные правила:

«Артиллеристам быть приученным к скорострельной стрельбе, но в действии сие только служит для проворного заряжения. На неприятеля пальбу производить весьма цельно, реже и не понапрасну, дабы зарядов всегда много оставалось, отнюдь не расстрелятца и не привесть себя в опасность.

…Пехотное построение – движимый редут, т. е. кареями, линиею очень редко; глубокие колонны только для деплояда.[54] – Карей бьет неприятеля прежде из пушек; с ним сближаясь, начинают стрелки в капралствах, токмо по размеру пули по

команде… Офицерам обучать прилежно солдат скорострельной пальбе, т. е. называемому батальонному огню и нужно то для скорого заряжения, но в действии он самим опасен больше неприятеля, множество пуль пропадает напрасно, и неприятель получая мало ран, меньше от того путается, нежели ободряется. Чего ради пехоте стрелять реже, но весьма цельно каждому своего противника, не взирая, что когда они толпою. Хотя на сражение я определил 100 патронов каждому солдату, однако кто из них много расстреляет, тот достоин будет шпицрутенного наказания, но весьма больше вина, кто стреляет сзади вверх, и тогда взводному тотчас заметить… При всяком случае наивреднее неприятелю страшной ему наш штьж, которым наши солдаты исправнее всех на свете работают. Кавалерийское оружие сабля… При твердом и быстром карьере каждой кавалерист особо должен уметь сильно рубить.

…У кого в полку или роте будет больше протчих больных, тот подвергается штрафу. Рекрут особливо блюсти, исподволь их к службе приучать и сих молодых солдат, взирая на каждого особо со старыми не равнять, доколе окреплятся.

Субординация или послушания – мать дисциплины или военному искусству.

Собственностью своею во всякое время жертвовать правилом высочайшей службы.

Козакам противную сторону зимою алармировать[55] и схватывать языки».

Военному обучению соответствовал весь арсенал суворовских воспитательных приемов. Результаты, как всегда, не замедлили сказаться. Рекрут становился первоклассным бойцом, гордым своим знанием и готовым стойко сражаться.

Главным турецким опорным пунктом на Черном море являлась сильная крепость Очаков, стоявшая на мысе, который спускался к морю с высоты 18 сажен. Через две недели после Кинбурнского сражения Екатерина писала: «Важность Кинбурнской победы в настоящее время понятна: но думаю, что с той стороны не можно почитать за обеспеченную, дондеже Очаков не будет в наших руках».[56]

Однако только в июле 1788 года Потемкин осадил Очаков. Первая половина этого года прошла в удачных операциях против турецкого флота. Установленные Суворовым на побережье батареи с помощью легких военных кораблей уничтожили 15 больших турецких судов. Турки потеряли 8 тысяч человек, в то время как потери русских не превышали 100 человек. Это дали основание Суворову предложить штурм Очакова. Но Потемкин не решился. Он не предпринимал почти никаких активных действий,

рассчитывая на истощение запасов в крепости. Однако турки оказались хорошо подготовленными, а среди русской армии начались болезни, уносившие людей больше, чем турецкие пушки.

Отличный организатор, Потемкин был весьма посредственным полководцем. Это особенно ярко проявилось под Очаковом. Он отдавал все внимание мелким рекогносцировкам, выписывая из Парижа планы крепости с обозначением минных галлерей, заложенных французскими инженерами, и вяло обстреливал передовые укрепления турок. Иногда он впадал в хандру, лежал в своем роскошном шатре, никого не принимая; иногда же вдруг появлялся среди солдат, запросто разговаривал с ними, потом выходил на открытое место и подолгу стоял там под жужжавшими пулями.

Суворов командовал левым крылом осадного корпуса Медлительность и вялость действий страшно нервировали его.

– Одним гляденьем крепости не возьмешь, – обронил он однажды. – Так ли мы турок бивали…

Услужливые друзья тотчас передали эту фразу Потемкину.

Болезненно самолюбивый Потемкин после этого и вовсе отодвинул в тень своего строптивого помощника. Суворов выходил из себя от вынужденной пассивности и от сознания своей беспомощности и бесполезности. «Чтобы победить препятствия – я буду повторять всегда: кто хорош на первой роли, никуда не годен на второй», обронил он примечательные слова. Увы! Ему очень часто доводилось оказываться на второй роли, когда первую играл бездарный актер.

Три недели прошли в полном бездействии. 27 июля турки предприняли крупными силами вылазку. Любимый полк Суворова – Фанагорийский – отбил вылазку и, преследуя турок, ворвался в их позиции. Суворов решил использовать столь удачное обстоятельство и, введя все бывшие у него войска, постарался развить успех. Он надеялся, что Потемкин поддержит его либо воспользуется переводом почти всего гарнизона к месту боя, чтобы штурмовать Очаков с другой стороны. Но Потемкин не решился. Ломая руки, он бегал по палатке, скорбя о «ненужной» гибели русских солдат. Тем временем турки стали теснить оставленный без поддержки отряд Суворова. Сам он, как всегда, был в гуще битвы, отдавая распоряжения и поспевая всюду, где замечалось колебание. Один крещеный турок, недавно перебежавший из русского лагеря и знавший Суворова в лицо, указал на него янычарам. Десятки пуль одновременно полетели в Суворова. Одна из них попала ему в шею, застрявши у затылка. Чувствуя, что рана серьезна, Суворов зажал ее рукою и, сдав

команду Бибикову, удалился, приказав отойти на прежние позиции. Потери русских в этом безрезультатном столкновении достигали 1000 человек.

У Суворова немедленно извлекли пулю и перевязали рану. Во время операции появился посланный Потемкина – главнокомандующий грозно спрашивал, что происходит. Корчась от боли, Суворов велел передать:

> Я на камушке сижу.
> На Очаков я гляжу.

Это был удар не в бровь, а в глаз. На следующий день пришел официальный запрос Потемкина: «Будучи в неведении о причинах и предмете вчерашнего происшествия, желаю я знать, с каким предположением ваше высокопревосходительство поступили на оное, не донося мне ни о чем во все продолжение дела, не сообща намерений ваших прилежащим к вам начальникам и устремясь без артиллерии против неприятеля, пользующегося всеми местными выгодами. Я требую, чтобы ваше высокопревосходительство немедленно меня о сем уведомили и изъяснили бы мне обстоятельно все подробности сего дела».

Суворову было предложено покинуть армию. Страдая от воспалившейся раны – во время перевязки там оставили куски материи, и они начали гнить, – он уехал в Кинбурн лечиться. Поправка его шла медленно. «Дыхание стало в нем весьма трудно и ожидали уже его кончины», свидетельствует бывший при нем Антинг.

Только он стал поправляться, как новая неудача подорвала его силы, в Кинбурне, вблизи от дома, где он жил, взорвалась военная лаборатория. Взрывом разнесло часть стены в комнате, где находился Суворов. Полузасыпанный камнями, с обожженными лицом и руками, он ощупью выбрался на улицу.

Секретарь Потемкина Попов прислал соболезнование. По поручению Суворова составили ответ, указав, что дело обошлось без большого вреда, кроме знаков на лице и удара в грудь. Прочтя, Суворов приписал: «Ох, братец, а колено, а локоть? Простите, сам не пишу, хвор».

Но даже больной, израненный, опальный, он не оставлял без внимания и поощрения героизма, проявленного солдатами.

«Кинбурнский комендант свидетельствует, – доносил он, – что во время взрыва капрал Орловского полка Богословский и рядовой Горшков, первый, когда флаг духом оторвало и впал оный с бастиона на землю, тот же час подняв оный, сохранил и по окончании взрыва вдруг[57] поставил в прежнее место; рядовой в

самое время происшествия стоял на часах на батарее, где столько в опасности находился, что духом каску сшибло и кидало о туры[58] но он на своем посте был тверд и сохранил должность. За таковые неустрашимости и усердие произвел я капрала в сержанты, а рядового в каптенармусы».[59]

Из Кинбурна Суворов переехал в Херсон, потом в Кременчуг. Во время переезда он лично явился к Потемкину, надеясь умилостивить его. Князь принял его неласково, осыпал градом упреков; по выражению Суворова, готовил ему «Уриеву смерть». Всю зиму и часть весны Суворов оставался не у дел, с завистью следя за действиями других генералов.

Впрочем, действия эти были довольно неумелы. Нехватало лошадей для перевозки артиллерии, ощущался недостаток в боеприпасах и понтонах; полки состояли из неопытных рекрутов, и недоставало опытных командиров, чтобы обучить их. В частности, один из лучших командиров, М. И. Голенищев–Кутузов, был тяжело ранен 18 августа. От дизентерии и стужи вышла из строя половина людского состава и погибли почти все лошади. Румянцев острил, что куртки, сделанные Потемкиным, чтоб летом солдатам не было жарко, более не греют. Екатерина II ввиду того, что в стране сурово критиковали Потемкина, издала указ, запрещавший «на бирже, в клубах, трактирах говорить о делах политических о распоряжениях военных, и умножать неосновательные и неприличные толки».

В конце концов Потемкин решился на то, что полгода назад предлагал ему Суворов. 1 декабря он издал приказ: «Истощa все способы к преодолению упорства неприятельского и преклонению его к сдаче осажденной нами крепости, принужденным я себя нахожу употребить, наконец, последние меры. Я решился брать ее приступом и на сих днях произведу оный в действо».

Штурм состоялся 6 декабря 1788 года при сильнейшем морозе и длился всего час с четвертью. Очаков был взят. Русские войска потеряли во время штурма 3 тысячи человек – незначительную часть того, что унесли морозы и болезни. Потери турок – 9 тысяч убитыми и 4 тысячи пленными. Все ошибки Потемкина были забыты, когда закончилась, наконец, «осада Трои», как называл саркастически Румянцев осаду Очакова.

Новый, 1789 год начался для России при трудных обстоятельствах. Союзники ее, австрийцы, потерпели ряд жестоких поражений от турок. Швеция, еще в 1788 году объявившая России войну, действовала довольно успешно, в Петербурге бывала слышна канонада.

Весной этого года томившийся от долгого пребывания не у дел Суворов добился назначения в передовой корпус Молдавской

армии. Зная о конфликте его с Потемкиным, Екатерина послала Суворова к Румянцеву. Вскоре, однако, Румянцев был, по настоянию Потемкина, удален в отставку, и командование Молдавской армией было вверено Репнину, причем Потемкин получил общее руководство всеми силами.

Суворов с порученным, ему корпусом – 5 пехотных полков, 8 кавалерийских и 30 пушек – занял выдвинутую позицию при Бырладе, на стыке с австрийцами. Через некоторое время к нему примчался курьер от командира австрийского корпуса, принца Кобургского:[60] сильная турецкая армия сосредоточивалась в Фокшанах, готовя удар против австрийцев, и Кобург просил у русских подкрепления. Суворов запросил Репнина; тот уклончиво ответил, что не препятствует Суворову предпринять операцию, но дает ему на нее шесть дней сроку, требует оставить часть войск в Бырладе для прикрытия и настаивает на предварительной письменной договоренности с принцем Кобургским.

Тогда Суворов донес, что во исполнение общей потемкинской директивы «не терпеть впереди себя неприятельских скопищ» он выступает к Фокшанам. Взяв с собою около половины имевшихся у него войск, он 16 июля выступил из Быр– лада.

Марш был исключительно быстрым. За 28 часов прошли 50 верст, отделявшие от австрийского лагеря. Суворов тотчас отправился осмотреть местность. Австрийский главнокомандующий прислал адъютанта, приглашая Суворова на личное свидание.

– Генерала Суворова нет, – учтиво ответили адъютанту. Через час пришел другой адъютант.

– Генерал Суворов молится богу, – последовал не менее любезный ответ.

Третьему посланцу сообщили, что генерал Суворов спит.

Принц переходил от удивления к негодованию. Но Суворов хорошо знал, что делал. Еще в Бырладе он познакомился с разработанным австрийцами планом операции, типичным продуктом кабинетно-доктринерского мышления. Оспаривать этот план в условиях двоевластия (причем австрийский принц был старше чином – генералом от кавалерии) было нелегко. Суворов предпочел выработать свой план, завязать по нему сражение и поставить австрийцев перед свершившимся фактом.

В 11 часов вечера он прислал принцу Кобургскому написанную по-французски записку, извещавшую, что русские войска выступают в 2 часа ночи, и предлагавшую австрийцам выступить тогда же по указанному им маршруту. На обсуждение не оставалось времени; австрийский главнокомандующий подчинился. Впоследствии Суворов так объяснил свое поведение:

– Нельзя было: он умный, храбрый, да ведь он тактик, а у меня был план не тактический. Мы заспорили бы, и он загонял бы меня дипломатически, тактически, энигматически,[61] а неприятель решил бы спор тем, что разбил бы нас. Вместо того: «Ура! С нами бог!» – и спорить было некогда.

В самом деле, план его был не книжный, схематический, а типичный суворовский, построенный на точном учете обстановки и решительных наступательных действиях, в каждой черточке отражающий энергию и дарование его автора и исполнителя. В глухую ночь союзные войска двинулись непосредственно к Фокшанам. В правой колонне шло 18 тысяч австрийцев, в левой – 7 тысяч русских. На полпути, у речки Путны, встретился передовой отряд турок. После упорного боя он был опрокинут; всю следующую ночь под огнем противника наводили понтонный мост, и к утру река была форсирована. Началась самая трудная часть предприятия.

Дорога к Фокшанскому лагерю вела через густой, трудно проходимый лес; подступы к лесу защищала пятнадцатитысячная турецкая конница. Отразив в результате пятичасового боя бешеные наскоки конницы, союзные войска достигли опушки. Здесь Суворов повел свою колонну в обход леса, австрийцы же стали обходить лес с. другой стороны. Пройдя некоторое расстояние, Суворов вдруг свернул с дороги и пошел напрямик через болота. Увязая в тине, на каждом шагу проваливаясь в трясину, солдаты с огромным трудом проделали эту часть пути. Но результатом этого маневра было появление русских войск с той стороны, откуда турки совершенно не ожидали их. Все турецкие пушки были направлены в другую сторону, здесь не было возведено укреплений, – словом, ничто не мешало Суворову нанести внезапный фланговый удар по турецким позициям. Он так и сделал. Обе союзные армии установили между собой связь и, не давая противнику опомниться, сбили его последовательно со всех позиций. Турки укрепились в нескольких близлежащих монастырях, но вскоре были выбиты и оттуда.

«Рассеянные турки побежали по дорогам браиловской и к Букаресту. Наши легкие войска, догоняя, их поражали и на обеих дорогах получили в добычу несколько сот повозок с военной аммуницией и прочим багажом», вспоминал Суворов в автобиографии.

Только теперь встретились, наконец, оба командующих. Принц Кобургский сейчас же устроил походный обед. Даже дележ добычи не омрачил праздника, хотя об этот камень преткновения разбивалось не одно хорошее начинание Суворов уступил австрийцам все продовольственные склады, так как он уже

собирался возвращаться обратно; прочие трофеи были поделены поровну. Эта победа побудила Австрию прервать начатые ею переговоры с Турцией о сепаратном мире.

Именно с Фокшанского сражения турки выделили Суворова среди всех прочих военачальников. Имя «Топал-паши»[62] стало, внушать им страх.

Одна из любопытнейших особенностей Фокшанской битвы – это метаморфоза, происшедшая там с австрийскими войсками. Воодушевленные уверенностью Суворова, видя храбрость и стойкость русских солдат, австрийцы также дрались храбро. От их былой инертности не осталось и следа.

На обратном пути в Бырлад Суворов отправил Репнину и Потемкину лапидарные донесения о сражении. Потемкин написал по этому поводу Репнину: «О фокшанском деле я получил, так сказать, глухую исповедь и не знаю, что писать ко двору. Синаксарии[63] Александра Васильевича очень коротки; извольте истребовать от него подробного донесения, как дело происходило и куда неприятель обратился». Одновременно он сделал выговор Репнину за чрезмерно горячее поздравление, посланное принцу Кобургскому: «В письме к Кобургу вы некоторым образом весь успех ему отдаете. Разве так было? *А* иначе не нужно их так подымать, и без того они довольно горды».

Суворов сразу вернул себе былой престиж и стал действовать более свободно, не озираясь так опасливо, как прежде, на сторожевших каждый его шаг Репнина и Потемкина.

Август прошел в полном бездействии. Турки оправились от фокшанского поражения и задумали грандиозную операцию: разбить сначала австрийцев, а потом обрушиться на расположенные по линии Бырлад-Яссы русские войска. Искусным маневром – демонстрацией своего тридцатитысячного отряда под Измаилом – турки обманули Потемкина и побудили его сосредоточить главные силы в этом районе. Между тем у местечка Рымника сосредоточивалась огромная армия под начальством великого визиря Юсуф-паши. Со дня на день она готовилась перейти в наступление.

В начале сентября 1789 года австрийцы получили через лазутчиков сведения о приближении этой свыше чем стотысячной армии. Австрийский командующий, принц Кобургский, тотчас обратился за помощью к своему испытанному союзнику – Суворову.

Мало доверяя сведениям принца Кобургского, Суворов решил выждать дальнейших известий. Но через сутки прискакал второй курьер – турки подошли к австрийским позициям, и со дня на день можно было ждать атаки. На клочке бумаги карандашом

Суворов написал принцу Кобургскому одно слово: «Иду!»

Наличные силы его составляли 10 тысяч человек. Из них 3 тысячи он оставил для прикрытия своего тыла от возможной атаки турок и взял с собой только 7 тысяч. Командирами были взяты хорошо известные ему генерал-майор Позняков, бригадиры Бурнашов и Вестфален, кавалерийские полковники Поливанов и Шрейдер, артиллерийский майор Яков Гельвиг.

Уведомив Потемкина о своем движении, он немедленно, глубокой ночью, выступил в поход. Потемкин, в свою очередь, послал донесение в Петербург, пояснив, что «Кобург почти караул кричит, и наши едва ли к нему во-время поспеют».

Однако Суворов поспел. Идя по размытой дороге, под проливным дождем, вынужденный наводить в пути сорванный разбушевавшейся рекой мост, он проделал в течение двух суток около 100 верст и утром 10 сентября примкнул к левому крылу австрийцев. Он привел с собой 11 батальонов пехоты, 12 эскадронов кавалерии, 2 полка казаков, 800 арнаутов (вооруженных молдаван), при 30 орудиях. Существует рассказ, что когда один шпион доложил великому визирю о появлении Суворова, визирь велел повесить его за распространение небылиц.

Безмерно обрадованный, принц тотчас явился для обсуждения плана действий. Суворов принял его в простой палатке, на охапке свежего сена и, не дав ему изложить составленной австрийцами диспозиции, развил свой проект. Ежели турки еще не наступают, заявил он, значит они не закончили сосредоточения сил. В таком случае надо немедленно атаковать их. Принц Кобургский колебался: русских и австрийцев вместе было 24 тысячи, то есть в четыре раза меньше, чем турок. Но Суворов поставил вопрос ультимативно, пригрозив, что в случае отказа атакует только своим семитысячным корпусом. Он указал, что при крупном неравенстве сил лишь внезапная и быстрая атака обещает успех, что многочисленность турок будет способствовать их беспорядку и, наконец, усмехнулся он. «турок все же не столько, чтобы заслонить нам солнце». В конце концов австрийский полководец подчинился более сильной воле и отдал себя в распоряжение Суворова…

Немедленно после совещания с принцем Кобургским Суворов поскакал к реке Рымне, вскарабкался, несмотря на свои шестьдесят лет, на высокое, дерево и долго обозревал турецкие позиции. В голове его постепенно складывался план сражения. Позиции турок были очень удобны для обороны. Они прикрывались с фронта и с флангов рекою, оврагами и лесами. Однако Суворов сразу заметил допущенную турецким командованием ошибку: оно разделило свои войска на три

армейские группы, причем пересеченная местность затрудняла быстрое прибытие подкрепления к какой-либо из них. Суворов решил бить турок по частям: сперва атаковать их левофланговую группу, затем центральную и тогда, сомкнувшись с правым флангом австрийцев, предпринять наступление на последнюю группировку неприятеля.

План был очень рискованный, но Суворов верил в себя и своих солдат. Характерно, что, не желая смущать австрийского главнокомандующего, он не посвятил его полностью в свои намерения, сообщив только первую половину плана.

В тот же вечер войска двинулись на сближение с противником. В интересах наступавших было возможно долее остаться незамеченными. Поэтому они шли молча, команда отдавалась вполголоса. Стояла безлунная звездная ночь. Турки, не предполагая активных замыслов противника, не позаботились выставить охранение. Около четырнадцати верст войска прошли, не встретив ни одного турецкого пикета. По пути пришлось переправляться вброд через Рымну, шириною до двухсот шагов.

Только утром турки заметили приблизившиеся колонны и открыли огонь. В это время русский корпус двигался берегом реки к левому флангу турок, австрийцы же надвигались на центр, немного подаваясь вправо, вслед за Суворовым. Связь между русским и австрийским корпусами поддерживалась кавалерией под командованием одного из способнейших австрийских генералов, Карачая. Таким образом, наступление велось как бы уступами. Русские войска двигались четырьмя линиями, имея на флангах донских казаков. Сам Суворов находился в первой линии, при среднем каре.

Идти приходилось полем, заросшим бурьяном и кукурузой. Местность казалась ровной, так как из-за высоких кукурузных стеблей не видно было впадин и оврагов. Это чуть не повело к катастрофе – у самых турецких окопов колонна Смоленского полка наткнулась на глубокий овраг. Войска замялись. В этот момент турки открыли бешеную стрельбу, а из-за леса неслись нестройные толпы их конницы.

Суворова это не смутило. Он велел первым рядам немедленно спуститься в овраг и, перебравшись через него, атаковать батареи. Остальные части с помощью обогнувшей овраг кавалерии вступили в бой с конницей. Как раз в это время произошел известный эпизод, описанный одним очевидцем, австрийским офицером. Спустившись в овраг, карабкаясь под жерлами неприятельских пушек, гренадеры внезапно разразились громовым хохотом: повидимому, вездесущий Суворов рассмешил их какой-нибудь шуткой.

Встретив твердый отпор, встревоженная глубоким продвижением ей во фланг передовых русских частей, турецкая конница рассеялась. Суворов запретил преследовать ее, чтобы не ослаблять темпа наступления.[64]

Не теряя ни минуты, Суворов направил свой отряд влево, повернув фронт почти под прямым углом.

Тем временем австрийцы выдержали ряд сильнейших ударов турок и, хотя замедлили свое продвижение, все же с помощью кавалерии Карачая и русской конницы отразили все атаки.

Полдневный жар истомил бойцов. Битва на короткий срок приостановилась. Турки подтягивали главные силы; Суворов использовал передышку для сообщения своему союзнику дальнейшего плана операции. Он предложил концентрически наступать на центр неприятельской позиции, Крынгумейлор– ский лес, и одновременно с русскими атаковать его.

Однако, изучая лежащую перед ним местность, Суворов заметил, что подступы к лесу обстреливались сильной турецкой артиллерией, расположенной в деревне Бокзы. Он принял решение сперва овладеть Бокзы, видя в ней ключ позиции, и тотчас двинул туда свой отряд.

Сражение возобновилось с новой силой. Великий визирь ввел свежие части, и сорокатысячная масса конницы с отчаянными возгласами: «Экбер-алла… Я-алла!» – обрушилась на австрийцев. Те мужественно оборонялись, однако с каждой минутой слабели. Видя, что Суворов удаляется, принц Кобург– ский слал к нему одного курьера за другим, прося поддержки.

– Пускай держится, – отвечал русский полководец, – а бояться нечего: все вижу.

Он знал, что, заняв Бокзы, окажет более действенную помощь австрийцам, чем сотрудничая с ними в отражении фронтальной атаки. Ему и самому приходилось нелегко – сильные турецкие батареи почти в упор громили его поредевший отряд, с флангов то и дело налетали янычары. Во время одной атаки казаки были совершенно рассеяны, но пехота устояла. Отлично действовала русская артиллерия, принудившая турок дважды увозить свои орудия с позиций.[65] В конце концов Бокзы была взята. Быстро пройдя небольшую рощу, Суворов вышел во фланг главным турецким силам, почти опрокинувшим уже австрийцев. Попав под перекрестный огонь, турки отхлынули к Крынгумейлорскому лесу.

Наступал последний акт драмы. Предпринятый Суворовым сложный маневр, сводившийся к тому, что турок били последовательно, по частям, должен был увенчаться прямым штурмом основных неприятельских позиций. Главное укрепление

их состояло из неглубокого рва и земляной насыпи. Однако насыпь эта не была еще готова и высота ее была незначительна. Заметив это, Суворов молниеносно принял решение – одно из тех, которые не предусмотрены никакими теориями и которые рождаются только в мозгу гения, – он решил атаковать турецкие окопы кавалерией.

По его распоряжению, оправившиеся австрийские войска составили вместе с русским отрядом одну общую, несколько вогнутую линию. Каре первой линии были раздвинуты, и в интервалах помещены конные части; остальная часть кавалерии была размещена на флангах.

Под сильнейшим огнем турок атакующие приблизились в таком порядке на 300–400 сажен к ретраншементу. В этот момент из интервалов всей линии вынеслась кавалерия и полным карьером помчалась на неприятеля. В одну минуту всадники пересекли обстреливаемое пространство, перескочили через ров и бруствер и врубились в плотные ряды янычар. Пораженные этой невиданной атакой, защитники траншей растерялись. Это позволило атакующей пехоте почти беспрепятственно добежать до места схватки.

– Ребята, смотрите неприятелю не в глаза, а на грудь, – кричал солдатам Суворов, в течение всего дня присутствовавший в самых опасных местах боя, – туда придется всадить ваши штыки!

Началась жестокая рукопашная сеча. Прорвавшиеся в турецкий тыл казаки и австрийские уланы увеличили смятение потрясенного противника. Ряды турок дрогнули: еще момент – и они, бросая оружие, устремились в бегство. Напрасно останавливал их с кораном в руке великий визирь, напрасно стрелял по беглецам из пушек. Паника была так велика, что не было даже попытки защищать прекрасно устроенные окопы, прикрывавшие переправу через реку Рымник. Единственный мост был запружен повозками. Турки бросились вплавь, но массами тонули в холодных вздувшихся водах Рымника. Тех, кто оставался на берегу, рубила русско-австрийская кавалерия (пехота не участвовала в преследовании, так как не поспевала).

Стотысячная армия великого визиря перестала существовать как боевая сила. Победителям достались 100 знамен, 80 орудий, огромная разнообразная добыча. Потери союзников не превышали тысячи человек.

Над местом боя спустилась тьма. Победители шумно праздновали победу и делили трофеи. Сохранился рассказ, что при дележе захваченных пушек между русскими и австрийцами возникли трения.

– Отдайте австрийцам, – распорядился Суворов. – Мы себе у неприятеля другие достанем, а им где взять?

Однако отношения между союзниками в общем остались хорошими. Австрийцы признавали, что вся честь победы принадлежит русским. Один австриец писал: «Почти невероятно то, что о русских рассказывают: они стоят, как стена, и все должно пасть перед ними». Суворов, со своей стороны, хвалил поведение австрийских войск, особенно выделяя Карачая с его кавалерией.

Рымникское сражение представляет собой одну из самых замечательных страниц русской военной истории и является одним из величайших подвигов Суворова. Что касается тех, чьими руками была завоевана эта победа, – русских солдат, дравшихся против упорного врага один против пяти и неуклонно, как таран, разбивавших все преграды, подавивших самую способность к сопротивлению у пришедших в отчаяние турок, – то этой битвой они доказали, что при умелом руководстве русские вправе называться лучшими в мире солдатами.

Все участвовавшие в сражении войска были награждены. Солдатам, по обычаю, дали грошовую денежную премию и некоторое количество серебряных медалей. Офицеры получили более существенные награды (Суворов трижды представлял списки отличившихся, мотивируя тем, что «где меньше войска, там больше храбрых»). Наградили и самого полководца, на этот раз щедро: он получил титул графа Рымникского, Георгиевский орден 1-й степени и драгоценную шпагу.

Австрия выразила ему свою признательность, возведя в титул графа Священной Римской империи. Не привыкший к подобной оценке своих подвигов, Суворов был просто поражен. «У меня горячка в мозгу, – писал он близким, – да кто и выдержит! Чуть, право, от радости не умер!»

Сторонние наблюдатели, впрочем, гораздо сдержаннее оценивали полученные Суворовым награды (учитывая его заслуги). Так, П. В. Завадовский писал: «Суворов проименован Рымникским, в соравнение Задунайскому. Ты знаешь, как сия река своим течением равняется Дунаю».

Надо отдать должное Потемкину: забыв старые счеты, он сам ходатайствовал о возможно более «знатной» награде. Но в придворных сферах у нового графа нашлись другие враги. Все упорнее пополз шепоток о суворовских странностях и чудачествах; не обходилось, конечно, без преувеличений и при–крашиваний. Все чаще стали с глубокомысленным видом объяснять победы Суворова одной причиной – счастьем. Помилуйте, «авторитеты» не советуют, а этот чудаковатый старик

поступает по-своему и добивается успеха! Слепое счастье!..

Косвенным результатом Рымника было взятие без труда русскими войсками Бендер и австрийцами – Белграда; турки изверились в своих силах после двукратного страшного поражения. Кампания 1789 года, в начале которой союзники (особенно австрийцы) терпели крупные неудачи, окончилась для них очень удачно.

Для России создалась возможность заключить на выгодных условиях мир, который был очень нужен истощенной стране. Турция еще больше нуждалась в мире; чтобы облег-, чить ведение переговоров, она беспрекословно выполнила требование об освобождении все еще содержавшегося под стражей русского посланника Булгакова.

Внешнеполитическое положение России осложнилось вследствие предательского поведения Австрии, которая, потерпев, несмотря на огромное численное превосходство, поражение под Журжей, заключила сепаратный мир с Турцией, обязавшись к тому же не пускать русские войска в занятые ею владения (Валахию). Это крайне усложняло стратегическое положение русской армии, вынуждая ее ограничить операции в узком коридоре между морем и Галацем.

Между тем Екатерина понимала, что затянувшаяся война порождает в стране глубокое недовольство, грозящее вызвать кризис всего ее царствования. В первую очередь был заключен мир со Швецией. Это в известной степени облегчало положение. «Ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире с шведами, – писала Екатерина Потемкину, – на сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от самого 1784 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно меру, я же гораздо веселее становлюсь».

Но главная война велась, конечно, не в Швеции, а в Турции. «Одну лапу мы из грязи вытащили, – выразилась в другом письме Екатерина, – как вытащим другую, то пропоем аллилуя».

Русская дипломатия упустила, однако, военные и политические возможности, открывшиеся после Фокшан и Рымника. Блестящая рымникская победа не дала, в конечном итоге, плодов; она поблекла в многоречивых прожектах дипломатов и вялых действиях генералитета. Чтобы создать вновь почву для выгодного окончания затеянной войны, нужен был новый сокрушительный удар, новый Рымник.

Вернувшись с рымникских берегов в Бырлад, Суворов бездеятельно провел здесь целый год. Потемкин не склонен был к активным действиям. Он ограничивался дипломатической и военной корреспонденцией, перемежая ее небывало роскошными

празднествами. Однажды, живя в Бендерах, он устроил пир в специально сооруженных подземных залах, роскошно убранных в восточном вкусе. Все русские генералы стремились присутствовать на этих увеселениях. Один Суворов избегал появляться в главной квартире; он по-прежнему ненавидел роскошества и празднословие.

Досуг свой он заполнял изучением турецкого языка, чтением газет и книг и беседами с толпившимися в Бырладе людьми. Жил он очень скромно, даже подчеркнуто скромно, в виде протеста против потемкинского великолепия. Он ходил в куртке из грубого сукна, не имел никакого багажа, обедал на скатерти, которую расстилал прямо на земле, и т. д. Все резче и нетерпимее проявлялись его оригинальные вкусы и понятия.

Существование, которое приходилось вести в Бырладе, не могло успокоить ненасытной жажды деятельности старого полководца, и он был очень обрадован, когда узнал, что в сентябре Потемкин двинул войска с Днестра на Дунай. Екатерина требовала энергичных действий, в результате которых можно было бы возобновить переговоры о мире. Но ввиду невозможности перенести операции на равнины Валахии, для таких действий оставался лишь узкий плацдарм между Черным морем и устьем реки Серег. Задача осложнялась тем, что и без того очень удобный для обороны Дунай был защищен кольцом крепостей: Килией, Тульчей, Исакчей, Измаилом. Однако выбора не оставалось. В сентябре началось наступле– ление. Первые три крепости были в короткий срок взяты русскими войсками: 18 октября Гудович взял Килию, 7 ноября была взята Тульча, пала также и Исакча. Оставался грозный Измаил: он «вязал руки для операций дальних». Пока стоял этот оплот турецкого могущества, Турция не склонна была к уступкам.

Расположенный в исключительно важном стратегическом пункте (на пересечении путей из Галаца, Бендер, Хотина и Ки–лии), запиравший выход через Дунай в Добруджу, Измаил был обнесен глубоким рвом в шесть сажен шириной и четыре сажени глубиной, местами наполненным водой. Над рвом возвышался земляной вал в три-четыре сажени вышиной; общее протяжение вала превышало 6 верст. На валу было расставлено несколько сот орудий. Крепостной гарнизон состоял из 35 тысяч человек под командой одного из опытнейших турецких военачальников, Айдос-Мехмет-паши. Сюда вошли гарнизоны ранее сдавшихся крепостей: Килии, Хотина, Аккермана; они были посланы в Измаил для искупления своей вины, причем был издан фирман, [66] предписывавший в случае повторной сдачи рубить им без суда головы. В сущности, за измаильскими стенами была

сосредоточена целая армия. По обширности укрепленного пространства Измаил и был рассчитан на это; турки называли его «Ордукалеси», то есть армейская крепость.

В обороне крепостей турки были вообще гораздо сильнее, чем в маневренном бою. Для взятия такой крепости, как Измаил, требовались исключительные для того времени людские и технические ресурсы.

Но как раз этих ресурсов Потемкин не имел. Армия понесла большие потери в первые годы войны; несколько корпусов было приковано к прусской и польской границам; часть войск еще не дошла из Швеции; наконец, те силы, которые имелись в южной армии, были разбросаны во многих пунктах, и Потемкин не решился либо не сумел сконцентрировать их перед Измаилом.

В ноябре русские войска в количестве 28 тысяч человек под начальством Гудовича и де Рибаса обложили Измаил. Хотя де Рибас уничтожил 20 ноября турецкую флотилию под Измаилом, на активные операции никто не решался: шла слабая бомбардировка в надежде, что турки падут духом и выкинут белый флаг. Армия терпела лишения от холода, болезней и недостатка продовольствия. Один очевидец писал, что даже у корпусного командира за обедом, когда стол накрывался на восемь персон, могли насытиться только двое. О солдатах и говорить не приходилось. «Время стало, столь дурно, что людям вытерпливатъ весьма трудно», сообщал генерал Павел Потемкин. [67] В конце ноября был созван военный совет, отправивший главнокомандующему на утверждение свое решение – снять на зимнее время осаду и ограничиться наблюдением за крепостью.

Однако Потемкин, всегда избегавший рискованных предприятий, на этот раз упорствовал. В письме Суворову от 25 ноября 1790 года Потемкин раздраженно отзывался о русских военачальниках под Измаилом: «Много тамо равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного». Взятие Измаила было необходимо не только по военным, но и по политическим соображениям. Пруссия и Англия исподтишка распространяли мнение, что держава Екатерины – колосс на глиняных ногах. На карте стоял престиж Российской империи.

Потемкин решил предпринять штурм Измаила. Был только один человек, который мог справиться с такой задачей; правда, светлейший князь предпочитал держать его в тени, потому что слава его и без того начинала иногда звучать чересчур громко, но теперь приходилось подчиниться обстоятельствам.

30 ноября Суворов получил ордер (приказ) главнокомандующего: «…остается предпринять с помощью

божиею на овладение Измаила… Извольте поспешить туда для принятия всех частей в Вашу команду…» Через два дня в русский лагерь под Измаилом приехали на простых донских лошадках два всадника: то был Суворов в сопровождении казака, везшего узелок с его одеждой.

Ознакомившись с положением вещей, Суворов увидел, что трудности штурма превосходят все его предположения. Даже с теми подкреплениями, которые были подтянуты им из Гала– ца, он располагал 30 тысячами человек; значительная часть из них – казаки, не приспособленные в то время по своему вооружению к бою в пешем строю. Осадной артиллерии почти не было, снарядов для полевой артиллерии – только один комплект. Войска непривычны к осадным действиям, плохо обучены, голодны и разуты. Крепость зорко охраняется и отлично, «без слабых мест», укреплена.

«Обещать нельзя», резюмировал Суворов в донесении Потемкину свои наблюдения и тотчас начал готовить штурм.

Впоследствии, когда Екатерина узнала подробности овладения крепостью, она выразилась, что «почитает измаильскую эскаладу[68] города и крепости за дело, едва ли где в истории находящееся». Склонная к преувеличениям, когда дело касалось ее славы, Екатерина была на этот раз очень близка к истине. И уж во всяком случае военная история не знала прецедентов, когда бы подготовка такого грандиозного предприятия заняла так мало времени и вместе с тем была настолько тщательна, настолько систематична.

Невдалеке от крепости был насыпан вал – точная копия измаильского. По ночам войска упражнялись в штурме этого вала, последовательно воспроизводя все фазы: подход ко рву, забрасывание его фашинами,[69] переход, приставление и связывание лестниц, подъем на вал, разрушение палисадов и т. д. Беспрерывно шло заготовление фашин и лестниц. Днем упражнялись в штыковом бою. Суворов проводил целые часы среди солдат, наставляя их, ободряя, подгоняя шутками и окриками, внушая каждому мысль о необходимости штурма, внедряя в каждого уверенность в успехе.

Чтобы усыпить бдительность турок, Суворов велел построить две батареи, которые должны были свидетельствовать о намерении его продолжать осаду. Но это не достигло цели: перебежчики и пленные сообщили туркам о приготовлениях к штурму, рассказав даже о задачах и направлении отдельных колонн. Это не смущало полководца; он знал, что основная идея, самая сущность замысла оставалась тайной для войск: искусно составленная диспозиция маскировала ее даже от начальников

колонн.

Со дня прибытия к Измаилу Суворов совершал беспрестанные рекогносцировки, изучая местность и состояние измаильских укреплений. Турки сперва обстреливали назойливого старика, но потом сочли его разведки не внушающими опасений и прекратили обстрел. Сопоставляя свои наблюдения с донесениями лазутчиков, Суворов убедился, что наиболее доступна та сторона крепости, которая примыкает к Дунаю. Отсюда турки не ждали удара, и укрепления здесь были незначительны. В связи с этим главный удар Суворов решил направить на эту сторону.[70] Задача остальных колонн сводилась к тому, чтобы вынудить турок рассредоточить свои силы на всем шестиверстном протяжении крепостного вала. Это могло удаться только при условии, что атаки демонстрирующих колонн будут вестись с максимальной настойчивостью. Поэтому в беседах с офицерами и солдатами Суворов не делал различия между колоннами; всем казалось, что предстоит равномерная атака по всему фронту, и если бы турки разузнали о плане штурма в такой форме, это было бы только наруку Суворову.

9 декабря был создан военный совет.

– Два раза русские подходили к Измаилу, – сказал Суворов, – и два раза отступали; теперь, в третий раз, остается нам только взять город либо умереть.[71] Правда, что затруднения велики: крепость сильна, гарнизон – целая армия, ко ничто не устоит против русского оружия. Мы сильны и уверены в себе… Я решился овладеть этой крепостью либо погибнуть под ее стенами.

Это была не фраза: Суворов твердо решил победить во что бы то ни стало, даже если пришлось бы самому пасть под стенами Измаила.

Казачий атаман Платов, как младший из членов совета, первый высказал свое мнение: «Штурм!» Прочие двенадцать участников присоединились к нему. Постановление военного совета гласило: «Приближаясь к Измаилу по диспозиции, приступить к штурму неотлагательно… Отступление предосудительно победоносным ее императорского величества войскам». О том, что две недели назад было вынесено противоположное решение, никто даже не вспомнил.

За два дня до созыва совета Суворов написал официальное предложение о сдаче, присовокупив свою собственную записку: «Сераскиру,[72] старшинам и всему обществу. Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для здачи и воля; первые мои выстрелы уже неволя; штурм – смерть, чего оставляю вам на рассмотрение».

Айдос-Мехмет-паша ответил уклончивой просьбой установить

на десять дней перемирие; один из его помощников витиевато заявил парламентеру, что скорее Дунай остановится в своем течении, чем сдастся Измаил.

Суворов и не ждал иного; предложение о перемирии он оставил без ответа. На 11 декабря был назначен штурм.

Всего восемь дней прошло с момента появления Суворова в русском лагере, но за эти дни войска преобразились. Один из очевидцев штурма впоследствии рассказывал, что среди солдат и офицеров царили душевный подъем и готовность к подвигу: каждый рвался вперед, в самые опасные места, совершенно пренебрегая собственной жизнью. С таким войском можно было атаковать любую крепость. Но теперь предстояла не менее важная задача: надо было умело использовать эти войска, умело составить и выполнить план штурма.

Диспозиция предусматривала разделение атакующих на три отряда по три колонны в каждом.[73] Каждая колонна состояла из пяти батальонов; в голове шли 150 стрелков, обстреливавших защитников вала; за ними 50 саперов с шанцевым инструментом, [74] потом три батальона с фашинами и лестницами; в хвосте – резерв из двух батальонов. До двух третей всех наличных сил предназначалось для атаки приречной стороны.[75] Почти половину русских сил под Измаилом составляли казаки; они участвовали в штурме, вооруженные короткими пиками.

Весь день 10 декабря происходила усиленная бомбардировка крепости; с русской стороны действовало почти 600 орудий. Турки энергично отвечали. К вечеру канонада затихла. Так как дело происходило в период самых коротких дней, было решено начать штурм за два часа до рассвета, чтобы успеть до вечера подавить все очаги обороны.

В ночь перед штурмом никто не спал. Начальникам было предписано оставаться при своих частях, запрещено было выводить батальоны до сигнальной ракеты, «чтобы людей не утруждать медленней к приобретению славы».

Суворов лично обошел фронт, вспоминая историю каждого полка, совместные битвы в Польше и Турции, запросто здороваясь с ветеранами и ободряя молодых. Потом он вернулся в свою палатку и прилег. Он был необычно сосредоточен, весь ушел в себя. Полученное им письмо от австрийского императора осталось нераспечатанным; он прочел его только на следующий день.

В 3 часа ночи взвилась первая ракета: войска выступили к назначенным местам. По второй ракете они подошли к стенам на 300 шагов. В половине шестого утра, по третьей ракете, колонны двинулись на приступ.

Турки узнали от перебежчиков о дне штурма и были наготове. «Крепость казалась настоящим вулканом, извергавшим пламя, – замечает в своих мемуарах Ланжерон. – Мужественно, в стройном порядке, решительно наступали колонны, живо подходили ко рву, бросали в него свои фашины, по две в ряд, спускались в ров и спешили к валу. У подошвы его ставили лестницы, лезли на вал и, опираясь на штыки, всходили наверх. Между тем стрелки оставались внизу и отсюда поражали защитников вала, узнавая их по огню их выстрелов».

Осажденные дрались отчаянно. Они не ждали пощады и не давали ее. Турки производили многочисленные вылазки, тесня и опрокидывая русские батальони. Бойцы смешались в предрассветной мгле. Крики «ура» и «алла» беспрестанно сменялись, указывая, на чью сторону клонится победа. Мекноб, Безбородко, Львов, Рибопьер, Марков были ранены. – Суворов расположился на кургане, зорко следя за перипетиями сражения и беспрестанно посылая ординарцев с распоряжениями. Резервов у него почти не было, но предназначенный для этой цели отряд казаков он использовал с максимальным результатом, неоднократно выручая попадавшие в тяжелое положение части.

Штурм Измаила с речной стороны 11 декабря 1790 г. Рисунок с натуры проф. М. М. Иванова, грав. Шифляр.

В 8 часов утра внешний вал был взят. Битва перекинулась в город. Каждую улицу приходилось завоевывать, каждый дом представлял собой стойко защищаемую крепость. Русская полевая артиллерия открыла огонь вдоль улиц. К 11 часам исход сражения определился. Русские войска, прорвавшиеся с приречной стороны и в других пунктах, со всех сторон концентрически надвигались на центр города, сжимая турок в железное кольцо.

Татарский хан Каплан-Гирей, победитель австрийцев под Журжей, предпринял отчаянную попытку отбросить русских. Во главе трехтысячного отряда он напал на черноморских казаков, порубил их и прорвался в глубь русских полков. Подоспевшие егеря и гренадеры ликвидировали прорыв, отряд Гирея был окружен и уничтожен.

Близилась развязка. Турок выбивали из горевших домов, из «ханов» (больших каменных строений, служивших постоялыми дворами). В одном из таких «ханов» погиб комендант крепости Айдос-Мехмет. Общий хаос увеличивался оттого, что из конюшен вырвалось несколько тысяч лошадей и в бешенстве носилось по улицам.

К сумеркам сопротивление было окончательно сломлено.

«Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, надшей перед высочайшим троном ее императорского величества кровопролитным штурмом!» писал Суворов 11 декабря в донесении Потемкину.

Руины представляя лишь собою,
Пал Измаил; он пал, как дуб могучий,
Взлелеянный веками великан,
Что вырвал с корнем грозный ураган.

(Б а й р о н. Дон-Жуан.)

Говоря о штурме Измаила, нельзя забыть об участии в этом штурме М. И. Кутузова. В рапорте Потемкину о взятии Измаила Суворов особо остановился на роли, которую сыграл здесь Кутузов. «…Генерал-майор и кавалер Голенищев– Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель[76] принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов…» В другой раз Суворов выразился так о Кутузове (под Измаилом):

– Он был на левом фланге моей правой рукой.

Внутри города был открыт огромный госпиталь. Впрочем пользы от него было мало – две трети раненых скончались вследствие антисанитарных условий и неопытности врачей; двое опытных хирургов, Массо и Лоссиман, находились в это время в Бендерах, потому что у Потемкина болела нога, и прибыли в Измаил через два дня после штурма. Тела убитых русских свозились за черту города и предавались погребению. Тела турок

во избежание заразы было велено бросить в Дунай. Но даже при этой несложной процедуре потребовалось поесть дней, пока город был очищен от мертвецов: потери турок были очень велики. По приблизительному подсчету, в Измаиле было убито около 26 тысяч турок и взято в плен 9 тысяч. Только один человек из всего гарнизона ушел из крепости: он бросился в реку, ухватился за плывшее бревно и таким образом добрался до другого берега. Он-то и принес в Константинополь весть о судьбе Измаила.

Русские потеряли во время штурма около 10 тысяч человек. Из 650 офицеров 400 было убито и ранено.

В занятом городе была взята огромная добыча.

Офицеры предложили Суворову взять хотя бы коня из захваченных табунов, но он ответил:

– Донской конь привез меня сюда, на нем же я отсюда и уеду.

Весть о падении Измаила произвела во всей Европе ошеломляющее впечатление. Заседавшая в Систове враждебная России конференция держав прервала свои работы; турецкое правительство впало в уныние. Зато в Петербурге царило ликование.

Державин так описывал штурм Измаила:

Везувий пламень изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом в верьх летит;
Краснеет понт,[77] ревет гром ярый,
Ударам в след звучат удары:
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы:
О Росс! – таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!

Суворов, проведший еще дней десять в Измаиле, был засыпан летевшими со всех концов поздравительными письмами.

Но екатерининская эпоха еще раз зло посмеялась над ним. Суворову горше, чем когда бы то ни было, было суждено почувствовать, что недовольство фаворита значит для царицы больше, чем любые подвиги полководца.

В первые дни после штурма переписка Суворова с главнокомандующим носила самый дружеский характер. Суворов, следуя своей манере и общему эпистолярному стилю того времени, рассыпался в изъявлениях преданности. Потемкин отвечал в том же любезном тоне. Вслед за тем Суворов выехал в Бендеры для личного рапорта, и тут одно «пустое обстоятельство»

все погубило.

Он был уверен, что Потемкин встретит его как равный равного. Но Потемкину это и в голову не пришло. Он радушно встретил Суворова, выбежал даже на лестницу и в привычном добродушно-грубоватом, слегка покровительственном тоне сказал:

– Чем могу я наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич?

– Ничем, князь, – раздражительно ответил он, – я не купец и не торговаться сюда приехал. Кроме бога и государыни, никто меня наградить не может.

Потемкин обомлел. Подобного тона он никак не ожидал.

Повернувшись, он пошел в комнаты. Суворов последовал за ним и подал строевой рапорт. Они молча ходили по залу; ни тот, ни другой не могли найти слов. Наконец Суворов откланялся и вышел.

Это была его последняя встреча с князем Таврическим.

Пять минут независимого поведения в Бендерах дорого обошлись Суворову. Все участвовавшие и многие не участвовавшие в штурме Измаила получили награды и повышения.

Медаль за взятие Измаила, выбитая в честь Суворова.

На долю же самого Суворова досталось вместо фельдмаршальского звания производство в подполковники Преображенского полка. Это считалось почетным назначением, потому что сама Екатерина числилась там полковником. Но таких подполковников был уже десяток, и в качестве награды за Измаил это было прямым оскорблением. До конца жизни Суворов с горечью вспоминал «измаильский стыд» – демонстративно-малую награду за подвиг, который он сам считал своим величайшим деянием и о котором как-то в минуту, откровенности отозвался, что на подобный штурм можно решиться только однажды в

жизни.

Суворов выехал в Петербург. Потемкинские эстафеты опередили его: он был принят очень холодно. Екатерина почти не приглашала его в Эрмитаж, в разговорах бывала сдержанна и неприветлива.

Суворов тяжело переживал это. Он начинал думать о близком конце. «Время кратко, – записывал он в одиночестве свои мысли, – сближается конец, изранен, шесть лет, и сок весь высохнет в лимоне».

В конце апреля Потемкин устроил небывалый праздник в честь подвигов минувшей войны. За три дня до праздника императрица вызвала Суворова и во время беседы невзначай обронила:

– Я пошлю вас, Александр Васильевич, в Финляндию.

Суворов понял: его хотят удалить, ему не место на потемкинском триумфе. В тот же день он покинул Петербург.

IX. В Финляндии и Польше

Повеление Екатерины не замедлило прибыть – осмотреть финляндскую границу и представить проект укрепления ее. Правда, в августе 1790 года со Швецией был заключен мир, но король Густав III относился к России с явной враждебностью, и положение не могло считаться прочным. В месячный срок эта задача была выполнена. Суворов снова явился в Петербург, привезя с собой план постройки и реорганизации крепостей. Обычно такие планы лежали без движения годами, но в данном случае утверждение последовало почти тотчас же. Автору проекта поручалось привести его в исполнение.

Итак, вместо награды за великий подвиг Суворову была уготовлена новая опала. Иначе он не мог расценивать возложение на него функций инженер-инспектора по вопросам фортификации, когда на юге еще гремели орудия и вся армия, для которой его имя уже стало символом победы, жаждала его возвращения.

Скрепя сердце он приступил к новой работе: «играть хоть в бабки, если в кегли нельзя». Для него не было секретом, что назначение в Финляндию подсказано императрице Потемкиным. Он понимал, что под начальством у светлейшего ему более служить невозможно. «Я… для Потемкина прах, – писал он Хвостову. – Разве быть в так называемой „его“ армии помощником Репнина? Какое ж было бы мне полномочие? Вогнавши меня во вторую ролю, шаг один до последней. Я милости носил, но был в ссылке и в прописании – не говорю об общем отдалении… Твердый дуб падает не от ветра или сам, но от секиры».

Но осенью пришло известие о смерти того, кто раньше был его покровителем, а потом сделался недругом. «Великолепный князь Тавриды» навсегда сошел со сцены. 5 октября 1791 года он умер в дороге, недалеко от Ясс.

Суворов выразил свое мнение о Потемкине с обычной оригинальностью.

– Великий человек – и человек великий: велик умом, высок и ростом. Не походил на того высокого французского посла в Лондоне, о котором лорд Бэкон сказал, что чердак обыкновенно плохо меблируют.

Такова была его эпитафия на гроб князя Таврического.

Между тем работа Суворова в Финляндии быстро подвигалась вперед.

Результат его деятельности был тот, что для обороны

укрепленной его стараниями Финляндии достаточно было 28 пехотных батальонов, 6 эскадронов кавалерии и нескольких казачьих полков. Особенно сильные укрепления были возведены при Роченсальме (в противовес шведскому опорному пункту Свеаборгу). Суворов с удовольствием взирал на Роченсальм, но в памяти его, надо думать, не раз возникал Измаил, в сравнении с которым Роченсальм казался игрушкой.

– Знатная крепость, – говорил Суворов иронически, – помилуй бог, хороша: рвы глубоки, валы высоки – лягушке не перепрыгнуть, с одним взводом штурмом не взять.

Условия, в которых приходилось работать Суворову, были не легкие. Не было строительных материалов; он принужден был сам организовать выжиг извести, производство кирпича, даже постройку грузовых судов. Положиться было не на кого: всюду царили расхлябанность и безответственность. Как– то, заметив неисправность в порученном им деле, он стал выговаривать полковнику; тот свалил на своего помощника. «Оба вы не виноваты!» с гневом и горечью воскликнул Суворов и, схватив прут, стал хлестать себя по сапогам, приговаривая: «Не ленитесь! Если бы сами ходили по работам, все было бы исправно».

Но самому всюду поспеть было физически невозможно. Вдобавок посыпались неприятности другого рода. Санитарное состояние войск к моменту приезда Суворова было очень скверное. В сущности, оно было таким во всей армии; один очевидец писал, что на русский госпиталь можно было смотреть почти как на могилу: врачей было мало, почти все они были врачами только по названию и в довершение получали грошовую плату. В Финляндии дело обстояло особенно скверно, смертность была очень велика. Вместо того чтобы реорганизовать лечебную часть, Суворов повел дело с обычной экстравагантностью – он совсем закрыл госпитали, заменив их полковыми лазаретами и лечением по правилам домашней гигиены. Ему удалось добиться снижения смертности и заболеваемости, но эта мера дала повод его петербургским недругам осыпать его градом упреков. Возобновились обвинения в том, что он изнуряет людей. Упрекавшие не учитывали, что благодаря разумной организации работы и удовлетворительному питанию даже интенсивный труд не приносил вреда людям. Впрочем, Суворову охотно вменяли в вину все вообще недостатки тогдашнего военного устройства.

Болезненная впечатлительность Суворова не позволяла ему хладнокровно парировать эти упреки. Скоро он потерял душевное равновесие, посылал то угрожающие, то полные самооправданий письма, одному генералу даже пригрозил дуэлью.

* * *

Репнин разбил при Мачине турок; в декабре 1791 года был заключен, наконец, мир. Россия получила Очаков, вернув Турции все прочие завоевания; это было далеко от грандиозных замыслов авторов «греческого проекта», но еще в большей мере просчиталась Турция. Суворов с досадой следил за успехами Репнина. «Отвес списочного старшинства, – с тоскою писал он, – быть мне под его игом, быть кошкою каштанной обезьяны или совою в клетке; не лучше ли полное ничтожество?»

Репнин в самом деле плохо относился к Суворову. Но не его одного подозревал полководец. Иногда ему казалось, что его держат в Финляндии по проискам не то Салтыкова, не то Эльмпта, оскорбленного отказом в сватовстве к Наташе Суворовой, не то Кречетникова. «Кто же меня двуличит?» спрашивал полководец.

Чем больше раздражался Суворов, тем больше плодил он врагов. Когда началась война с Польшей (1792), он прямо обратился к Екатерине с требованием послать его туда; императрица холодно ответила, что «польские дела не требуют графа Суворова». Суворов стал поговаривать о намерении выйти в отставку либо отправиться волонтером в армию, сражавшуюся против якобинцев. Слухи об этом проникли в сановные сферы и дали лишний козырь в руки его врагов.

Затем он как будто успокоился. Окончилась польская война, его «бездействие» перестало казаться ему столь тягостным. Он усиленно занимался фортификацией[78] и незнакомым ему дотоле морским делом. Под его начальством состояла гребная флотилия из 125 судов с 850 орудиями. Суворов ведал морскими учениями и, чтобы изучить морское дело брал специальные уроки. Подучившись, он отправился на экзамен и блестяще сдал его, получив чин мичмана (в значительной мере это была, конечно, демонстрация для Петербурга).

Стремление добиться боевого назначения сменилось у него желанием перемещения – «в Камчатку, Мекку, Мадагаскар и Японь», более всего просился он в Херсон. Обстоятельства наконец-то помогли ему; отношения с Турцией снова обострились, и под влиянием этого в ноябре 1792 года последовал рескрипт: Суворов назначался командующим сухопутными силами Екатеринославщины, Крыма и вновь присоединенного Очаковского района. В письме от 7 января 1793 года Екатерина II рекомендовала Суворову поспешить мерами осторожности, «дабы естьли Порта,[79] паче чаяния, заведена

будет возмутителями французами в неприязненные против нас действия, везде встретила сильнейший отпор и уничтожение всяких покушений».

Суворов выехал на юг, исполненный больших надежд. Всякая перемена была для него желанна, тем более, что военные приготовления Турции сулили в перспективе боевую службу. Имя его было овеяно уже такой славой, что самый факт его прибытия на юг произвел в Европе огромное впечатление. В январе 1793 года русский резидент в Константинополе А. С. Хвостов писал Суворову: «Один слух о бытии вашем на границах сделал и облегчение мне в делах и великое у Порты впечатление: одно имя ваше есть сильное отражение всем внушениям, кои от стороны зломыслящих на преклонение Порты к враждованию нам делаются».

С помощью даровитого инженера Деволанта Суворов быстро привел в порядок крепостную систему. Но на его беду, едва он прибыл в Херсон, возобновились преследовавшие его неприятности.

Приступив к возведению крепостных построек, он заключил контракты с поставщиками и, не располагая денежными суммами для задатков, выдал векселя. Финансовое ведомство, однако, очень неаккуратно высылало деньги для оплаты векселей. Суворову было разъяснено, что политическое положение не требует спешности в работах и что нужно быть поэкономнее. Он тотчас вскипел; его теперешние обязанности не очень были ему по душе, но он хотел исполнять их добросовестно. «Политическое положение извольте спросить у вицеканцлера, а я его постигаю, как полевой офицер. Пропал бы год, если бы я чуть здесь медлил контрактами, без коих по состоянию страны обойтись не можно». Этот желчный тон вызвал, как обычно, плохие результаты. Особым рескриптом ему повелевалось заключать контракты только через казенную палату, а ранее заключенные объявлялись расторгнутыми.

Суворов был поражен. «Боже мой, в каких я подлостях; и кн. Григорий Александрович никогда так меня не унижал». Вдобавок ему приходилось возместить подрядчикам уже произведенные ими расходы на сумму около 100 тысяч рублей. Он вынужден был занять у некоего Красноглазова 100.000 руб., а затем, не видя иного выхода, распорядился продать свои имения, но тут уже Екатерина сочла, что дело зашло, чересчур далеко, и приказала отпустить из казны требовавшуюся сумму.

После всего этого Суворов стал относиться к своей работе с отвращением. Ничего, кроме новых злоключений, не ждал он от нее. Переписка его полна выражений неудовольствия: «Бога ради,

избавьте меня от крепостей, лучше бы я грамоте не знал», «Малые мои таланты зарыты», «Известны мне многие придворные изгибы, коими ловят сома в вершу, но и там его благовидностями услаждают, а меня обратили в подрядчика» и т. п.[80]

По отзыву окружающих, Суворов никогда не был так сварлив и желчен, как в это время. Бывали, впрочем, проблески: иногда он устраивал катанья с гор, прогулки, танцы, причем сам плясал по три часа кряду. Но это было кратковременно и снова сменялось угрюмой раздражительностью.

– Я буду говорить всегда, – повторял он: – кто хорош на первой роли, никуда не годен на второй.

Летом 1793 года он послал государыне просьбу уволить его волонтером к союзным армиям, сражавшимся против Франции; там он видел желанный простор для боевой работы, там было с кем померяться силами. Слухи об успехах французских армий волновали его, напрягли, по его выражению, все военные жилы.

Ходатайство его, конечно, не было удовлетворено. Но он не оставлял мысли о волонтерстве, чтобы «там какою чесною смертью свой стыд закрыть». В ноябре того же 1793 года он пишет Хвостову: «Подвижность моя за границу та же, и коли препона, то одна Наташа» (его дочь).

Через год он повторил свою просьбу. «Всеподданнейше прошу всемилостивейше уволить меня волонтером к союзным войскам, как я много лет без практики по моему званию». В этом прошении заключался глухой протест против того, что его не используют в начавшейся борьбе с поляками. Екатерина снова отказала, подав, однако, надежду на скорую «военную практику». Он не поверил, но в этот раз обещания сбылись.

* * *

Первый раздел Польши, состоявшийся в 1772 году, явился для нее грозным предостережением. Польские паны и шляхта начали лихорадочно искать путей к сохранению государства. Началась полоса реформ – создание сети учебных заведений, реорганизация армии, некоторое облегчение участи крестьян. В 1788 году, когда у самого сильного соседа Польши – России – руки оказались связанными турецкой войной, польский сейм приступил к выработке новой конституции. Три года не прерывал сейм своей деятельности; в мае 1791 года была принята новая конституция. Горожане получили представительство в польском

сейме; одновременно был установлен принцип наследования престола. Реформы несколько расширяли социальную базу высшего законодательного органа страны и устраняли междоусобные споры, возникавшие всякий раз при выборах нового короля. Однако основная слабость общественного строя Польши не была изжита, освобождение крестьян не последовало, классовые и национальные отношения не подверглись радикальным изменениям. В среде польских магнатов возникла резкая оппозиция даже к тем реформам, которые были проведены; между тем для сохранения целостности Польши нужны были не робкие паллиативы, а широкая система социально-экономических мероприятий, которые позволили бы правительству хоть в какой-то степени опереться на сочувствие масс.

«Только демократическая Польша, – писал Маркс, – могла быть независимой […] польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных».[81]

Нужно было преодолеть ограниченность и продажность панов, препятствовавших созданию сильного централизованного государства и развитию промышленности, нужно было смягчить страдания изнывавших под панским игом народных масс. Но в Польше не было такой силы, которая могла бы осуществить эти коренные реформы; королевство продолжало жить, раздираемое внутренними противоречиями и неурядицами, усугубившимися еще более в связи с крайне осложнившейся международной обстановкой.

Новая конституция и вся серия мероприятий, имевших целью укрепление Польского государства, явно были направлены к ослаблению влияния Россия, все более откровенно распоряжавшейся в Польше. Кроме того, все резче сказывалось воздействие французской революции, пробуждавшей к активности и Польшу. Все это вызывало неудовольствие и даже тревогу Екатерины.

Тяжелая война с Турцией не была популярна в России. Крестьянство, обессиленное после подавления Пугачевского восстания, глухо бурлило. Дворяне хранили еще в памяти картины восстания и не чувствовали себя вполне надежно в наступившем успокоении…

Военные действия против Польши вытекали и из международной обстановки. Принятая в 1791 году польским сеймом конституция, ограничивавшая права шляхты в пользу городской буржуазии, носила явные следы идей французской

буржуазной революции. Царская Россия, не принимавшая непосредственного участия в войне с революционной Францией, взяла на себя задачу подавления «якобинских идей» в Польше. Притом царское правительство рассчитывало, конечно, на некоторые территориальные приобретения в Польше.

Как только окончилась вторая турецкая война, Екатерина двинула в Польшу русские корпуса. 18 мая 1792 года русские войска перешли польскую границу. Поляки пытались сопротивляться, но, разбитые под Зеленцами и под Дубенками, вынуждены были капитулировать. Русские войска снова заняли Варшаву, обеспечив восстановление русского влияния во всех польских делах.

Но с этим не могла примириться Пруссия; она предложила новый раздел Польши. Дело было быстро слажено. На «немом заседании» сейма в 1793 году безмолвствовавшими депутатами было «утверждено» новое отторжение польских земель: Пруссия получила Торунь, Гданск, в общем свыше тысячи квадратных миль с полуторамиллионным населением; Россия – остававшиеся еще за Польшей украинские и белорусские области: Киевскую, Минскую, Волынскую губернии, 4 тысячи квадратных миль с трехмиллионным населением. Вместе с тем было решено уменьшить численность польской армии с 55 до 15 тысяч человек и для поддержания порядка разместить в Польше и Литве 18 тысяч русских солдат.

Второй раздел Польши не прошел так гладко, как первый. Как бы малы ни были реформы истекших двадцати лет в Польше, – и они не прошли даром: в стране обозначился бурный рост национально-освободительного движения. Вовлеченные в него широкие народные массы объединились в протесте против хозяйничанья иностранцев.

Началась организация восстания. Во главе восстания стали бывший президент Сейма Малаховский, племянник короля Иосиф Понятовский, Домбровский, Игнатий Потоцкий. Военное руководство отдали незнатному шляхтичу Тадеушу Косцюшке. Человек выдающихся военных дарований и большой отваги, Косцюшко дрался прежде в армии Вашингтона, а затем отличился в битвах с русскими в 1792 году. Перед своими предшественниками Пулавскими он имел то преимущество, что более правильно расценивал роль социального момента. Понимая необходимость концентрации всех народных сил, он выпустил воззвание к крестьянам с призывом о помощи. Однако и Косцюшко опирался главным образом на шляхетство. Он обещал крестьянству свободу от крепостной зависимости, но обусловил ее предварительной уплатой помещику всех долгов, и к тому же

оставлял в силе панщину (бесплатную работу на помещика). Поэтому польское крестьянство вскоре отошло от восстания, что и послужило одной из причин его поражения.

Но на первых порах много польских крестьян, изнемогавших под панским ярмом, хлынуло к Косцюшке. Он умело организовал их, создал сильную конницу и многочисленную артиллерию. Уже не разрозненные отряды времен Барской конфедерации, а как бы выросшая из-под земли сильная армия выступила против войск России и Пруссии. Восстание разразилось в начале 1794 года. Размещенный в Варшаве русский отряд был захвачен врасплох и вырезан, причем погибло до 4 тысяч человек. Тотчас же 60 тысяч русских солдат под начальством Репнина были двинуты в Польшу. К ним присоединились 35 тысяч пруссаков.

Косцюшко выставил около 90 тысяч человек хорошо организованного войска, не считая пятидесятитысячного крестьянского ополчения. Первый период кампании не дал успеха ни одной из сторон. Несмотря на все преимущества регулярных армий, Россия и Пруссия не могли справиться с поляками, «Война ничего не значащая становится хитрою и предерзкою, – писал один из начальников русской армии, Салтыков. – Повсюду мы бьем и гоняем (поляков. – *К. О.),* а из этого ничего не выходит». Приближалась осень; казалось, предстояло зимнее затишье, во время которого поляки успели бы укрепиться и усилить свои войскаА это тревожило екатерининское правительство не столько с военной точки зрения, сколько с внутриполитической. Правительство опасалось, как бы русские крепостные крестьяне не начали волноваться. «Кажется, главное достигнуто, – писал канцлер А. А. Безбородко через несколько месяцев после возникновения польской войны, – что не вспыхнул бунт в губерниях наших». Затяжная война с Польшей потому и тревожила дворянство, что могла способствовать «бунту». Командовавший войсками на Волыни П. А. Румянцев получил от Екатерины предписание оказать «энергичное содействие» Репнину. Румянцев решил привлечь к участию в боевых действиях Суворова.

Однако в первое время Румянцев не вызывал Суворова, если не считать незначительного поручения обезоружить волновавшиеся польские части, включенные в 1793 году в состав русской армии. Ему было известно, что в Петербурге к Суворову относятся неприязненно, что Екатерина находится еще под влиянием потемкинских отзывов о нем. Но вместе с тем он лучше, чем кто-нибудь другой, понимал, какую мощную силу представляет собою этот неуживчивый старый полководец. Решив любой ценой добиться успеха в Польше, Румянцев по собственной

инициативе, без сношений с кабинетом, послал в августе Суворову предписание выступить на театр военных действий.

На первых порах Румянцев указал Суворову незначительную и чисто демонстративную задачу: напасть на поляков в брестском направлении, чтобы облегчить ведение операции на главном театре. «Надлежит сделать сильный отворот со стороны Бреста», предписывал он, втайне надеясь, впрочем, что Суворов сумеет взять Люблин. Но вряд ли кто-нибудь сомневался в том, что Суворов разобьет эти рамки.

– Он ни в чем общему порядку не следует, – заявил Салтыков Репнину. – Приучил всех так думать о себе, ему то и терпят.

Канцлер Безбородко, лучше многих других оценивавший дарование Суворова, писал в сентябре Воронцову: «Я не считаю за большую потерю отступление от Варшавы; ибо содействие отряженного от фельдмаршала корпуса графа Суворова-Рымникского может довести к концу усмирение Польши, и, конечно, Варшава им взята будет, хотя бы и зимою».

Сам Суворов меньше всего был склонен ограничиться предложенной ему третьестепенной ролью. Он выехал с твердым намерением расширить пределы своих операций, привлечь к себе другие, более крупные отряды, – словом, начать снова почти уже законченную кампанию и потянуть за собой к Варшаве все ближайшие силы русской армии.

14 августа Суворов во главе пятитысячного отряда выступил в Польшу. Он вел войска с обычной стремительностью – по 25–30 верст в каждый переход. Это в три раза превосходило нормы XVIII столетия. Кто-то назвал его движение форсированным маршем. Суворов пришел в негодование:

– У меня нет медленных и быстрых маршей. Вперед! И орлы полетели!

Еще когда он издали следил за развертывавшейся в Польше борьбой, он словно невзначай обронил, что он бы там «в сорок дней кончил». Теперь он хотел осуществить это заявление. Войскам было приказано не брать зимнего платья, кроме плащей; сам он оделся в белый китель.

Не все солдаты могли выдержать стремительность похода. Многие выходили из рядов и валились в изнеможении на землю; таких подбирали следовавшие в арьергарде повозки. Суворов всячески ободрял войска; он беспрестанно объезжал части, беседовал с солдатами, давал им ласковые клички: Орел, Сокол, Огонь. Случалось, что он проезжал мимо какой– либо части не останавливаясь; это служило признаком неудовольствия и страшно волновало всех солдат и офицеров этой части.

3 сентября у местечка Дивин произошло первое столкновение

с поляками; русские войска уничтожили здесь 300 польских всадников. Через три дня при монастыре Крупчицы был разбит авангард шестнадцатитысячного польского корпуса Сераковского, а 8 сентября подверглись разгрому главные силы этого корпуса и был занят Брест.

Поставленная перед Суворовым задача была тем самым блестяще выполнена. Дальнейшие действия ему приходилось предпринимать в порядке «личной инициативы», и это создало немало затруднений.

Отряд Суворова возрос к этому времени до 10–12 тысяч человек. Командуя в турецкую войну гораздо более крупными силами, Суворов никогда не устраивал себе обстановки главнокомандующего, но теперь он назвал себя главнокомандующим, завел дежурного генерала, назначил начальником отряда генерала П. Потемкина, а командирами отдельных родов оружия – Буксгевдена, Исленьева и Шевича, – словом, всячески желал подчеркнуть свое независимое положение. Однако соседние генералы не признавали его. Когда он захотел усилиться некоторыми частями, чтобы начать немедленный поход на Варшаву, ему никто не подчинился впредь до получения согласия от Репнина. Пришлось отложить поход. «Близ трех недель я недвижим и можно сказать здесь, что Магарбал Ганнибалу: „Ты умеешь побеждать, но не пользоваться победой“.[82] Канна и Бржесць подобие имеют. Время упущено. Приближаются винтер-квартиры».[83]

Но в конце концов он добился своего: в Петербурге прослышали про успешные действия Суворова и хотя с неохотой приказали генералам Репнину, Дерфельдену и Ферзену «подкреплять и всевещно содействовать» ему. Расчет был прост: если сумеет разбить поляков – отлично, не сумеет – с него все спросится. «Сообщество Ваше с Суворовым, – написал президент военной коллегии Салтыков Репнину, – я весьма понимаю, сколь оно неприятно быть может; все же, скрепя сердце, приказал отрядить войска Суворову».

Тем временем поляков постигла новая большая неудача: в бою под Мацейовицами 29 сентября войска Ферзена нанесла им поражение. Косцюшко был ранен и взят в плен. Успех ма–цейовицкого сражения обеспечивал левый фланг Суворова, прикрыть который он ранее не мог ввиду недостатка сил. Теперь ничто не задерживало его. 7 октября он выступил к Варшаве, предписав именем императрицы Ферзену и Дерфельдену двигаться туда же. Но, опасаясь «томности[84] действий» Дерфельдена, он направился кружным путем на Бельск, чтобы облегчить Дерфельдену присоединение.

Суворов внушал войскам убеждение в решительном их превосходстве над противником. Случилось, что в одной битве, когда у русского авангарда не было артиллерии, какой-то офицер доложил Суворову: «У неприятеля есть орудия». – «У него есть орудия? – переспросил полководец. – Да возьмите их у него и бейте его ими же».

Подходя к городу Кобылке, он встретил упорное сопротивление поляков. Бой велся в густом лесу. Не дожидаясь, пока подтянется пехота, Суворов лично повел в атаку кавалерию; когда кони не смогли долее пробиваться сквозь заросли кустов и деревьев, он велел кавалеристам спешиться и ударить в палаши. Эта необыкновенная атака пеших кавалеристов – «чего и я никогда не видел», писал Суворов впоследствии, – увенчалась полным успехом.

Через несколько дней после Кобылки к войскам Суворова подошли части Дерфельдена. У него было теперь до 30 тысяч человек (в том числе 12 тысяч конницы). С этими силами предстояло взять последнее препятствие на пути к Варшаве – укрепленное предместье ее, Прагу.

Два параллельных бруствера в 14 футов вышиной и два глубоких рва окружали Прагу. Перед укреплениями шли засеки и тройной ряд волчьих ям. При умелой защите это была очень сильная крепость. Но этой-то защиты и не было. В Варшаве царили смятение, борьба партий, еще более – борьба самолюбий. Преемник Косцюшки, Вавржецкий, оказался бездарным и безвольным командующим. Собранные в Праге 20 тысяч поляков, введенные в заблуждение предпринятыми по приказанию Суворова демонстративными приготовлениям» к осаде, пассивно наблюдали действия Суворова, ни в чем не препятствуя ему.[85] У защитников Праги были энтузиазм, готовность умереть, но не было ни ясного плана действий, ни навыка в обороне крепостей.

Утром 24 октября, спустя пять дней после появления у стен Праги, русские войска двинулись на штурм.

Диспозиция[86] этого штурма может соперничать по стройности и глубине замысла с измаильской; во многих отношениях обе диспозиции сходны. Наступление велось семью колоннами. Четыре из них направлялись на северную часть Праги; они начали атаку первыми, чтобы оттянуть сюда войска с других фронтов. Через полчаса после них начиналась атака восточной и южной сторон. Порядок движения войск был тот же, что под Измаилом: впереди – егеря, саперы и команды с шанцевым инструментом, за ними – штурмующие части с особым резервом при каждой колонне.

В 5 часов утра, по сигнальной ракете, двинулась первая волна

В 9 часов утра русские войска со всех сторон ворвались в Прагу. Начались уличные бои. Толпы солдат устремились к мосту. Собравшаяся на варшавском берегу кучка поляков, обстреливавшая мост, не могла и думать о том, чтобы удержать этот поток. Но в этот момент мост неожиданно запылал с пражской стороны. Сообщение было прервано; Варшава была спасена от ужасов уличного боя.

Приказ о приведении в негодность моста был отдан Суворовым. По донесениям командиров он мог судить, что поляки нигде не выдерживают натиска, что русские войска сражаются с особой энергией, но вместе с тем и с особенным ожесточением. Для него было ясно, что если разъяренные солдаты сейчас ворвутся в Варшаву, там разыграются страшные сцены. Поэтому он прибег к самому радикальному средству, которое не сумели осуществить растерявшиеся поляки, – приказал артиллерии бить по мосту и разрушить часть его. В военной истории можно найти мало примеров подобной гуманности: в разгар боя полководец заботился о неприятельской столице больше, чем собственные ее правители.

В Варшаве царил ужас. Магистрат спешно отправлял в русский лагерь депутатов для переговоров о сдаче города. Никто не помышлял о сопротивлении.

Король Станислав-Август прислал Суворову письмо: «Господин генерал и главнокомандующий войсками императрицы всероссийской! Магистрат города Варшавы просил моего посредства между ним и вами, дабы узнать намерения ваши в рассуждении сей столицы. Я должен уведомить вас, что все жители готовы защищаться до последней капли крови, если вы не обнадежите их в рассуждении их жизни и имущества, Я ожидаю вашего ответа и молю бога, чтобы о „принял вас в святое свое покровительство“.

Тревога поляков была напрасна. Суворов достиг своей цели – менее чем в полтора месяца он решил кампанию. В отличие от измаильского штурма пражский означал немедленный конец войны – моральные и материальные силы Польши были сломлены. Теперь Суворов, верный своему обыкновению, полагал самым разумным вести успокоительную, умеренную политику. Он не желал ни новых жертв, ни контрибуций, ни унижений противника. Суворов ответил польскому королю следующим письмом:

«Государь! Я получил письмо от 4 ноября, которым Ваше Величество меня почтили. Именем ее императорского величества… я обещаю Вам сохранить имущества и личности всех граждан, также как забвение всего прошлого, и при входе войск

ее императорского величества не допустить ни малейших эксцессов».

Продиктованные им тотчас же условия капитуляции сводились к немедленной сдаче поляками всего оружия и к исправлению моста, по которому русские войска вступят в город. Со своей стороны, он именем императрицы гарантировал полную амнистию всем сдавшимся, неприкосновенность жизни и имущества обывателей и воздание почестей королю. «…и все забвению предано будет», – заканчивались предъявленные Суворовым пункты капитуляции. Депутаты были так поражены этими условиями, что многие из них заплакали, когда Суворов лично вышел к ним и, заметив их нерешительность, бросил на землю саблю и со словами: «Покой! Покой!»[87] пошел к ним навстречу.

Варшавяне выразили свою признательность Суворову, преподнеся ему через месяц золотую эмалированную табакерку с надписью: «Варшава – своему избавителю». Это была дань Суворову за его личную гуманность.

Из взятых в плен 11 тысяч человек больше половины было отпущено по домам. Потери русских достигали двух тысяч.

Когда поляки выражали Суворову признательность за мягкое, справедливое управление, еще больше оттененное разгулом пруссаков и австрийцев в занятых ими областях, он ответил им стихами Ломоносова:

Великодушный лев злодея низвергает,
А хищный волк его лежащего терзает.

Ничто не возмущало Суворова больше, чем обвинения в жестокости.

– Только трусы жестокосердны, – говорил он. Суворов гордился тем, что на своем веку не подписал ни одного смертного приговора. Исключительным было также его отношение к военнопленным, о которых он всегда заботился и часто освобождал под честное слово.

Блистательная польская кампания заставила умолкнуть всех недругов полководца, и в Петербурге снова сделали о нем «авантажное заключение».

Екатерина прислала ему фельдмаршальский жезл, алмазный бант на шляпу и подарила из захваченных польских земель огромное имение «Кобринский ключ» с 7 тысячами душ мужского пола.

Прусский король прислал ордена Красного орла и Большого Черного орла; австрийский император – свой портрет, усыпанный

бриллиантами. Когда Суворову вручили фельдмаршальский жезл, он расставил несколько стульев и начал прыгать через них, приговаривая:

– Репнина обошел… Салтыкова обошел… Прозоровского обошел… – перечисляя генерал-аншефов, бывших старше его чинами, а теперь обязанных сноситься с ним рапортами. В то время в России было только два фельдмаршала: К. Г. Разумовский и Румянцев.

Впрочем, скоро в бочке меда он ощутил обычную ложку дегтя: другие, чье участие в войне было ничтожным, оказались награжденными еще более щедро. Платон Зубов получил из польских земель владение в 13 тысяч душ.

– Щедро меня в Платоне Зубове наградили, – иронизировал Суворов.

Награда, которую получил Суворов, вызвала взрывы зависти среди царедворцев. В то время как широкие слои населения приветствовали производство Суворова в фельдмаршалы, многие генералы открыто выражали свое недовольство, а князь Долгоруков и граф И. П. Салтыков даже просили увольнения от службы.

Впрочем, существовало одно обстоятельство, ограничивавшее происки врагов Суворова. Доведенный до крайности, старый полководец начинал разговаривать со своими недоброжелателями на языке, который меньше всего им нравился. Когда в 1795 году Суворову передали о какой-то особенно злостной выходке против него Зубовых, он послал своего начальника штаба, Ивашева, передать Зубовым, что «для него и собственная пуля не страшнее неприятельской». Перспектива дуэли напугала Зубовых, и они рассыпались в извинениях.

Но зависть придворных была лишь предвестием ожидавших Суворова невзгод.

Захват Варшавы произошел так внезапно для Петербурга, что оттуда не успели снабдить победителя инструкциями о дальнейшем образе действий. Суворов никак не предполагал, что европейские державы предрешили окончательный раздел Польши. Напротив, он принял все меры к укреплению авторитета польского короля и к установлению дружелюбных отношений с польским населением (в частности, королю было оставлено 1 000 человек гвардии).

При вступлении в Варшаву Суворов отдал необычайный приказ: если раздадутся выстрелы из домов, чтобы на них не отвечали. Однако все прошло гладко; вооруженных выступлений не было. Приняв от магистрата городские ключи, Суворов

выразил радость, что приобрел их не такой дорогой ценой, как ключи Праги.

На следующий день состоялось свидание со Станиславом–Августом. Суворов надел, против обыкновения, полную парадную форму со всеми орденами и в сопровождении кавалерийского эскорта отправился во дворец. Встреча носила очень дружелюбный характер. Суворов продолжал свою тактику уступок и снисхождений. Когда король попросил его освободить пленного офицера, служившего прежде в свите, Суворов с готовностью ответил:

– Если угодно, я освобожу вам их сотню, – подумавши: – две сотни, триста, четыреста, так и быть – пятьсот.

Тотчас был отправлен курьер, отобравший из числа пленных 300 офицеров и 200 унтер-офицеров. Этот жест произвел сильное впечатление на поляков и многих из них расположил к Суворову.

Дальнейшее поведение фельдмаршала было подстать этому.

Он старался не задевать национальные чувства полякоз, вообще держал себя так, словно он вовсе не был полновластным победителем. Он посещал балы панов и магнатов, которые быстро утешились при мысли, что сохранили свои поместья. Встречали его очень пышно и торжественно, а он, как обычно в таких случаях, выражал свое презрение к напыщенности забавными выходками. Но это не нарушало его дружелюбных отношений с поляками. Он провел целый ряд весьма благожелательных для Польши мероприятий. Чтобы поднять курс польских денег, он велел уничтожить ставшие военной добычей кредитные билеты на сумму 768 тысяч злотых; он запретил сбор продовольствия для нужд армии под квитанции, а приказал расплачиваться наличными; строгими мерами поддерживал в войсках дисциплину, пресекал мародерство, охранял памятники культуры.

Все это совершенно не походило на систему ведения войны того времени. В этой области Суворов был на голову выше своего века.

– Благомудрое великодушие, – говорил он, – часто полезнее, нежели стремглавный военный меч.

В этих словах выражалась его программа действий в побежденной стране.

В декабре 1794 года Суворов писал Румянцеву из Варшавы: «Все предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцев не любят, нас обожают».

Деятельность Суворова в побежденной им Польше свидетельствует о том, что, помимо военной гениальности, он обладал крупным дарованием политического деятеля. Его методы

управления в Польше – методы умного и вместе с тем гуманного правителя. Недаром комендант Варшавы Орловский писал пленному Косцюшке: «Остается утешиться тем великодушием и мягкостью, с которыми победитель относится, насколько может, к побежденным». Суворов не унизил побежденную страну и потому быстро вел ее по пути умиротворения. Но образ действий Суворова шел вразрез с программой прусского, австрийского и русского правительств. Из Петербурга были присланы два распоряжения, осветившие, наконец, Суворову истинные намерения союзных правительств: предписывались контрибуции, конфискации, аресты, применение оружия при малейшем протесте, упразднение варшавского магистрата и многое другое.

Для Суворова наступили тяжелые дни. Он никогда не был годен для пассивного исполнения чужих приказаний, в особенности если не считал их правильными. Но открытое неповиновение было невозможно и бесцельно. Идя на сделки со своей совестью, он избрал промежуточную линию частных уступок петербургским требованиям, сохраняя незыблемыми общие контуры своей политики. Магистрат он не распустил; о контрибуциях донес, что они неосуществимы вследствие оскудения страны; оказывал жителям разные мелкие поблажки, неоднократно хлопоча в этих целях перед Екатериной. Те строгости, которые ему приходилось все же употреблять, он открыто объяснял вмешательством Петербурга.

Когда ему пришлось сообщить одной депутации о невозможности удовлетворить ее ходатайство, он вместо объяснения причин стал посреди приемной и, прыгнув как можно выше, сказал:

– Императрица вот какая большая!

Затем он присел на корточки:

– А Суворов вот какой маленький!

Депутаты поняли и удалились.

В Петербурге с досадой смотрели на деятельность слишком самостоятельного фельдмаршала. Румянцев подсчитывал, сколько офицеров было освобождено Суворовым из плена: 18 генералов, 829 штаб-и обер-офицеров и, кроме того, все взятые во время штурма Праги. Один из государственных людей, Трощинский, писал: «Правду сказать, граф Суворов великие оказал услуги взятием Варшавы и истреблением всего мятежнического ополчения, но зато уже несносно досаждает несообразными своими там распоряжениями. Всех генерально поляков, не исключая и главных бунтовщиков… отпускает свободно в их домы, давая открытые листы… Вопреки сему посланы к нему прямо повеления; но покуда он их получит, много наделает

вздору».

Однако не все придерживались такого взгляда на действия Суворова. Находились и более проницательные. П. В. Завадовский[88] сообщал: «Нарекали на Суворова, что он все предал забвению и всех простил, а он говорит, что у поляков ничего не осталось: взяты пожитки, вся артиллерия, без изъятия все вооружения, а вместо того дано им 24 000 пашпортов. Острый и значущий ответ».

Короче говоря, Суворов проявил себя гораздо более дальновидным и умелым политиком, чем екатерининские дипломаты.

События шли своим чередом. С Пруссией в конце концов удалось договориться, и в 1795 году состоялся третий раздел Польши. Австрия получила 1 000 квадратных миль с населением в 1 300 тысяч человек; Пруссия – 680 квадратных миль (в том числе Варшаву) и 1 миллион человек населения; Россия – 2 730 квадратных миль с населением в 1 900 тысяч человек. Вассал Польши герцог Курляндский отрекся от герцогства в пользу России. Польша как самостоятельное государство исчезла с политической карты Европы.

В октябре 1795 года Суворов получил милостивый рескрипт, отзывавший его в Петербург. Он был встречен с небывалым почетом. В Стрельну была выслана для него дворцовая карета. Ему отвели для жительства Таврический дворец с целым штатом придворных. Зная его нелюбовь к зеркалам, императрица распорядилась всюду их завесить.

Но все эти любезности не могли скрыть глубокой трещины, столь резко проявившейся в течение последнего года. Тридцать три года сидит на престоле Екатерина. Впервые за все это время созрела почва для прочного примирения ее со строптивым фельдмаршалом: она не может не оценить его услуг, как не может не считаться с популярностью его в армии и в Западной Европе. Она дает ему высокий чин вопреки шипению придворных (характерно, что свое решение о присвоении Суворову фельдмаршальского звания Екатерина держала до последнего момента в секрете, «во избежание интриг, искательства, клеветы и всяких иных докук»). Самый влиятельный недруг полководца – Потемкин – сошел в могилу. Ничто не мешает, повидимому, укреплению отношений императрицы с ее лучшим военачальником. Но тут-то и обнаруживается органическая невозможность этого. Суворов по-иному мыслит, он не может попасть в тон екатерининского двора, Главное, он этого не хочет. Это не Потемкин и не Репнин, Поэтому когда проходит нужда в его поразительном таланте, в его страшном мече, лучше всего

упрятать его куда-нибудь подальше. Так было всегда, так случилось и на этот раз.

Суворов отлично уяснил себе и ненадежность благосклонности государыни и затаенную неприязнь царедворцев и генералов. Но он вернулся из Польши в сознании своего значения. Теперь он решительнее, чем когда бы то ни было, выражал свой протест против придворных порядков. Но попрежне– му протест этот облекался им в причудливую форму. Перед Екатериной старик бросался на колени, целовал ее платье, а потом с невинным видом критиковал и осуждал петербургские порядки, вкладывая персты в язвы. Императрица подарила ему соболью шубу, не хуже, чем у самого богатого из придворных; он заявил, что она чересчур хороша для него, ездил в старом плаще, а слуга Прошка бережно возил за ним шубу. Недаром Растопчин писал, что не знают, как отделаться от Суворова, от «плоских гауток» которого государыня поминутно краснеет.

Отношение свое к вельможам Суворов высказывал еще откровеннее: принимал их в нижнем белье; иногда вовсе не принимал, выскакивая на улицу, когда они подъезжали, и присаживаясь на несколько минут в их кареты; издевался над их чинопочитанием, напыщенностью и необразованностью. Как– то Суворову сообщили, что один офицер сошел с ума. Он принялся горячо возражать и спорил до тех пор, пока выяснилось, что он имеет в виду другого офицера.

– Хорошо, что так, – промолвил он с облегчением, – а не то я спорил бы до утра, потому что офицер, о котором я говорю, не имеет того, что сей потерял.

Екатерина хотела сплавить злоязычного фельдмаршала на персидскую границу, где предполагалась война, но Суворова не. прельщала персидская экспедиция, тем более, что шли толки о войне с Францией. Он считал нецелесообразным оказаться в столь острый момент за тридевять земель, но, впрочем, подчеркивал, что дальность похода его отнюдь не смущает. «В Финляндии был я за куликами, – писал он Зубову в ноябре 1795 года, – потом в Херсоне пугалом Турков. В сем интервале Россия пострадала. Чтоб не случилось, того между Персии и Туреции. Тамерланов же поход мне не важен, хоть до Пекина».

Его послали в Финляндию осмотреть построенные в 1792 году укрепления. Он выполнил поручение в две недели. Тогда его назначили командующим одной из южных армий (две другие армии находились под начальством Румянцева и Репнина), В состав этой армии входили войска, собранные в Харьковской и Екатеринославской губерниях, в Таврической области и в некоторых других южных районах.

Весною 1796 года Суворов выехал в город Тульчин на Днестре, где решил устроить свою штаб-квартиру. Прощание с императрицей было преисполнено взаимных любезностей, но когда оно закончилось, оба вздохнули с облегчением.

X. Конфликт с Павлом I

Первые месяцы в Тульчине протекли безмятежно. Суворов гордился тем, что командует крупнейшей в России армией; дальновидный политик, он в перспективе видел войну с Францией, разгромившей крупнейших западноевропейских полководцев. В донесении об осмотре войск он писал: «Кармань–ольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг на Вислу… Всемилостивейшая государыня, я готов с победоносными войсками их предварить».

В России в самом деле начались приготовления к войне с Францией. Назначено было, какие войска пойдут в поход,[89] приказано было их укомплектовать. Командующего не назначили, но все называли Суворова. К нему посыпались просьбы, от желавших участвовать в кампании. Он и сам считал этот вопрос решенным и деятельно вел приготовления к новой войне. Вызвав провиантмейстера, полковника Дьякова, он приказал привести в исправное состояние все магазины и склады, пригрозив в противном случае повесить его.

– Ты знаешь, друг мой, – пояснил он, – что я тебя люблю и слово свое сдержу.

По мнению Суворова, войну с Францией следовало начать поскорее, так как с каждым годом французы укрепляют свое положение. В письме Хвостову от 29 августа 1796 года Суворов писал: «Турецкая ваша война… Нет! А приняться надо за корень бить французов. От них она родитца. Когда они будут в Польше, тогда они будут тысяч 200–300; Варшавою дали хлыст в руки прусскому королю – у него тысяч 100. Сочтите турок (благодать божия с Швециею). России выходит иметь до полумиллиона. Ныне же, когда французов искать в немецкой земле, надобно на все сии войны только половину сего».

30 сентября он пишет тому же Хвостову: «Благоразумно нельзя ждать прекращения французских успехов, и ежели с нашей стороны влажность продолжится, то с нового года ваши 50 тысяч будет надлежать уже почти удвоить и так далее».

В ожидании похода Суворов занимался обучением войск, отдаваясь этому делу с былым увлечением. За несколько месяцев армия преобразилась.

Снова, как некогда в Новой Ладоге, Суворов, хотя теперь уже не полковник, а фельдмаршал, занимался чуть ли не с каждым солдатом.

– Всякий солдат к тому должен быть приведен, чтобы сказать ему можно было: теперь знать тебе больше ничем не остается,

только, бы выученного не забывал, – таков лозунг Суворова в деле воспитания солдат.

По-прежнему он обращал главное внимание на то, чтобы выработать в войсках сноровку, инициативность и храбрость.

С неослабевающей строгостью преследовалось «немогузнайство». И здесь за кажущейся странностью таилась глубокая мысль: приучить солдат к самостоятельному мышлению. С этой точки зрения любой ответ был хорош, лишь бы в нем проявлялась находчивость и инициативность солдата. Преследуя «немогузнайство», Суворов искоренил растерянность и страх перед лицом неожиданностей.

– Как далеко до месяца?

– Два солдатских перехода.

Фельдмаршал улыбается и ласково треплет сообразительного гренадера.

– Сколько звезд на небе?

– Сейчас сочту. – Солдат считает до тех пор, пока иззябший фельдмаршал не убегает прочь.

Преследуя «немогузнайство», Суворов искоренял растерянность, ненаходчивость и страх перед лицом неожиданностей.

Много внимания уделял Суворов искоренению взяточничества, повсеместно процветавшего в армии. В одном письме к А. Р. Воронцову, содержавшем столичные новости, находим такие строки: «Граф А. В. Суворов донес рапортом, что он нашел в своей армии, что генералы почти все откупщики или поставщики…». Здесь как и всюду, Суворов повел решительную борьбу с воровством и взяточничеством, в результате которых солдаты ходили голодные и оборванные.

Развивая мысль, высказанную еще Петром I (учить «яко и в самом делу») Суворов всемерно старался придать всякому учению характер подлинного боя.

Войска делились обычно на две части. Обе стороны строились развернутым фронтом, одновременно начинали движение вперед и, сблизившись на сотню шагов, бросались по команде в атаку – пехота бегом, кавалерия галопом. Пехота держала ружья наперевес и только в момент встречи с «противником» поднимала штыки вверх. Главным условием при этом было безостановочное, стремительное движение; если перед встречей происходила задержка, учение начиналось сызнова. Перед самым столкновением солдаты делали полуоборот направо, что позволяло участникам обеих сторон протискиваться сквозь ряды. Нередко, особенно если в маневрах участвовала конница, возникала настоящая свалка, кончавшаяся увечьем нескольких

человек. В этих случаях Суворов всегда проявлял беспокойство, но не изменял своего метода, который он считал исключительно полезным. Маневры происходили при непрестанной ружейной и артиллерийской стрельбе (холостыми зарядами), так что атакующие бывали густо окутаны облаками порохового дыма.

Сам Суворов во время учений вертелся вьюном, отдавал распоряжения, передвигал части, хвалил и бранил (но никогда не арестовывал). Заметив однажды офицера, скакавшего позади своей атакующей роты, фельдмаршал рассвирепел и отдал приказ немедленно «убить» его; офицер опрометью понесся вперед.

О том, как старался Суворов создать на маневрах атмосферу подлинного боя, свидетельствует такой забавный эпизод. В 1791 году во время учения одна колонна попала в трудное положение. Суворов, видя, что резерв не идет ей на помощь, прискакал в резервную колонну.

– Отчего вы не сикурсируете?[90] – обратился он к офицеру.

– Жду повеления от генерала, коему я подчинен.

– Какого генерала? – закричал Суворов и, указывая на находившегося поблизости генерала, с тревогой следившего за ними, добавил: – Ведь генерал давно убит. Посмотри: вон и лошадь бегает.

Присутствие Суворова на маневрах воодушевляло солдат. Все бывали охвачены лихорадкой быстроты и энергии.

Артиллеристы выбивались из сил, чтобы не отставать от пехоты, пехота торопилась за кавалерией. И над всем этим царил образ худого старика в холщовой рубашке, носившегося по равнине и выкрикивавшего:

– Стреляй метко, штыком коли крепко!

После учения Суворов часто собирал отряд и производил краткий обзор действий. Говорил он негромко, но в полной уверенности, что слышавшие его солдаты передадут вечером его слова всей армии. Внешняя манера поведения оставалась у него такой же простой, как в бытность мушкетером, – и это очень нравилось солдатам.

Суворов приходился по сердцу солдатам и тем, что не вмешивался в мелочи и не позволял офицерам придираться к пустякам. Но если проступки относились к основным требованиям службы или проявлялось неповиновение, он строго взыскивал, и взыскивал с высших чинов больше, чем с нижних.

В Тульчине окончательно оформилась и была записана знаменитая суворовская инструкция войскам: «Наука побеждать». Еще в Херсоне и затем на походе в Польшу Суворов приказывал обучать войска составленному им военному катехизису; и большинство солдат знало это наставление наизусть. Теперь оно

получило окончательную редакцию.

«Наука побеждать» внутренне тождественна с «Суздальским учреждением». Она построена на тех же принципах. В ней так же выражена мысль о единой связи между техническими приемами обучения и нравственным, моральным воспитанием. Войскам прививаются те же идеи о необходимости порыва, энергии. Даже слог «Науки» соответствует этому: «рви, лети, ломи, скачи», тяжелые ранцы именуются «ветрами» и т. д. Слова, отвечавшие инстинкту самосохранения, вышучивались. Так, «ретирада»[91] Суворов произносил нараспев, о «дефензиве»[92] говорил, что на русском языке нет соответствующего слова.

Прерывистый, лаконичный слог «Науки» был понятен солдатам, привыкшим к языку своего полководца. Первую часть «Науки побеждать» составлял «Вахт-парад» – наставление о производстве учения. Вторую и главную – «Разговор с солдатами их языком»: система суворовских афоризмов о поведении в бою и о быте солдат.

Этот замечательный документ заслуживает того, чтобы привести его (в выдержках).

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ (деятельное военное искусство)

Раздел 2-й. Разговор с солдатами их языком.

…Военный шаг – аршин, в захождении – полтора аршина; береги интервал…

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, как негде взять. Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко, пуля обмишулится, штык не обмишулится.

Пуля дура, штык молодец. Коли один раз, бросай бусурмана с штыка: мертв, на штыке царапает саблею шею. Сабля на шеи, отскокни шаг. Ударь. Коли другого, коли третьего. Богатырь заколет полдюжины, больше. Береги пулю в дуле. Трое наскачут – первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун.

…В атаке не задерживай…

Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше. В Измаиле кроме иного, делили золото и серебро приго– рошнями. Так и во многих местах – без приказу отнюдь не ходи на добычь.

Баталия полевая. Три атаки: в крыло, которое слабее. Крепкое крыло. Закрыто лесом. Это немудрено, солдат проберется… Атака в середину невыгодно, разве кавалерия хорошо рубить будет, иначе сами сожмут. Атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело…

Баталия, штурм. Ломи чрез засеки, бросай плетни, чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез палисады, бросай фашины,

спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки очищай колонны, стреляй по головам. Колонны лети чрез стену, на вал, скалывай на валу, вытягивай линию, ставь караул, к пороховым погребам, отворяй вороты коннице, неприятель бежит в город его пушки обороти по нем, стреляй сильно. В улицы бомбандируй живо. Недосуг, за этим ходить.

Три воинские искусства

Первое – глазомер: как в лагере стать, где атаковать, гнать и бить.

Второе – быстрота. Поход: полевой артиллерии от полу до версты впереди, чтоб спускам подъемным не мешала… Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан. Десяток отломал, – первой взвод снимай вещи, ложись. За ним второй взвод и так взвод за взводом. Первые задних не жди… На первом десятке отдыху час. Первой взвод, вспрыгнув, надел вещи. Бежит вперед 10–15 шагов… Так взвод за взводом, чтоб задние, между тем, отдыхали. Второй десяток отбой, отдыху час и больше… Кашеварные повозки впереди с палаточными ящиками. Братцы пришли, к каше поспели. Артельной староста к кашам. На завтраке отдых 4 часа, то ж самое к ночлегу, отдых 6 часов и до 8-ми, какова дорога.

…При сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чает, щитает за 100 верст… Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова, атакуй с чем пришли, с чем бог послал. Конница начинай! Руби, коли. гони, отрезывай, не упускай!

Третье – натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русскова штыка не знают. Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем. Недосуг вытягивать линию, – подвинь из закрытого, из тесного места… Обыкновенно кавалерия врубается прежде, пехота за ней бежит, только, везде строй. Кавалерия должна действовать всюду, как пехота, исключая зыби, там кони на подводах… В двух шеренгах сила, в трех полторы силы; передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

Бойся богадельни, немецкие лекарствица издалека, тухлые, всплошь бессильны и вредны. Русской солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки. муравушки. Солдат дорог, береги здоровье, чисти желудок, коли засорился. Голод – лутчее лекарство. Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору – палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет.

…Богатыри! неприятель от вас дрожит; да есть неприятель больше богадельни, проклятая немогузнайка! Намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка,

вежливка, бестолковка от немогузнайки было много беды.

…Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву.

…Ученье свет, а неученье тьма. Дело мастера боится… За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай нам 6. Нам мало 6-ти, давай нам 10 на одного. Всех побьем, повалим, в полон возьмем. Последнюю кампанию неприятель потерял щетных 75 000 только что не 100 000. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!

К паролю! с флангов часовые вперед ступай на караул! По отдаче генералитету или иным пароля, лозунга и сигнала, похвала или в чем хула вахтпараду и громогласно:

Субординация,
Послушание,
Дисциплина,
Обучение,
Ордер воинский,
Чистота,
Порядок воинский
Опрятность,
Здоровье,
Бодрость,
Смелость,
Храбрость,
Экзерциция,
Победа и слава!

«Наука побеждать» не обременяла солдат ничем, что не вызывалось боевой надобностью, и в то же время давала им указания относительно всего, что могло встретиться в бою и на походе.

…Так текли дни в Тульчине. Судьба снова, теперь в последний раз, послала старому полководцу краткий период покоя. «Наш почтенный старик здоров, – писал один из находившихся при Суворове. – Он очень доволен своим образом жизни: вы знаете, что наступил сезон его любимых удовольствий – поля, ученья, лагери, беспрестанное движение; ему ничего больше не нужно, чтобы быть счастливым».

Но это было недолговечно.

Утром 17 ноября 1796 года Екатерина II скончалась.

Новый император, Павел I (сын Екатерины II и Петра III), в широких кругах был мало известен. Знали, что у него всегда были неприязненные отношения с матерью, что достаточно было заслужить его благосклонность, чтобы впасть в немилость у

Катерины; что уже в детские годы он был занят «маханием» за фрейлинами; что он был раздражителен, гневен, презирал всех окружающих, по каковой причине его воспитатель Порошин предсказал, что «при самых наилучших намерениях он возбудит ненависть к себе», а его любимец Растопчин заявил. «Великий князь делает невероятные вещи; он сам готовит себе погибель и становится все более ненавистным». Известно было, что он, подобно отцу, пристрастен ко всему прусскому. Наконец, рассказывали об его парадомании и наклонности к поддержанию дисциплины посредством жестоких наказаний.

На первых порах заждавшийся власти Павел проявил себя рядом поступков, направленных к снижению популярности в стране. Освобождены были заключенные по делам тайной экспедиции, среди них томившийся в Шлиссельбурге Новиков; из Сибири вернули Радищева; многие пленные поляки, в том числе Косцюшко, получили свободу; была прекращена война с Персией; отменен рекрутский набор и объявлено иностранным дворам о мирных намерениях России.

Однако прошло несколько месяцев, и царь стал заводить порядки, которых не ведали и при Петре III. Опасаясь проникновения из Франции «якобинской заразы», Павел прибег к самым необычайным мерам. Весь уклад жизни подвергся строгой регламентации; запрещены были круглые шляпы, фраки и жилеты; надлежало надевать немецкое платье со стоячим воротником установленной ширины; женщинам воспрещалось носить синие женские сюртуки; регламентированы были упряжь, экипаж, прическа, форма приветствия государю. Даже отдельные слова подвергались гонению: вместо «стража» следовало говорить «караул», вместо «граждане» – «жители», вместо «отечество» – «государство»; слово «общество» было вовсе запрещено. Воспрещен был ввоз из-за границы книг и музыкальных произведений. Вся переписка тщательно перлюстрировалась. За неосторожные речи о государе пытали. По самым ничтожным поводам людей хватали, сажали в тюрьмы, ссылали в Сибирь, били кнутом. По всей России скакали фельдъегери, развозившие неожиданные и непонятные повеления императора: ссылки, наказания, перемещения, награды. По свидетельству современника, «генералы возрастали так же быстро, как спаржа растет в огороде», но так же быстро они увядали. В царствование Павла I было уволено 333 генерала и 2 261 офицер. «Награда утратила свою прелесть, – писал Карамзин, – наказание – сопряженный с ним стыд».

Тяжелее всех чувствовала гнет павловского режима армия. Была восстановлена старая прусская форма: волосы солдат

спрыскивали квасом, посыпали мукою и давали засохнуть мучной корке на голове; сзади к голове привязывали железный прут в поларшина для устройства косы, на висках приделывали войлочные букли. В службе завелась назойливая, мертвящая мелочность. Оторванная пуговица у одного из солдат могла свести к нулю отлично проведенные маневры. На первый план были выдвинуты послушание и исполнительность.

«Солдат есть простой механизм, артикулом предусмотренный» – такова была установка Павла I. За малейшую провинность солдатам давали по нескольку сот шпицрутенов. Заслуженные боевые офицеры подвергались из-за пустяков грубым выговорам. Один полковник-суворовец, выслушав от Аракчеева оскорбительный выговор, застрелился. Во время разводов Павел на месте приговаривал к палкам, разжаловал офицеров в рядовые; однажды целый полк, не потрафивший императору, получил в конце учения приказ:

– Дирекция прямо! В Сибирь – шагом марш! – и вынужден был прямо с плаца маршировать в Сибирь.

Трудно было найти более резкие противоположности, более различные системы, чем те, которые насаждались Суворовым в Тульчине и Павлом в Петербурге. Сосуществование их было невозможно. Они неминуемо должны были столкнуться.

При жизни Екатерины II отношения между Суворовым и цесаревичем были хотя и сдержанные, но не плохие. Случались, правда, стычки. Будучи однажды у наследника, полководец, как обычно, заключая сарказм в форму буффонады, выразил неодобрение виденным порядкам. Не отличавшийся обходительностью Павел в бешенстве крикнул:

– Извольте перестать дурачиться! Я прекрасно понимаю, что скрывается за вашими фокусами.

Суворов тотчас угомонился, но, выйдя за дверь, выкинул последнее «коленце»: пропел перед придворными экспромт, выражавший его гнев и обиду:

– Prince adorable, despote implacable.[93]

Но такие инциденты были в характере обоих. Павел знал, что фельдмаршал со всеми «дурачится», а тому был известен нрав наследника.

Существовало, правда, одно обстоятельство, чреватое серьезными последствиями: Павел не одобрял суворовских методов, его «натурализма». Воинский идеал для него воплощался в Фридрихе II; с этой же меркой он подошел к Суворову – и, конечно, ничего не понял в нем.

Все же в первые месяцы по воцарении у Павла не возникало конфликтов с фельдмаршалом. Император сводил счеты с

приближенными Екатерины. Суворов, встречавший при екатерининском дворе холодный прием, не вызывал в Павле подозрений. Суворов, в свою очередь, проявлял полную лойяльность, к новому государю.

Скоро на безоблачном небе появились первые предвестники грозы. В армии началась чехарда перемещений, увольнений и назначений. Чуть не целый десяток генералов сразу был произведен в фельдмаршалы; множество генералов было уволено; новый начальник генерал-квартирмейстерского штаба, Аракчеев, притеснял даже высших чинов, так что, их служба сделалась «полной отчаяния»: на петербургской гауптвахте всегда сиживало по нескольку генералов. Наконец, что самое важное, Павел, опираясь на советы Репнина и Аракчеева, полагавших, что «чем ближе своим уставом подойдем к прусскому, чем равнее шаг… тем и надежды больше на победу», стал вводить новые порядки в полках.

Суворов сразу занял непримиримую позицию по отношению *к* «прусским затеям». Реформы Румянцева, Потемкина, его собственная сорокалетняя деятельность – все шло насмарку. Русская армия отбрасывалась на полстолетия назад, к временам бездарных преемников Петра I, живой дух в ней подменялся мертвым, механическим послушанием; боевая подготовка – шагистикой; национальные особенности – слепой подражательностью прусским образцам.

Суворов восстал против всего этого и как военный и как патриот. Когда-то он объявил своим лозунгом: «Никогда против отечества!» – и теперь, он был свято верен ему.

Услужливые холопы все чаще доносили императору о резких отзывах старого фельдмаршала: «Солдаты, сколько ни весели, унылы, и разводы скучны. Шаг мой уменьшен в три четверти и тако на неприятеля вместо сорока тридцать верст». «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять», «Нет вшивее пруссаков: лаузер, или вшивень, назывался их плащ, а шильт-гаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головною их вонью вам подарят обморок», «Пудра не порох, букли не пушки, косы не тесак, я не немец, а природный русак» и т. д. и т. п.

К этому присоединялось открытое невыполнение императорских повелений. Суворов не ввел в действие новых уставов, обучал войска по старой своей системе, не распустил своего штаба, по-прежнему самостоятельно увольнял в отпуска.

Словом, во всей остроте выявилось коренное расхождение взглядов Суворова и Павла I на реформы в армии. Вопреки императору, полагавшему, что чем ровнее шаг, тем больше шансов на победу, фельдмаршал не столько обращал внимание на

мелочи фронтовой службы и плацпарадность, сколько на боевую выучку солдат и офицеров и на то, чтобы войска были тепло и удобно одеты и сытно накормлены. Павел полагал, что солдат не должен рассуждать, – Суворов пуще всего ненавидел слепое подчинение. Павел хотел внедрить прусские порядки – Суворов отстаивал жизненность и превосходство национальных русских военных обычаев. Павел относился к солдатам, как к своего рода бездушным манекенам, – Суворов уважал в каждом солдате его человеческое достоинство.

Найти общую почву тут было невозможно.

Среди безгласной покорности, которую видел Павел вокруг себя, поведение Суворова являлось совершенно необычайным. «Удивляемся, – раздраженно писал ему император, – что вы, тот, кого мы почитали из первых ко исполнению воли нашей, остаетесь последним». В этих словах уже слышалась угроза.

Для Суворова, как и для всех окружающих, стало ясно., что император будет добиваться полной его капитуляции или же добьет его. Подлинная «буря мыслей» проносится в его голове.

«Я генерал генералов. Тако не в общем генералитете. Я не пожалован при пароле», записывает он 10 января, «на закате солнца».

Следующая отрывочная записка датирована 11 января «поутру». В ней фельдмаршал излил сокровенные свои мысли:

«Сколь же строго, государь, ты меня наказал; за мою 55–летнюю прослугу! Казнен я тобою: штабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, властью переводов… Оставил ты мне, государь, только власть высоч. указа за 1762 г. (вольность дворянства)».

Суворов скрепя сердце стал подумывать об отставке. Из–бегая столь решительного шага, он послал ходатайство об увольнении в годовой отпуск «для исправления ото дня в день ослабевающих сил». Император сухо отказал. Даже форма суворовских донесений, своеобразный и лапидарный язык его стали объектом гонения. «Донесение ваше получа, Немедленно повелел возвратить его к вам, означа непонятные в нем два места», гласила резолюция Павла на одном докладе Суворова.

Положение создавалось нестерпимое. В оставшихся после Суворова отрывочных записях сохранилась такая, датированная 5 января 1797 года: «…Все здесь мои приятели без пристрастия судят, что лучший ныне случай мне отойти от службы». 3 февраля Суворов отправил прошение об отставке. Присланный ему на это графом Растопчиным ответ гласил: «Государь император, получа донесения вашего сиятельства от 3 февраля, соизволил указать мне доставить к сведению вашему, что желание ваше

предупреждено и что вы отставлены еще 6 числа сего месяца».

В самом деле: 6 февраля 1797 года, Павел I отдал на разводе приказ: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь… что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы».

XI. Ссылка

Высочайший указ поразил, как внезапный удар грома. Никто не думал, что овеянный славой фельдмаршал будет отставлен, подобно неоперившемуся поручику. Враги злорадствовали, друзья незаметно отдалились от Суворова.

Сам Суворов мужественно переносил очередной поворот судьбы. Ему пришлось провести в Тульчине еще полтора месяца, и только по прибытии разрешения на выезд он покинул армию и выехал в свое имение, в Кобрино.

Весть об отъезде Суворова потрясла войска, особенно солдат. Чем острее были эти возмущения и скорбь об отставленном полководце, тем страшнее казался его образ петербургскому деспоту. Ему уж мало казалось отставки. В Кобрино помчался коллежский асессор Николев с новым высочайшим указом: Суворова непременно перевезти в его отдаленные бо– ровичские поместья, расположенные в глуши Новгородской губернии, и «препоручить там городничему Вындомскому, а в случае надобности требовать помощи от всякого начальства»; никому из поехавших в Кобрино офицеров не разрешалось сопровождать Суворова на новое местожительство. Процедура увоза была чрезвычайно поспешна, Суворову не позволили сделать никаких распоряжений; карета стояла наготове.[94]

Вблизи города Боровичи лежало захудалое суворовское поместье Кончанское. Название села происходило от слова «конец». Здесь кончались жилища расселившихся с севера карелов, южнее их уже не было. Вокруг – озера, болота да леса. Вотчина – из нескольких сот душ, перебивавшихся с хлеба на квас, не знавших промыслов и ковырявших каменистую, неплодородную землю. Сюда-то и приехал в начале мая 1797 года Суворов.

Помещичий дом обветшал; Суворов чаще жил в избе, в которой имелись две комнаты, одна над другой. Всю меблировку составляли диван, несколько стульев, шкаф с книгами, портреты Петра I, Екатерины II и несколько семейных портретов.

В одном письме, датированном 1776 годом, Суворов писал:

«Долг императорской службы столь обширен, что всякий долг собственности в нем исчезает: присяга, честность и благонравие то собою приносят». Военное призвание, в самом деле, поглощало его целиком, и для личной жизни у него не оставалось ни времени, ни душевных сил.

Вся нежность, таившаяся в сердце сурового полководца, в течение многих лет была сосредоточена на его дочери Наталье,

родившейся в 1775 году. Когда ей было два года, отец с умилением писал: «Дочка вся в меня, и в холод бегает босиком по грязи». В дальнейшем он всегда питал самую трогательную любовь к дочери. «Смерть моя для отечества, жизнь моя для Наташи», писал он из Финляндии.

«Суворочка» (дочь Суворова — Наталья Александровна)

Разлад с женой побудил Суворова удалить дочь из дома; в 1779 году она была взята у Варвары Ивановны и отдана на воспитание во вновь учреждавшийся институт благородных девиц (Смольный), где поступила на попечение начальницы института Софии Ивановны де Лафон. По решительному настоянию Суворова Варвара Ивановна была разлучена с дочерью навсегда.

Где бы ни был Суворов, как бы тяжело ему ни приходилось, он всегда помнил о дочери, писал ей письма, радовался ее успехам.

«Любезная Наташа, – писал он ей в 1787 году. – Ты порадовала меня письмом от 9 ноября, больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье; и того больше, как будем жить вместе. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софию Ивановну, или она тебе выдерет уши да посадит за сухарик с водицею… У нас были драки сильнее, нежели вы деретесь за

волосы,[95] а как вправду потанцовали, в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка да подо мной лошади мордочку отстрелили. Насилу часов через восемь отпустили с театру в камеру… Как же весело на Черном море, на Лимане! Везде поют лебеди, утки, кулики; по полям жаворонки, синички, лисички, в воде стерляди, осетры; пропасть!»

Весь он здесь, в этом письме, этот суровый воин, оставшийся в душе до конца жизни большим ребенком!

В другом письме, от 1788 года, он пишет:

«Милая моя Суворочка! Письмо твое от 31 генваря получил: ты меня так утешила, что я по обычаю моему от утехи заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу, что я завидую… Куда бы я, матушка, посмотрел теперь на тебя в белом платье! Как ты растешь! Как увидимся, не забудь мне рассказать какую-нибудь приятную историю о твоих великих мужах в древности… Ай-да, Суворочка. Здравствуй, душа моя, в белом платье; носи на здоровье, расти велика!»

Описывая бой под Очаковом, Суворов вновь прибегает к образному стилю, рассчитанному на уровень понимания и мышления ребенка:

«Ай да ох. Как же мы потчевались! Играли, бросали свинцовым большим горохом, да железными кеглями, в твою голову величины; у нас были такие длинные булавки, да ножницы кривые и прямые: рука не попадайся, тотчас отрежут, хоть и голову. Ну, полно с тебя, заврались! Кончилось все иллюминациею, фейерферком… С Festin[96] турки ушли далеко, ой далеко»..

В 1791 году Наталья Суворова окончила институт. По свидетельству современников, она не отличалась ни красотой, ни умом и была совершенно ординарной девушкой. Однако во внимание к заслугам ее отца Екатерина назначила ее фрейлиной, поместив жить, во дворце. Милость императрицы страшно обеспокоила Суворова. Зная, сколько соблазнов таилось для молодой девушки в легкомысленной, развратной среде придворных, он решился, пренебрегая гневом Екатерины, взять ее из дворца. Наташа была поселена у своей тетки. Это не успокоило Суворова. Он, не переставая, посылал ей наставления и предостережения.

«Избегай людей, любящих блистать остроумием, – писал он, тоскливо следя издали за светской жизнью дочери, – по большей части?ти люди извращенных нравов».

Наташа отвечала своему отцу обычно лаконичными, сухими письмами, напоминающими скорее отписки. «Милостивый Государь Батюшка! Я слава богу здорова. Целую ваши ручки и

остаюсь навсегда ваша послушнейшая дочь, гр. Н. Суворова–Рымникская».

Годы шли, и на очередь встал вопрос о замужестве Наташи. Суворов скрепя сердце готовился к этому; он чувствовал, что, выйдя замуж, дочь отдалится от него (хотя, надо сказать, Наташа и так не отличалась особой сердечностью). Но делать было нечего! Начался выбор женихов.

Снова Суворов навлекает на себя гнев многих вельмож. Он отклонил возможность породниться со знатнейшими родами – из опасения, что жених недостаточно хорош для Наташи. Он отказал молодому графу Салтыкову (сыну Н. И. Салтыкова) потому, что он «подслепый жених»; князь Трубецкой получил отказ потому, что «он пьет, и его отец пьет и в долгах, а родня строптивая»; князь Щербатов – потому, что «взрачность не мудрая, но паче непостоянен и ветрен». Симпатиями Суворова пользовался молодой граф Эльмпт – «юноша тихого портрета, больше со скрытыми достоинствами и воспитанием, лица и обращения не противного». Но этот кандидат был забракован невестой, которую Суворов – в противоположность господствовавшим обычаям – совершенно не неволил в выборе жениха.

Затянувшееся сватовство Наташи очень обеспокоило Суворова.

– И засыхает роза! – восклицал он.

Наконец, жених нашелся. Это был брат тогдашнего фаворита, Платона Зубова, граф Николай Александрович Зубов. Сватовство было поддержано самой императрицей.

В апреле 1794 года состоялось венчание. Суворова в Петербурге не было – он находился в этот момент в Варшаве. Обычно прижимистый в денежных вопросах, он на этот раз не поскупился: в приданое Наташе были даны 1 500 душ крестьян и некоторые из пожалованных ему бриллиантовых вещей. Это была значительная часть всего его состояния.

Как и предполагал Суворов, замужество дочери охладило ее отношения с ним. Он сам пишет ей все реже и холоднее: «Любезная Наташа, за письмо твое тебя целую, здравствуй с детьми, божье благословение с вами» – вот образчик его позднейших писем к дочери. Он видел, что Наташа, занятая мужем, детьми и светской жизнью, все меньше вспоминает своего оригинала-отца.

В одном из писем Хвостову, датированном октябрем 1796 года, Суворов говорит со скрытой горечью: «…Наташа отдана мужу, тако с ним имеет связь; он ко мне не пишет, я к ним не пишу: божие благословение с ними… Родство и свойство мое с долгом моим: бог, государь и отечество».[97]

Отдалившись от дочери, он стал уделять больше внимания своему второму ребенку – сыну Аркадию.

Аркадий родился в 1784 году. Суворов гораздо нежнее любил свою дочь, но сын воспринял от него значительно больше, чем серенькая, ничем не выдававшаяся Наташа. Аркадий был одарен от природы замечательными способностями, и в частности военными. Что его отличало от отца, это унаследованная, видимо, от матери очень красивая внешность и безудержная жажда потех и наслаждений.

Сын Суворова — Аркадий Александрович Суворов

До одиннадцатилетнего возраста Аркадий жил у своей матери. Затем он был назначен камер-юнкером к великому князю Константину Павловичу. Когда происходила итальянская кампания, Павел I надумал, что сыну приличествует быть при отце, и отправил Аркадия в действующую армию, дав ему чин генерал-адъютанта. Во время похода Пятнадцатилетний Аркадий проявлял смелость и отвагу. Отважный мальчик начал заполнять в сердце Суворова ту пустоту, которая образовалась с отдалением Наташи.

В письмах полководца, в которых почти не встречалось раньше имя Аркадия, все чаще появляются упоминания о нем. «Мне хочется Аркадию все чисто оставить», писал Суворов, уже

охваченный смертельной болезнью.

До него дошли слухи, что получивший беспорядочное воспитание, вращавшийся с детских лет в кругу толпившейся вокруг великого князя «золотой» молодежи, Аркадий заимствовал ее наклонности. Для того чтобы отучить сына от кутежей и волокитства, Суворов решил женить его, несмотря на юный возраст. Он выбрал уже невесту. То была дочь эрцгерцогини Курляндской. За несколько недель до смерти (17 марта 1800 года) Суворов писал: «Паче всего богоблагословенное дело – князя Аркадия! Чтоб совершилось в Петербурге… без отлагательств».

Однако он не успел осуществить свой замысел: смерть скосила его, прежде чем он наставил «на путь истинный» своего так поздно обретенного сына.

Личность Аркадия Суворова заслуживает того, чтобы посвятить ей несколько строк. Вот как описывает его П. Х. Граббе, встретившийся с ним в 1809 году: «Князь Суворов был высокого роста, белокурый, примечательной силы и один из прекраснейших мужчин своего времени. С природным ясным умом, приятным голосом и метким словом, с душою, не знавшею страха ни в каком положении, с именем бессмертным в войсках и в народе, он был идолом офицера и солдата. Воспитание его было пренебрежено совершенно. Он, кажется, ничему не учился и ничего не читал. Страсть к игре и охоте занимала почти всю жизнь и вконец расстроила его состояние. Но таковы были душевная его доброта и вся высокая его природа, что невозможно было его не уважать, и еще менее не полюбить его». Теми же чертами рисует Аркадия Суворова другой современник, принц Вюртембергский: «…Его знали за смельчака и человека горячего, который уцелел до сих пор только благодаря непонятному счастью… Охарактеризовать его можно было бы названием добродетельного развратника…

Почти невероятно, какое множество сумасбродных Проказ натворил молодой Суворов в течение своей кратковременной жизни, но в каждой из них проглядывала в то же время черта его добросердечия.

Его недюжинные военные способности, в соединении со славным именем, обеспечивали его карьеру: в 1809 году он уже командовал дивизией. В 1811 году во время русско-турецкой войны он переправлялся через небольшую речку Рымну (на берегах которой его отец одержал знаменитую победу). Неожиданно коляска его опрокинулась. Видя, что не умевший плавать кучер пошел ко дну, Аркадий бросился спасать его, но не совладал с течением и утонул.

* * *

Через месяц после прибытия Суворова в Кончанское его навестила дочь Наташа со своим сыном. Это очень развлекло опального фельдмаршала, он повеселел, бодрее относился к своей участи. Но через два месяца гости уехали, старик остался один. Жизнь его становилась все более тяжелой.

Вындомский отказался от обязанностей надзирать за Суворовым, сославшись на плохое свое здоровье. Из Петербурга повелели переложить эти обязанности на соседнего с Суворовым помещика Долгово-Сабурова. Тот также отказался, приведя какие-то веские причины. Тогда вспомнили о Николеве, безграмотном отставном чиновнике, подвернувшемся однажды под руку и так ретиво выполнившем тогда поручение перевода Суворова из Кобрина.

Особой инструкцией на Николева возлагались обязанности:

«Всемерно стараться ведать, от кого будет он (то есть Суворов. – *К. О.),* иметь посещении, с каким намерением, в чем он с посещателями, или порознь, будет упражняться, какие разговоры произнесены будут, и не произойдет ли каковых либо рассылок, от кого, куда, чрез кого, когда и за чем».

«О писменном его самого и находящихся при нем производстве наблюдать найприлежнейше».

«Когда бы он, граф Суворов, вознамерился куда-нибудь поехать в гости, или на посещение кого-либо, то представлять ему учтивым образом, что, по теперешнему положению его, того делать не можно».[98]

В конце сентября Николев приехал в Кончанское. При первой встрече его с опальным фельдмаршалом произошел следующий диалог: «Я слышал, что ты пожалован чином? Правда, и служба большая! Выслужил, выслужил, продолжай этак поступать, еще наградят». Николев на это возразил, что долг верноподданного – исполнять волю царя. Суворов ответил: «Я бы этого не сделал, сказался бы больным».

Бесцеремонность нового надсмотрщика была хорошо известна Суворову. Нервы его не выдержали, и он отправил Павлу отчаянное письмо: «Сего числа приехал ко мне коллежский советник Николев. Великий монарх, сжальтесь, умилосердитесь над бедным стариком. Простите, если чем согрешил».

На этом письме император наложил резолюцию: «Оставить

без ответа».

Николев следил за каждым шагом Суворова, вскрывал его корреспонденцию, наблюдал за тем, встречается ли он с кем-нибудь, «учтиво» препятствовал фельдмаршалу отлучаться даже поблизости из Кончанского. Эта мелочная опека терзала старика.

Из Петербурга приходили унылые вести: самое имя Суворова вытравляется из армии, отданной во власть Аракчеева, истекавшей кровью под фухтелями и шпицрутенами.[99]

Кроме всего этого, у фельдмаршала начались денежные неприятности.

Император дал ход всем искам и денежным претензиям, которые, как из рога изобилия, посыпались на Суворова. Павел приказывал взыскивать с опального полководца по самым невероятным счетам: например, за то, что три года назад по устному распоряжению фельдмаршала израсходовали 8 тысяч рублей на провиантские нужды армии, а провиантское ведомство их не покрыло. Дошло до того, что один поляк учинил Суворову иск за повреждения, нанесенные его имению русской артиллерией в 1794 году. Сумма претензий превысила 100 тысяч рублей, при годовом доходе Суворова в 50 тысяч. На Кобринское имение был наложен секвестр.[100] Все это тем более нервировало Суворова, что он – в противовес дворянским традициям – ненавидел долги. «Не подло бедно жить, а подло должну быть», не раз твердил он Аркадию.

Унижения, клеветы и обиды волновали Суворова.

По целым дням он ходил из угла в угол, не имея живой души, с кем можно было бы поделиться своими мыслями. Смертельная тоска овладевала им. Иногда ночью, когда ему не спалось, он уходил в темный лес и ходил там до утра.

В домике своем он завел «птичью горницу» и нередко подолгу просиживал посреди говорливых пернатых обитателей ее. Вообще он любил всякую «живность». При своем домике он держал четырех лошадей «за верную службу в отставке и на пенсии» (лошади уже охромели). В иные дни он вдруг присоединялся к игравшим в бабки ребятам и проводил целые часы за этим занятием.

Неизменным спутником его был верный Прошка, беззаветно преданный своему господину. С Прошкой Суворов был всегда прост и ласков.

На одной прогулке Прошке, шедшему следом за Суворовым, взбрело на ум напроказить, и он, на потеху мужикам, принялся копировать Суворова. Неожиданно обернувшийся фельдмаршал застиг его в самом разгаре его усилий.

– Гум, гум, Прошенька, – кротко сказал он и, как ни в чем не

бывало, продолжал свой путь.[101]

Павел все ждал, что старый фельдмаршал принесет повинную. При всем своем сумасбродстве он понимал, какое неблагоприятное впечатление производит ссылка Суворова не только в России, но и за границей. Видя вокруг лишь покорность и поклонение, Павел не сомневался, что и старик-фельдмаршал скоро обломается и если не присоединит прямо своего голоса к хору восхвалений, то выразит хотя бы согласие вернуться в ряды армии на вторые роли, для отвода глаз Европе. Но время шло, а Суворов не сдавался. Больше того: он не проявлял никаких признаков раскаяния. Случился, например, такой эпизод. В Кончанское прибыл курьер от императора; Суворов принял его в бане.

– Кому пакет?

– Фельдмаршалу графу Суворову.

– Тогда это не мне: фельдмаршал должен находиться при армии, а не в деревне.[102]

«Петербургско-кончанская» баталия продолжалась. Державин посвятил этому периоду жизни Суворова такие строки:

> Смотри, как в ясный день, как в буре,
> Суворов тверд, велик всегда!
> Ступай за ним! – небес в лазуре
> Еще горит его звезда.

Кончилось тем, что первый шаг сделал император. В феврале 1798 года он приказал родственнику Суворова, молодому князю Андрею Горчакову, «ехать к графу Суворову, сказать ему от меня, что если было что от него мне, я сего не помню; что может он ехать сюда, где, надеюсь, не будет повода подавать своим поведением к наималейшему недоразумению». Одновременно было дано распоряжение об отзыве из Кончанского Николева.

Вряд ли существовал еще хоть один русский деятель, по отношению к которому тщеславный и самолюбивый Павел сделал подобный шаг. И вряд ли кто-нибудь, кроме Суворова, отказался бы от этого приглашения пойти на компромисс. Но Суворов именно так поступил; он сразу решил для себя вопрос: не идти ни на какие сделки, лучше жизнь в ссылке в глухой деревне, чем хотя бы косвенное одобрение «прусских затей» императора. Все его дальнейшее поведение было подчинено этому решению.

Сперва он вообще отказывался ехать в Петербург. Потом, уступая племяннику, выехал, но с необычайной медлительностью, проселочными дорогами, «чтобы не растрястись». Горчаков отправился вперед. Государь с нетерпением, даже с тревогой,

ждал приезда Суворова. Он потребовал, чтобы его уведомили, как только фельдмаршал появится в столице.

Суворов приехал вечером. Павел уже лег, когда ему доложили об этом. Он вышел, сказал, что принял бы Суворова тотчас, но уже поздно, и он переносит аудиенцию на утро. В 9 часов Суворов с Горчаковым вошли в приемную. По дороге в Петербург старый полководец понаблюдал новое устройство армии, и все виденное только укрепило его в принятом решении.

Окинув взором расфранченных, важничавших генералов, он тотчас же приступил к обычным «шалостям»: одному сказал, что у него длинный нос, другого с удивлением расспрашивал, за что он получил чин и трудно ли сражаться на паркете; с царским брадобреем, крещеным турком Кутайсовым, заговорил по-турецки.

Аудиенция у императора длилась больше часа. Павел проявил небывалое терпение, десятки раз намекая, что пора бы Суворову вернуться в армию. Фельдмаршал оставался глух. В первый раз Павел опоздал на развод, все пытаясь уломать несговорчивого старика. К разводу был приглашен и Суворов. Снова началось ухаживание государя за фельдмаршалом: вместо обычного учения солдат водили в штыки. Суворов почти не глядел на учение, подшучивал над окружающими и, наконец, уехал домой, несмотря на испуганные заклинания Горчакова, что прежде государя никто не смеет уходить с развода.

– Брюхо болит, – пожал плечами Суворов.

Три недели, проведенные им в Петербурге, были подобны этому дню. Он издевался над новой, неудобной формой, путался шпагой в дверцах кареты, ронял с головы плоскую шляпу; на разводах он вдруг принимался читать молитву: «Да будет воля твоя».

В это время произошел характерный диалог между ним и графом Растопчиным.

– Кого вы считаете самым смелым человеком? – спросил Растопчин.

– Трех смелых людей я знаю на свете: Курций, Долгорукий и староста Антон. Первый прыгнул в пропасть, Антон ходил на медведя, а Долгорукий не боялся царю говорить правду.[103]

Пребывание в Петербурге становилось явно бесцельным. Бедный Горчаков выбился из сил, пытаясь сгладить перед государем постоянные резкости Суворова. В конце концов фельдмаршал прямо попросился обратно в деревню; Павел с заметным неудовольствием дал разрешение.

Поездка в столицу имела все же положительные следствия: во-первых, с Суворова был снят надзор, во-вторых, фельдмаршал

стряхнул овладевшую было им хандру. В первое время по возвращении его настроение было ровное и хорошее. Он ездил в гости к соседям, толпами сбиравшимся поглазеть на диковинного старика. Это, конечно, раззадоривало Суворова, и он вволю «чудачил».

Сохранился правдоподобный анекдот, записанный со слов одного кончанского старожила. Некий помещик приехал в гости к отставному фельдмаршалу на восьми лошадях. Добившись согласия на ответный визит, он зазвал в назначенный день всю округу, слетевшуюся взглянуть на опальную знаменитость. Каково же было всеобщее удивление, когда показался Суворов на восьмидесяти лошадях цугом: форейтор полчаса сводил лошадей в клубок, пока вкатилась бричка с седоком. Обратно фельдмаршал уехал на одной лошади.

В этот период Суворов много занимался хозяйством, но заботой о крестьянском хозяйстве не ограничивались его занятия. Он много читал, требовал присылки то державинских од, то Оссиана,[104] выписывал газеты и жадно следил за бушевавшей над Францией военной грозой. Суворов быстро оценил первые успехи Бонапарта и тогда же произнес свою известную фразу:

– Далеко шагает мальчик! Пора унять…

С течением времени он все более высоко ставил военный гений французского полководца. Это проявлялось даже в манере говорить о нем: сперва Суворов называл Бонапарта молокососом, затем мальчишкой, а потом «молодым человеком».

Когда однажды Растопчин спросил у него, кого он считает лучшими полководцами, он, подумав, назвал Цезаря, Ганнибала и Бонапарта. А между тем Наполеон только начинал свою карьеру? Но столь высоко оценив французского полководца, Суворов жаждал сразиться с ним, твердо надеясь победить его.

Не отдавая себе, быть может, отчета в том, что составляло основу успехов французской армии, он констатировал беспомощность антифранцузской коалиции.

– Якобинцы побеждают потому, что у них твердая, глубокая воля, – сказал он одному французскому эмигранту, – а вы, ваша братия, не умеете хотеть.

Впрочем, это не значит, что Суворов готов был изменить свои политические убеждения. Он твердо оставался на позициях монархизма, отзываясь о революции, как о ниспровержении человеческих и божеских законов.

Живя в кончанской трущобе, он ловил каждое новое известие о борьбе на берегах Рейна и в долинах Италии. Услыхав, что французы замышляют десант в Англию, он расхохотался:

– Вот траги-комический спектакль, который никогда не будет

поставлен!

В этом сказались и его постоянное недоверие к десантным операциям и убеждение в превосходстве английского флота.

Мнения кончанского отшельника живо интересовали Павла: он подослал к нему генерала Прево де Люмиана, в упор поставившего вопрос о возможной войне с Францией. Суворов продиктовал в кратких чертах план кампании: оставить два обсервационных корпуса у Страсбурга и Люксембурга, итти, сражаясь, к Парижу, не теряя времени и не разбрасывая сил в осадах. Конечно, павловские специалисты отвергли этот смелый, чисто суворовский план.

Пожелтела листва, умчалось короткое лето, а с ним и бодрое настроение Суворова. Павел исподтишка сводил счеты: снова полился дождь направленных против Суворова и немедленно удовлетворявшихся денежных претензий. Ввиду крайнего расстройства дел Суворов определил себе на полгода всего 1 600 рублей, но это, разумеется, не поправило его бюджета.

В декабре 1798 года он пишет своему родственнику и доверенному лицу Хвостову: «Вы довольно вникли в мою нищету… Вы ко мне две недели не писали. Я в бездне сумнениев».

Отношения с зятем, Н. Зубовым, вконец испортились, и тень от этого легла даже на отношения с Наташей. Все стало немило. Унылая скука вновь овладела им.

«Бездействие гнетет и томит. Душа все равно, что пламя, которое надо поддерживать и которое угасает, если не разгорается все сильнее».

К упадку духа присоединилось физическое недомогание. Сказывались полученные им шесть ран; случались приступы частичного паралича. В декабре 1798 года он жаловался, что «левая сторона, более изувеченная, уже пять дней немеет, а больше месяца назад был без движения во всем корпусе».

Нужен был какой-нибудь исход.

И вдруг в начале февраля 1799 года в тишину кончанского домика ворвался на фельдъегерской тройке генерал Толбухин с высочайшим рескриптом. Павел звал Суворова в Италию – командовать русско-австрийскими армиями, действовавшими против французов.

XII. Итальянская кампания

Екатерина II помогала всем крепостническим, реакционным государствам, воевавшим с республиканской Францией. Она готова была послать русские войска на помощь коалиции реакционных государств, и только внезапная смерть в 1796 году помешала ей осуществить эти замыслы.

Павел I выполнил то, что было задумано Екатериной. Он предоставил приют семитысячному корпусу французских эмигрантов, который был расквартирован на Волыни и в Подолии на полном иждивении русского правительства. В апреле 1798 года было объявлено о запрещении подданным республиканской Франции въезжать в Россию, а вслед за тем о конфискации находившихся в России французских товаров и кораблей.

Используя обострившиеся отношения между русским и французским правительствами, английское правительство сумело втянуть Россию в составившуюся антифранцузскую коалицию (Англия, Австрия, Турция, Неаполь).[105] В договоре с Англией участие России было прямо объяснено стремлением «действительнейшими мерами положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие».

Русский флот под командой Ушакова отплыл в Средиземное море и занял Ионические острова. Одновременно было приказано снарядить двадцатитысячный корпус под начальством генерала Розенберга и двинуть его в Вену для присоединения к австрийской армии.

Встал вопрос: кого назначить главнокомандующим соединенными русско-австрийскими силами? Намечали принца Оранского, но он скоропостижно скончался; остальные кандидаты были известны понесенными ими от французов поражениями. Тогда глава английского правительства Питт, представлявший собой «мозг» коалиции, выдвинул кандидатуру Суворова. Австрийцы поддержали это предложение и обратились к Павлу, прося послать полководца, «коего мужество и подвиги служили бы ручательством в успехе великого дела».

В Европе уже давно считали Суворова единственным полководцем, который сможет успешно вести войну против французов. 25 января 1795 года гессенский надворный советник Вердье писал: «Русские только одни могут переменить нашу в немецкой земле войну. Суворова с 30 тысячами довольно; без него 60 000 мало… Фабий побеждал, удаляясь от сражения, а

Суворов побеждает, наступая на неприятеля. Если бы наши немецкие войска имели начальником своим пол-Суворова, французы не прогнали бы их до Майнца… Суворовские курьеры всегда привозят известия о победах, а курьеры императорские спрашивают о позволении побеждать». Больше того: повидимому, уже предпринимались конкретные шаги. Так, П. В. Завадовский писал в ноябре 1794 года Ал. Р. Воронцову: «Австрийцы же, между тем, просят нелепаго, чтобы мы дали 40 тысяч войска и генерала Суворова на чужую издержку, против французов… Замашка ни с которой стороны ни у места и Тугут глупо бредит». Однако то, что в 1794 году казалось бредом, сбылось в 1799 году.

В первую минуту император даже был польщен просьбой иностранных правительств.

– Вот каковы русские – всегда пригождаются! – воскликнул он и тотчас отправил в Кончанское генерала Толбухина с рескриптом.

Тревожась, как бы старый фельдмаршал не отказался, Павел приложил к официальному рескрипту частное письмо. «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствия вас видеть».

Беспокойство Павла было напрасным. Что значили для Суворова перенесенные обиды, когда перед ним открывалась манящая возможность снова стать во главе «чудо-богатырей» и сразиться с сильнейшей армией в свете! Уже давно он говорил:

– Я почитаю божеским наказанием, что до сей поры ни разу не встретился с Бонапартом.

И вот в перспективе встреча с ближайшими соратниками Бонапарта, а то и с ним самим.

Тоска, болезни, обиды – все было забыто. На другой же день он выехал в Петербург. Теперь поясница не мешала быстрой езде; через несколько дней Суворов был в столице.

Любопытная деталь: у главнокомандующего союзными силами не оказалось в тот момент денег на дорогу и пришлось занять 250 рублей у старосты.

Известие об этом вызвало живейшую радость в войсках, да и не только в войсках: толпы народа бегали за каретой Суворова. Его былая слава засияла еще ярче от окружившего ее после кончанской ссылки ореола. Павел держал себя с полководцем весьма предупредительно: он тотчас наградил его орденом и всячески подчеркивал свое благоволение. Придворная челядь

устремилась к Суворову. В несколько дней он перешел от опалы к небывалому почету. Такие метаморфозы являются пробным камнем для человека, и надо констатировать, что это испытание Суворов выдержал блестяще. Он ни в чем не изменил себе: подобострастие придворных отскакивало от него; голова его осталась холодной, а сердце не очерствело.

В суматохе военных приготовлений, в чаду лести фельдмаршал получил полуграмотное письмо от некой старушки Синицыной; ее сын офицер был сослан Павлом «навечно» в Сибирь. Не найдя нигде защиты, Синицына обратилась к Суворову. Он немедленно отозвался: «Милостивая государыня! Я молиться богу буду, молись и ты – и оба молиться будем мы. С почтением пребуду ваш покорный слуга». На языке Сунорова это означало, что он постарается спасти офицера. При первом удобном случае он ходатайствовал перед Павлом за человека, которого никогда не видел в глаза, и добился полного прощения его.

Для тех, кто не понимал глубокого смысла суворовских «чудачеств», его поведение в этот приезд представлялось необъяснимым: он не терял больше шляпы, не цеплялся шпагой за дверцы кареты, не заболевал во время разводов. Но все это было вполне естественно: теперь не было уже нужды в его протесте, а раздражать попусту императора он вовсе не собирался. Однако он ни в чем не уклонился от прежних позиций. Капитулировать пришлось Павлу, который заявил Суворову:

– Веди войну по-своему, как умеешь.

В устах деспотичного императора это были необычайные слова; надо полагать, они дались ему с немалым трудом, и, быть может, память о них послужила через год одной из причин новой, и последней, опалы полководца.

Однако, давая на словах Суворову «полную мочь», Павел в то же время готовил для него путы. Генералу Герману было доверительно сообщено императором: «Венский двор просил меня начальство над союзными войсками вверить графу Суворову. Предваряю вас, что вы должны будете во все время его командования иметь наблюдение за его предприятиями, которые могли бы повести ко вреду войск и общего дела, когда будет он слишком увлекаться своим воображением, заставляющим его иногда забывать все на свете».

К счастью, Германа вскоре перевели в Голландию, где он, командуя отборными полками (в том числе суворовскими фанагорийцами), потерпел целый ряд сокрушительных поражений от французов.[106]

Суворов покинул Петербург в конце февраля. По пути в Вену

он сделал остановку в Митаве, где проживал бежавший из Франции претендент на французский трон – будущий король Людовик XVIII.

Дело не обошлось без «странностей». Фельдмаршал зашел в солдатскую казарму, пообедал к вящему ужасу своих провожатых из одного котла с солдатами и затем поехал во дворец к королю-претенденту.

Людовик впоследствии отзывался о Суворове, как о великом военном гении, но наряду с этим рассказывал про его «причуды, похожие на выходки умопомешательства, если бы не исходили из расчетов ума тонкого и дальновидного»; этот отзыв делает честь проницательности Людовика.

Кроме Митавы, Суворов остановился ненадолго в Вильно. Там стоял его любимый Фанагорийский полк. Старый полководец побежал по рядам, подзывал знакомых солдат, целовался и разговаривал с ними. Гренадер Кабанов выступил вперед и от имени всех солдат просил взять полк в Италию Суворов был растроган, но ответил, что без императора не может этого сделать.

14 марта он прибыл в Вену. Начиналась итальянская кампания.

Приезд Суворова всколыхнул всю Вену. Огромные толпы теснились перед окнами русского посольства, где остановился знаменитый полководец. Из уст в уста передавали, что в отведенных Суворову комнатах не оставлено ни одного зеркала и предметов роскоши, что в качестве постели для русского фельдмаршала привезли охапку сена, что он встает до рассвета и в 8 часов утра уже обедает. Все эти толки были верны. Суворов и в австрийской столице ни в чем не изменил своих привычек. Отчасти здесь был свой умысел – «расчеты ума тонкого и дальновидного», как выразился Людовик XVIII. Суворов давал понять тем, кто его призвал, что во всем остается верен себе. Он знал, что в Вене его постараются лишить свободы действий, и не ошибся в этом.[107]

Все военные вопросы в австрийской армии решал придворный совет – гофкригсрат. Даже в ту пору, когда во главе его стояли люди с громкой боевой славой – Монтекукули, Евгений Савойский, – гофкригсрат приносил больше вреда, чем пользы. Когда же распоряжаться в совете стала военная бездарность вроде премьер-министра барона Тугута (1734–1818), [108] вредное влияние гофкригсрата, пытавшегося во всех мелочах управлять из Вены армиями, находившимися на расстоянии многих сотен верст, достигло исключительных размеров.

Ходить на помочах Суворов вообще не желал, тем более на

австрийских. Он отказался посетить Тугута, объяснив этот отказ так: «Куда мне с ним говорить? Он моего не знает, а я его дела не ведаю». Когда к нему явились члены гофкригсрата, он отказался изложить им свой план кампании, сказав, что рассудит обо всем на месте. Тогда австрийцы привезли собственный план, предусматривавший оттеснение французов до реки Адды. Суворов перечеркнул его накрест, заявив:

– Я начну с Адды… А кончу, где богу будет угодно.

Разумеется, у него имелся уже план войны. Но Суворов всегда составлял свои планы в общих чертах, моментально видоизменяя их в зависимости от обстановки. Было здесь и еще одно соображение, которое он высказал своим приближенным:

– Если гофкригсрат узнает мои намерения, то через несколько дней о них будут знать и французы.

Это не были необоснованные слова. Фукс, секретарь Суворова (бывший в то же время агентом тайной экспедиции), писал: «Я сам нашел в бумагах у взятых в полон французских генералов подробнейшие сведения о предположениях австрийских, из Вены им сообщенные». Французские шпионы выкрали в Вене план движения корпуса Розенберга, и если бы Суворов не двигался гораздо быстрее, чем предполагалось, французы успели бы подготовиться гораздо лучше.

Опасение перед происками французских шпионов показывает, с какой серьезностью подходил Суворов к своим новым противникам.

Годы 1793–1799 были годами ошеломляющих побед французских армий. Оборванные французские солдаты несли на штыках своих новые идеи, всемирные лозунги свободы, равенства и братства. Воодушевленные этими идеями, взрывавшими закостенелые устои феодальных государств, французы сражались с невиданным энтузиазмом.

Правда, к концу XVIII века, во времена Директории и Бонапарта революционные войны Франции стали превращаться в войны захватнические. Впоследствии, когда Бонапарт сделался императором, процесс превращения оборонительных войн французской республики в захватнические достиг полного завершения.

«…войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн

получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально– освободительные войны против империализма Наполеона».[109]

Но в 1799 году французская армия была очень сильна – и в идейном и в организационном отношении. Во главе французских войск стояли талантливые военачальники, выдвинувшиеся благодаря своим дарованиям, а не вследствие знатности рода. Революция же создала новую военную систему; армии были легки и подвижны, они не везли с собой громоздких, обозов, а питались за счет местных средств. В условиях непрерывных боев, когда не было времени обучать солдат сложному маневрированию, стали часто применять энергичный удар холодным оружием; вместо линейного строя применялся строй глубоких колонн и цепей. Старая тактика, осмотрительная, робко выжидающая, сменилась бешеным натиском; французы с бестрепетной храбростью, часто истомленные и голодные, предпринимали атаки, стремясь прорвать фронт либо обойти расположение неприятеля. «Ничего не сделано, пока *остается* хоть что-нибудь сделать», было девизом французских командующих, и к этому присоединялся другой девиз: «Делать каждое усилие так, как будто бы оно было последним». И старые армии были способны на подобное напряжение, но только изредка и ненадолго: французы возвели исключение в правило, и в результате старые армии терпели одно поражение за другим.

Только одна система обладала такой же силой: то была суворовская система. В тактическом отношении Суворов уже давно комбинировал линейный строй с колоннами; что еще важнее – он противопоставил французам такую же энергию, бесстрашие, подвижность и способность к лишениям.

Питт недаром настаивал на посылке Суворова. Старая тактика обанкротилась, но в суворовской тактике были предвосхищены все главные преимущества французов.

Выполнители этой тактики, русские солдаты, были воспитаны своим полководцем так, что и у них каждое усилие производилось с максимальным напряжением сил, и они дрались всегда по выражению Суворова, «как отчаянные… а ничего нет страшнее отчаяния». Иностранцы недаром отзывались, что русские батальоны «обладали твердостью и устойчивостью бастионов».

Предстояла гигантская борьба, и Суворов был далек от недооценки своего противника.

Нелегкая задача его становилась еще гораздо более трудной оттого, что большую часть вверенной ему армии составляли австрийские войска, а военная система австрийцев была в корне

иной. Типичные представители «методизма», австрийцы силились все многообразие сражения вместить в узкие рамки кабинетной диспозиции. «Die erste Kolonne marschiert»,[110] как осмеивал много лет спустя эту систему Лев Толстой. Австрийцы предпочитали быть побитыми, но по правилам военной науки. Суворов же делал выбор в пользу «знатной виктории», хотя бы и противоречащей теории. Австрийцы избегали крупных потерь, уклоняясь от сражения, а русский полководец не признавал «ретирады» и считал, что часто кровавый бой есть кратчайший путь к миру.

В своих обращениях к солдатам он пояснял, что случилось «большое злое дело», что «бездарные и ветреные французишки» своего короля «нагло до смерти убили», и вследствие этого возникла война.

В какой-то мере он, несомненно, и сам верил в подобное объяснение причин войны. Австрийское же правительство стремилось «ниспровергнуть беззаконное правление» во Франции в целях обеспечения феодально-консервативного режима в Австрии; при этом оно ставило перед собой непосредственно захватническую цель: завладеть рядом итальянских провинций. Суворов был неподходящим партнером в этой игре, и австрийцы соответственно с этим определили отношение к нему.

Суворовский план кампании против могущественного противника отличался исключительной глубиной и целеустремленностью и может служить прекрасным образцом его стратегии. Австрийский император ставил перед ним задачу обезопасить австрийские владения в Италии и территорию самой Австрии. Но Суворов смотрел на предстоящую кампанию иначе: как на необходимый первый этап борьбы, как на подготовку решительного удара, который должен перенести военные действия к берегам Сены. Суворов имел в виду организовать в дальнейшем общее наступление на Францию и привел в соответствие с этой главной своей идеей все мероприятия. Наступление в Италии должно было отвлечь силы неприятеля из Швейцарии и из долины Рейна и тем содействовать активности союзников на этих театрах войны. Исходя из этого, Суворов выбрал главное операционное направление на Брешию – Милан: захват Милана означал перерыв сообщений между французскими армиями, действовавшими в Италии и в Швейцарии; Суворов же устанавливал связь с рейнской и швейцарской группировками австрийцев (в Швейцарии имелся русский корпус) и одновременно приближался к Савойе, через которую он намеревался совершить вторжение во Францию.

Наконец все процедуры были проделаны, и после

десятидневного пребывания в Вене старый фельдмаршал выехал в действующую армию.

* * *

В итальянской армии насчитывалось 66 тысяч австрийцев и 17 800 русских: 14 200 человек пехоты, 2 800 казаков и 800 артиллеристов (впоследствии к ним еще прибавился русский десятитысячный корпус Ребиндера). Австрийцами командовал генерал Мелас. Командирами дивизий были: Вукасович, Отт, Цопф, Фрелих, Гогенцоллерн и Кейм.

Французов было около 90 тысяч;[111] римской и неаполитанской армиями французов командовал даровитый Макдональд; во главе североитальянской армии стоял нелюбимый солдатами, неспособный и дряхлый генерал Шерер с 28 тысячами человек. Впрочем, этот Шерер в марте 1799 года наголову разбил Меласа, потерявшего при этом 20 тысяч человек.

Суворов быстро приближался к фронту, обгоняя по пути колонны войск. То и дело он вздыхал и корчил гримасы: это были не его стремительные отряды. Бесконечные обозы плелись в хвосте русских полков: многие офицеры везли с собой жен, вместо денщиков – целые штаты дворни; иные вели даже своры борзых для охоты.

С появлением Суворова все преобразилось, как по мановению волшебного жезла. Медленное продвижение сменилось быстрыми маршами; за 18 дней войска сделали 520 верст, совершая иногда переходы по 60 верст в сутки. Истоптанная в предыдущих переходах обувь развалилась; многие офицеры и солдаты шли босиком. Тех, кто не выдерживал марша, везли на повозках, Суворов приказал снять введенные Павлом букли и искусственные косы; и солдаты с наслаждением подставляли южному солнцу свои природные шевелюры.

Австрийцы должны были соблюдать такой же походный режим, но им это оказалось невмоготу. День за днем они отставали от задаваемой Суворовым нормы, а он упрямо назначал новый переход, исходя не из фактического местонахождения австрийских войск, а из того, в каком они находились бы, если бы выдерживали темп марша.

Австрийцы всячески выражали свое недовольство,[112] но фельдмаршал с завидным хладнокровием парировал все жалобы словами «унтеркунфт» и «бештимтзагеры» (также «нихтбе–

штимтзагеры»). Первое слово от «Unterkunft» – удобная квартира – обозначало тяготение к комфорту, к уютному уголку; второе возникло так: на вопрос Суворова, сколько австрийских батальонов присоединилось к русским, австрийский адъютант ответил «Ich kann nicht bestimmt sagen» («Не могу точно сказать»). После этого Суворов окрестил «нихтбе– штимтзагерами» «немогузнаек» в австрийской армии.

Суворов, в свою очередь, был недоволен австрийцами, так как они явно не могли удовлетворить предъявлявшимся им суровым военным требованиям.

Перспективы взаимоотношений для союзников были неблагоприятны.

В начале апреля войска, не встречая сопротивления, подошли к Вероне. Как и повсюду в Италии, веронцы делились на два лагеря: малоимущие классы населения симпатизировали республиканцам, богатые горожане, духовенство и знать сочувствовали союзникам. Вначале большинство итальянцев явно тяготело к Франции, но «безмерные грабежи французов и всяческие с их стороны насилия» охладили их пыл.

Когда разнесся слух о приближении Суворова, экзальтированные веронцы вышли ему навстречу. Люди выпрягли лошадей из его кареты и сами везли его в город. Верона была украшена цветами, вечером зажгли иллюминацию.

Здесь состоялась церемония принятия Суворовым верховного командования армий. Генерал Розенберг торжественно представил ему всех русских и некоторых австрийских начальников. Суворов приветливо обошелся с известными ему командирами, обласкал молодого Милорадовича, которого знавал еще ребенком, а князя Багратиона горячо расцеловал.

Перечислив все фамилии, Розенберг умолк. Блестящая толпа русских и австрийских генералов с интересом ждала, что скажет им новый главнокомандующий. Суворов большими шагами ходил из угла в угол. Потом он начал, как бы не замечая присутствующих, произносить отрывистые слова:

– Субординация! Экзерциция! Военный шаг – аршин! В захождении – полтора! Голова хвоста не ждет! Внезапно, как снег на голову! Пуля бьет в полчеловека. Стреляй редко, да метко! Штыком коли крепко! Мы пришли бить безбожных ветреных фрацузишков. Они воюют колоннами, и мы их бить будем колоннами! Жителей не обижай! Просящего пощады помилуй!

Так он высказал свой катехизис и затем, круто остановившись, потребовал у Розенберга «два полчка пехоты и два полчка казачков». Розенберг с недоумением ответил, что вся армия подчинена своему главнокомандующему. Суворов

страдальчески поморщился, но тут выступил Багратион и доложил, что его отряд готов к выступлению.

– Так ступай же, князь Петр, – напутствовал его Суворов.

Через полчаса авангард под командой Багратиона уже выступал из Вероны.

Питт называл войны эпохи французской буржуазной революции «борьбою вооруженных мнений». Французские прокламации, возвещавшие о новом социальном порядке, были часто действительнее пушек. Австрийцам нечего было противопоставить революционным лозунгам. Однако Суворов издал к населению прокламацию, начинавшуюся словами: «Восстаньте, народы Италии!» В воззвании указывалось на поборы и насилия французов, на тяжкие налоги и реквизиции. Оно соответствовало моменту – французы в это время отступали, и население повсеместно провожало их партизанскими налетами.

На следующий день после выступления Багратиона Суворов также покинул Верону и 15 апреля[113] прибыл в город Валеджио.

В распоряжении Суворова находилось в это время 55 тысяч австрийцев; русские войска еще не дошли до Валеджио. Преследования французов, в сущности, не велось; речь шла лишь о том, предпринимать ли немедленное новое наступление. Суворов решил дождаться сперва хотя бы части русского корпуса и приучить пока австрийцев к новым для них приемам боя. В австрийские полки были командированы русские инструкторы для обучения штыковой атаке; была разослана специальная инструкция, продиктованная Суворовым, на немецком языке.

Инструкция эта – свежий порыв ветра в рутине тогдашних военных правил. Однако Мелас и его сподвижники не могли и не хотели понять ее, как и вообще критиковали все распоряжения русского полководца. Они называли «глупостями» обучение австрийцев, возмущались преподанной им инструкцией, в которой им были непонятны и лаконичный слог Суворова и смысл его указаний. «Неприятеля везде атаковать! Что это за стратегия?» иронизировал один генерал. Оскорбленные тем, что приезжий «неуч» взялся их учить, австрийцы наперебой издевались втихомолку над инструкцией, называли ее «бредом сумасшедшего», «смесью ума и глупости» и т. п. Во всем этом чувствовалась непрерывно возраставшая неприязнь и попросту зависть к Суворову. Даже барон Тугут понимал это. В одном доверительном письме он сообщал: «Меня уверяют, что в нашем военном совете распространена такая зависть к русскому полководцу, что она повлияла на множество лиц в армии».

Положение Суворова делалось с каждым днем все более сложным. В его войсках австрийцы составляли 80 процентов. Он

не обладал терпением и ловкостью, чтобы сглаживать острые углы, и при своей болезненной впечатлительности остро воспринимал каждое проявление австрийцами недоброжелательства.

Суворов разъяснил Меласу свой план действия, сводившийся к тому, чтобы энергично нажимать на французские армии, оставив заслоны против крепостей. Мелас подчинился ему. Правда, при этом он не преминул скептически заметить– Знаю, что вы – генерал Вперед.

– Полно, папаша Мелас, – возразил фельдмаршал, – «вперед» мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь.

Тем временем к Валеджио подошли 11 тысяч русских, и 19 апреля началось общее наступление.

Оставив заслоны против крепостей Мантуи и Пескьерро и отрядив небольшие части для демонстрации и для угрозы французским флангам, Суворов с главными силами (29 тысяч австрийцев и 11 тысяч русских) двинулся в глубь Италии, к Милану.

Французы поспешно отступали, бросая артиллерию и портя дороги; в крепостях они оставляли незначительные гарнизоны. Первым таким пунктом была Брешия, где заперлись 1260 французов. Понимая моральную важность первого столкновения, Суворов назначил 15 тысяч человек для штурма Брешии, но комендант, видя безнадёжность сопротивления, сдался.

Наступление продолжалось с неослабеваемой быстротой. Австрийцы с непривычки сотнями валились с ног, кляли судьбу и русского полководца. После перехода через одну реку под проливным дождем ропот охватил все слои австрийской армии, и сам Мелас присоединился к нему. Железный характер Суворова не изменил ему. Меласу было отправлено письмо: «До моего сведения дошли жалобы на то, что пехота промочила ноги, – начиналось оно, заканчивалось же следующим образом: – У кого здоровье плохо, тот пусть остается позади… Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают». Австрийцы смирились, но после этого инцидента стало еще яснее, что Суворову нужно вести борьбу на два фронта: сражаться с французами и преодолевать скрытое сопротивление австрийского командования.

25 апреля войска подошли к реке Адде, важной естественной преграде на пути к Милану, и Суворов увидел, что французы намерены оборонять ее.

Несмотря на сравнительную малочисленность своих сил, Шерер решил использовать крутизну берегов и ширину реки Адды, чтобы задержать здесь противника вплоть до прибытия

подкреплений. Однако он не сумел организовать оборону. Он разбросал свои силы на протяжении 100 километров; они стояли редкой цепочкой и нигде не могли оказать серьезного сопротивления.

Суворов предпринял активные действия сразу в нескольких пунктах на широком фронте. Это был совершенно новый по тому времени тактический прием, далеко опередивший представления военной науки не только суворовской, но и наполеоновской эпохи. Местом переправы для главной атаки он избрал Сен-Джервазио, приказав наводить здесь мосты. Однако, чтобы не дать французам разгадать план, он велел наводить мосты еще в двух пунктах: у Лоди и у Лекко, отстоявших один от другого на 50 километров.

Мост у Сен-Джервазио был вскоре готов, несмотря на проливной дождь, мешавший работе. Однако переправу пришлось отложить: у Лекко отряд Багратиона встретил неожиданно крупные силы французов и попал в затруднительное положение. Город дважды переходил из рук в руки. Месяц спустя Суворов писал об этом бое: «При Лекко чуть было мою печонку не проглотили». После упорного боя французы были отбиты, а переброска туда Шерером резервов еще более обнажила его позиции в центре, у Сен-Джервазио.

В 5 часов утра следующего дня началась переправа. В самый момент ее было получено от лазутчиков известие, что Шерер смещен и на его место назначен один из известнейших и образованнейших французских генералов, тридцатипятилетний Моро. Суворов улыбнулся, когда ему донесли об этом.

– Мало славы было бы разбить шарлатана, – громко произнес он, – лавры, которые мы похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть.

Моро немедленно начал стягивать свои разбросанные войска, но было уже поздно. Французам нужны были сутки на перегруппировку, но этих суток Суворов им не дал. Донской атаман Денисов с казачьими сотнями и венгерскими гусарами быстро переправился через реку, обеспечив развертывание пехоты. Французы храбро дрались, но в это время у них в тылу загремела канонада: Мелас взял предмостные укрепления через Адду и Кассано.

Достойно упоминания, что в сражении на Адде русские полки почти не принимали участия: будучи уверен в успехе благодаря численному превосходству, Суворов желал сберечь цвет своей армии; к тому же ему хотелось посмотреть, чего стоят австрийцы. Впрочем, для преодоления упорной обороны противника у Лекко пришлось двинуть отряд под командой Багратиона, а дивизии

Фрелиха и Кейма дрались очень вяло, что и позволило французам избежать полного окружения.

Суворов, повидимому, лично появлялся в бою, и его присутствие электризующим образом действовало на австрийцев. «В источниках не говорится, присутствовал ли сам Суворов на этом пункте, – пишет Клаузевиц про один из эпизодов битвы, – но это весьма вероятно, и этим можно объяснить необычайную энергию этой атаки».[114] Что касается Суворова, то он говорил: «Здесь при мне и немцы хорошо воюют».

Оказавшись между двух огней, французы начали поспешно отступать. Однако момент для отступления был уже упущен. Одна французская дивизия под командой генерала Серрюрье была окружена и сложила оружие. Здесь было взято в плен 200 офицеров и 2750 нижних чинов при 6 пушках. Потери французов составили около двух с половиной тысяч человек убитыми и ранеными и пять тысяч пленными; потери союзников – около двух тысяч человек. Путь на Милан был открыт.

Суворов с обычной приветливостью обошелся с пленными: 250 офицеров были отпущены во Францию под честное слово, что не примут более участия в войне. Генералу Серрюрье Суворов вернул шпагу, сделав коварный комплимент, что не может лишить шпаги того, кто так искусно владеет ею. (Серрюрье не выставил на занятой им позиции даже постов наблюдения: он понадеялся на то, что русские не будут наступать на этом участке, так как берег был здесь очень крутой и спускать понтоны весьма трудно.)

Суррюрье нахохлился и пустился в доказательства чрезмерной рискованности суворовской атаки.

– Что ж делать, – вздохнул фельдмаршал, – мы, русские, уж так воюем: не штыком, так кулаком. Я еще из лучших.

29 апреля состоялся торжественный въезд в Милан. Снова овации, цветы и рукоплескания пылких итальянских обывателей, за три года перед этим (и год спустя) с таким же энтузиазмом встречавших Бонапарта.

Обе армии получили щедрые награды. Австрийцы начали подумывать, что с их чудаковатым главнокомандующим можно ужиться. Мелас на Милаской площади захотел облобызать победоносного вождя, но потерял равновесие и, к общему конфузу, свалился с лошади.

Кажется, только один человек был недоволен положением дел – сам Суворов. Форсирование Адды при двойном численном перевесе не было в его глазах особенной победой.

Главное же – победа не была использована. Чуть ли не впервые в жизни, он не преследовал разбитого противника,

позволив ему зализать раны. Он сделал это оттого, что русских войск там почти не было, австрийцы же были страшно утомлены сражением на Адде. У них не было еще нужной закалки; «выучить мне своих неколи было», с сожалением писал он в Вену русскому послу Разумовскому. Впрочем, Суворов признавал, что австрийцы «подтянулись». Князю Эстергази он заявил: «передайте императору, что я войсками его величества очень доволен. Они дерутся почти так же хорошо, как русские». Князю было не очень приятно слышать это «почти».

Австрийцы под шумок принялись вводить в Милане свои порядки, и старый фельдмаршал с горечью видел, как его именем прикрывают действия, не вызывающие в нем никакого сочувствия. Генерал Мелас именем австрийского правительства обезоружил национальную миланскую гвардию, запретил ношение мундира уничтоженной Цизальпинской республики, ввел снова в обращение банкноты венского банка – словом, выказывал твердое намерение целиком восстановить старые феодальные порядки и вновь присоединить к Австрии отторгнутую от нее по Кампо-Формийскому договору 1797 года Ломбардию.

Такие действия австрийцев вызвали резкое недовольство населения. Между тем популярность Суворова не ослабевала. Он уважал национальные обычаи, да и личное поведение его нравилось миланцам: он интересовался городом, с уважением отнесся к памятникам искусства и к духовенству. Вообще в этот период он как бы даже щеголял религиозностью. Это не помешало ему, впрочем, при встрече с одним католическим священником сперва смиренно поцеловать ему руку, а потом велеть дать ему пятьдесят палок вследствие жалоб местного населения.

* * *

Итак, можно было подводить первые итоги: за десять дней Суворов прошел 100 верст, выиграл сражение, завоевал Ломбардию. «Русский Аннибал избавляет Италию с такой же скоростию, как наказывал карфагенский» – метко выразился П. В. Завадовский.

План гофкригсрата – дойти в конце кампании до реки Адды – был уже превышен. Барон Тугут недаром писал: «Нам могут поставить в упрек, что до прибытия Суворова мы испытывали лишь поражения, а с ним имели только успех». Но Суворов

мечтал о походе на Париж, и первой предпосылкой этого похода было недостигнутое еще уничтожение французских армий в Италии.

Перед ним был торопливо отступавший Моро; из средней Италии приближалась свежая сорокатысячная армия Макдональда; в тылу остались сильные французские крепости. Против кого обрушить главные силы? Гофкригсрат назойливо слал инструкции с требованием во что бы то ни стало взять крепости. Вопреки этому, Суворов устремился навстречу полевой армии противника, но отделил больше половины войск для осадных действий.

Военные историки, приписывающие Суворову «скептическое» отношение к роли крепостей, ссылаются на одно высказывание, найденное в его заметках: «Нет земли на севере, которая бы так усеяна была крепостями, как Италия; и нет опять земли, которая бы, по истории, была так часто завоевана». Но полководец хотел этими словами дашь подчеркнуть, что нельзя слишком полагаться на крепости, что нельзя заведомо обречь себя на пассивность. А то, что овладение крепостью – если оно сочетается с активными действиями полевой армии и позволит в дальнейшем создать еще одну точку опоры в общем развитии наступательных действий – является несомненным успехом, это вытекает из многих недвусмысленных личных заявлений Суворова.

Так, в связи со взятием Пескиеры он писал 29 апреля императору Павлу: «сим завоеванием мы господа на озере ди–Гардо и над коммуникациями…», по поводу Тортоны: «маркиз Шателер овладел крепостью Тортоной, ключей Пиемонта»; в мае Суворов доносит австрийскому императору о взятии крепости Иврея в таких выражениях: «крепость сия обеспечивает для нас долину Аостскую»; о Мантуе он писал, что эта крепость «толико важна» для операций, и т. д. и т. д.

Нельзя упускать из виду и того, что, завоевывая крепости, Суворов захватывал большие запасы орудия и продовольствия (а это было очень важно). В одном Турине было захвачено 959 пушек, 60 000 ружей и т. д. Всего было взято в крепостях 2 000 пушек и «знатное количество амуниции, артиллерийских зарядов и пороху».

Однако придавая большое значение ликвидации неприятельских крепостей, Суворов далеко не все их использовал в своих целях. Стремясь свести к минимуму утечку сил из операционной армии, он занимал гарнизонами не все крепости (некоторые он приказывал взрывать), самые же гарнизоны назначал очень небольшие. Тем самым он возлагал на них функции чисто пассивной обороны, оставляя зато больше

возможностей для полевой, операционной армии. По большей части гарнизон назначался из нескольких сот человек (в Милан – батальон, в Пьяченцу – 6 рот, в Пичигетону – батальон и т. п.), и только в Турин было назначено 8 000 да в Мантую 5 000 человек.

Таким образом, общее уменьшение численности полевой армии не было особенно велико (примерно 15 %). Количество же опорных пунктов было очень большим. Пункты эти выбирались чрезвычайно умело; достаточно указать на то, что Суворов дважды требовал серьезного укрепления форта Бард (на путях, ведущих из Швейцарии в Италию), а годом позже этот форт своим упорным сопротивлением едва не сорвал всего наполеоновского замысла (уже после блестящего перехода Наполеона через Альпы).

Проведя два дня в Милане, он выступил с армией всего в 36 тысяч человек. Зато половину их составляли русские дивизии, которых так нетерпеливо ждал фельдмаршал и которые отстали отчасти из-за позднего выступления из России, отчасти из-за нераспорядительности австрийского интендантства. («Задние российские войска еще к нам не поспели, – сообщал Суворов, – но еще и тут мешает провиант по томным здешним обычаям».)

Суворов принял решение воспрепятствовать соединению Макдональда с Моро, обрушившись на первого из них, как на наиболее опасного. Во исполнение этого плана войска двинулись к реке По, в направлении на Пьяченцу.

Во время марша к По обнаружилось обстоятельство, многократно сказывавшееся потом в этой кампании, – слабость разведки. Несмотря на преимущество в коннице, союзники не умели наладить правильной рекогносцировки, что отчасти объяснялось незнакомством казаков со страной и ненадежной позицией населения. Изо дня в день приходили самые разноречивые слухи о передвижениях французов. Сообщили, что они оставили важную крепость Тортону; фельдмаршал двинул туда войска, но в Тортоне оказались французы. Затем выяснилось, что Макдональд вообще не выступал из Средней Италии, а Моро между тем искусным маршем занял сильную позицию на линии Валенца – Алессандрия, грозя тылу союзников в случае их движения против Макдональда; Суворов изменил план и повернул на Моро. Ему донесли, что Валенца очищена; он послал туда Розенберга, но известие оказалось ложным.

Окружавшие Суворова трудности усугубились еще тем, что некоторые русские генералы стали проявлять непослушание; между тем французы были не такие противники, с которыми можно было безнаказанно позволить себе опрометчивые действия. Узнав, что Валенца занята французами, Суворов

приказал Розенбергу срочно отступать. «Жребий Валенции предоставим будущему времени… наивозможнейше спешить денно и нощно». Но в отряде Розенберга находился только что прибывший молодой великий князь Константин Павлович. Он упрекнул Розенберга в трусости; тот не стерпел, устремился к Валенце, занял деревню Бассияньо, но тут был встречен превосходящими силами французов и отступил в беспорядке, потеряв 1 250 человек и 2 орудия.

Поведение Розенберга было преступной ошибкой. Суворов рвал и метал. Он двинул почти все свои войска на помощь Розенбергу, одновременно еще раз предписал тому как можно скорее отступить; на этом приказе он собственноручно сделал пометку: «не теряя ни минуты, немедленно сие исполнить, или под военный суд».

Павел I прислал великого князя Константина и вскоре вслед за тем Аркадия Суворова, чтобы «учились побеждать врагов». С великим князем приехал Дерфельден, имевший поручение заменить Суворова в случае его смерти и ставший правой рукой главнокомандующего. В записках генерал-адъютанта Комаровского, проживавшего тогда в Вене, содержится следующее любопытное воспоминание: «Лишь только граф Суворов приехал к армии, как начались победы; всякий день бюллетень объявлял о каком-нибудь выигрышном сражении, так что граф Дерфельден сказал мне: „Надобно просить великого князя ехать поскорее к армии, а то мы ничего не застанем; я знаю графа Суворова, теперь уже он не остановится“.

После неудачного дела при Бассиньяно, Суворов вызвал к себе великого князя. Когда тот приехал, фельдмаршал встретил его с низкими поклонами, затем уединился с ним в кабинете; князь вышел оттуда с красным лицом и заплаканными глазами и тотчас уехал; больше он не пытался вмешиваться в распоряжения главнокомандующего. Суворов проводил его с теми же низкими поклонами, но, проходя мимо офицеров его свиты, обругал их мальчишками.

А. В. Суворов.

Через неделю после Бассиньяно произошло новое столкновение с французами, на этот раз по инициативе Моро, который, в свою очередь, не имел точных сведений и хотел выяснить обстановку. Дивизия австрийских войск была атакована близ Маренго; случившийся поблизости Багратион бросился на выстрелы, пристроился к флангам австрийцев и помог отразить неприятеля. Однако успех не был развит, и если Бассиньяно могло печальнее кончиться для русских, то под Маренго дешево отделались французы. Суворов опять не присутствовал на месте боя. Прискакав туда уже по окончании битвы и ознакомившись с происшедшим, он с досадой заметил:

– Упустили неприятеля!

Убедившись, что перед ним главные силы союзников, Моро решил отойти в Генуэзскую Ривьеру. Суворов не последовал прямо за ним; он свернул к столице Пьемонта – Турину. Этим он рассчитывал отрезать Моро от возможных подкреплений из

Швейцарии и Савойи, поднять восстание во всем Пьемонте и обеспечить себе опорный пункт для наступления на Ривьеру. Вместе с тем захват Турина передавал в его руки огромные военные запасы.

Марш к Турину происходил в трудных условиях. Немилосердно пекло солнце. Люди шли в пыли, обливаясь потом, терпя недостаток в воде. Суворов то обгонял колонны, то снова останавливался, пропуская их мимо себя и находя для каждой роты ободряющее приветствие. Он приказал шедшим во главе рот офицерам громко твердить двенадцать французских слов, которые обязал солдат выучить; чтобы лучше слышать, солдаты вынуждены были подтягиваться к головному офицеру.

27 мая союзные войска вступили в Турин. Французский гарнизон под командой решительного Фьооелли заперся в цитадели и начал обстреливать город. Суворов пристыдил Фьорелли, передал, что не зазорно, если несколько сот человек уступят целой армии, и в заключение пригрозил, если будет продолжаться бесцельный обстрел мирного населения, вывести на городскую эспланаду под огонь цитадели французских пленных. После коротких переговоров французы прекратили бомбардировку.

Занятие Турина вполне отвечало желаниям Австрии, и фельдмаршал надеялся этим актом улучшить свои отношения с союзниками. Но случилось обратное, Суворов объявил восстановленным Сардинское королевство, а это нимало не соответствовало видам австрийского правительства, алчность которого пробуждалась по мере военных успехов. Фельдмаршалу было в резкой форме сообщено, что его компетенция – только военные вопросы, а устроение завоеванных областей принадлежит австрийцам.

Суворов оказался в таком же положении, как в Польше в 1794 году, но на этот раз его разочарование было еще острее. Итак, все, что он совершает, имеет своим результатом удовлетворение аппетита австрийцев. В первую минуту у него мелькнула даже мысль возвратиться в Россию. Около этого времени он пишет в Вену Разумовскому: «Во мне здесь нужды нет, и я ныне же желаю домой». Но потом он подчинился. Жаловаться Павлу было– бесполезно; Суворов изливал душу в письмах к Разумовскому, указывал, что распущенная австрийцами пьемонтская народная армия могла бы составить 40 тысяч человек, что Вена вновь диктует ему «методические» планы кампании и т. д. Одно из писем заканчивается буквально стоном: «Спасителя ради, не мешайте мне». С этого времени в отношениях Суворова с австрийцами наступило резкое ухудшение.

В письме к А.Г. Розенбергу от 2 июня 1799 года находим такие строки: «…Слава и честь вверенного мне войска для меня священнее, и все замыслы Тугута не вовлекут меня в расставленные им сети».

Далее в этом письме Суворов напоминает о том, что принц Кобургский находился у него «в полном послушании», и благодаря этому были достигнуты победы при Фокшанах и Рымнике. И если уж ныне он призван командовать австрийскими армиями, то следует подчинить ему и эрцгерцога Карла: «отнюдь не из амбиции, которой я 70 лет чужд, но по поводу общаго блага и моей зрелой практики».

Письмо это очень интересно. Объединение в руках Суворова командования австрийскими армиями в Италии и Швейцарии имело бы громадное значение и, в частности, предотвратило бы неудачу в Швейцарии. Видимо, Суворов страстно желал осуществления этого плана. «Иначе, по силе моей (то есть несмотря на мою силу. – *К. О.)* долго или навсегда я мертвый капитал», восклицал он в этом же письме.

Суворов прервал наступательные операции впредь до прибытия подкреплений и провел несколько недель в Турине, укрепляя дисциплину в войсках.

Он хотел, чтобы репутация русского солдата стояла на высоте. Однажды к фельдмаршалу явился немец-офицер с пакетом от Ушакова. В разговоре он употребил выражение: «Господин адмирал фон Ушаков».

– Возьми себе свое «фон»! – вскричал с гневом Суворов. – Раздавай его, кому хочешь. А победителя турецкого флота, потрясшего Дарданеллы, называй Федор Федорович Ушаков.[115]

Приблизительно в это же время ему довелось узнать, что один из его офицеров не умеет писать по-русски.

– Стыдно, – покачал он головой, – но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски.

Вообще национальное чувство в Суворове было исключительно сильно. Он неоднократно цитировал слова Петра I: «Природа произвела Россию только одну. Она соперницы не имеет».

Особенно же высокого мнения был Суворов о русской военной силе. «Российское оружие – оружие Зевса», писал он.

XIII. Итальянская кампания. Треббия, Нови

Наконец подошли подкрепления: пятнадцатитысячный австрийский корпус генерала Бельгарда. Суворов вручил ему предписание, начинавшееся словами: «Деятельность есть вернейшее из всех достоинств воинских». Багратиону было приказано обучить вновь пришедших «таинству побиения неприятеля холодным ружьем». Начальникам отрядов Суворов дал характерное указание: «Известия суть троеобразные: первые – справедливые, вторые – сомнительные, третьи – ложные. В рапортовании оных означивать свою мысль и осторожную догадку, совет и намерение, не оставляя доносить и о ложных, ибо они иногда обращаются в справедливые, токмо что в рапортовании оных их ясно различать».

Наступала нора новых операций. Показания разведчиков я перехваченные письма свидетельствовали, что Макдональд переправляет свою армию морем в Геную, чтобы оттуда двинуться на Турин; поэтому Суворов отложил наступление на Генуэзскую Ривьеру. Но оказалось, что армия Макдональда движется к Модене, угрожая австрийскому корпусу, осаждавшему Мантую.

Выдвинув пятнадцатитысячный заслон против Моро, о «устремился навстречу Макдональду, приказав генералу Краю, осаждавшему Мантую, оставить там незначительный отряд и го всеми частями спешить к нему на соединение. В ответ на это Край прислал копию распоряжения гофкригсрата, запрещавшего ему снимать хотя бы одного солдата из-под Мантуи. Это было похоже на удар грома с безоблачного неба: в самую критическую минуту Суворов оказался, несмотря на общее численное превосходство союзников, слабее Макдональда.

Стиснув зубы, прочитал фельдмаршал ответ Края. Теперь поздно было пререкаться: Макдональд после блестящего марша, пройдя за неделю 230 верст, перевалив при этом через горный хребет и выдержав сражение, обрушился на австрийцев и, оттеснив их, шел на соединение с Моро (соединение их намечалось в Тортоне). Все достигнутые Суворовым результаты повисли на волоске.

Присутствие духа ни на один миг не покинуло Суворова. В 10 часов вечера 15 июня он выступил из Алессандрии. Войска были утомлены только что проделанным форсированным переходом из Турина, когда за сутки было сделано 50 верст по размытым дорогам (этот переход удостоился даже специального

благодарственного приказа фельдмаршала), но теперь нужна была не меньшая быстрота. Утром 17 июня Суворов с главными силами прибыл в Страделлу. Полки расположились на отдых. Вдруг прискакал на взмыленной лошади курьер: узнав о движении Суворова, Макдональд решил уничтожить до его прибытия авангард союзников – пятитысячный австрийский корпус генерала Отта. Бой был в полном разгаре, и Ott сообщал, что дела его плохи. Гибель авангарда могла привести в замешательство всю армию. Надо было спешить. Выслав вперед Меласа с трехтысячным отрядом, фельдмаршал через несколько часов поднял и остальные войска.

Истомленные невиданными переходами последней недели, солдаты с трудом передвигали израненные ноги. Раскаленное солнце палило землю. Люди мечтали о глотке воды, о минутном отдыхе под тенью одинокого деревца. Множество отставших обозначало след армии.

Суворов помнил одно: надо спешить! Неизменно бодрый, он в сопровождении ординарца разъезжал между колоннами, ирося, требуя:

– Скорее! Скорее!

Вот когда подверглась суровому испытанию его теория, что для солдата нет невозможного. Но испытание было выдержано. Солдаты не шли, а бежали. Словно исступление овладело всеми. Те, кто не выдерживал этого безумного бега при пятидесятиградусной жаре, падали, отползали в сторону от дороги, потом, отдышавшись, продолжали бежать.[116]

Примчался новый гонец – войска Отта еле держатся у Сан-Джиовано.

Отряду Отта и в самом деле приходилось очень нелегко; и то, что он оказывал столь упорное сопротивление превосходящим силам французов, должно быть поставлено ему в большую заслугу. Небезынтересно привести отзыв Клаузевица по этому поводу: «Австрийцы держались из страха перед Суворовым. Таким образом, гений Суворова уже в этот момент начал оказывать влияние на битву».

Суворов принял новое решение: передав командование великому князю, он взял 4 казачьих полка и 2 полка австрийских драгун и поскакал с ними вперед. Ему сопутствовал Багратион.

Около 4 часов дня высланный Макдональдом польский корпус Домбровского обошел австрийцев. В этот решительный момент примчался Суворов «с ураганом коней и пыли и лесом копий». Одного взгляда на поле битвы было ему достаточно, чтобы оценить обстановку. 4 конных полка ударили на поляков, 2 других – на противоположный фланг французов.

Вот как описывает один историк (Н. Орлов) последовавшие события: «В первый раз войска Макдональда увидели наших донцов… Между тем как австрийские драгуны опрокидывают неприятельскую кавалерию, казаки облетают левый фланг Домбровского, с криком и визгом бросаются врассыпную на польскую пехоту и приводят ее в совершенное замешательство. Около четырех часов подошла и пехота. По приказанию Суворова два гренадерских батальона направлены на подкрепление левого фланга Отта; остальные начали постепенно пристраиваться вправо, в промежутке между австрийской пехотой и казаками. Тогда Суворов приказал всем войскам произвести общую атаку… Пехота, взяв ружья на руку, двинулась с барабанным боем и музыкой. Русские шли с песнями. Суворов разъезжал по фронту и повторял:

– Вперед! Вперед! Коли, руби!»

Цель атаки сводилась к тому, чтобы задержать противника, выиграть время, пока подойдет пехота. Эта цель была достигнута. Поляки были опрокинуты, французы, впервые увидевшие русских донцов, подались назад.

Через час стали прибывать отдельными группами русские полки. Суворов приказал Багратиону немедленно атаковать ими. Тот просил повременить хоть час, указывая, что в ротах нет еще и по 40 человек, но Суворов не согласился с ним: он помнил, что теперь все дело в том, чтобы не выпускать инициативы и тем сорвать общую атаку противника, отразить которую было бы при данном соотношении сил невозможно.

Началась атака, в которую постепенно, по мере прибытия, вливались русские войска. В течение всего дня численный перевес оставался на стороне неприятеля: 19 тысяч против 12–15 тысяч. Однако к 9 часам вечера Макдональд был отброшен я отошел на 7 верст, до речки Треббии. Битва утихла.

Своим изумительным переходом – 80 верст за 36 часов – и немедленным решительным вступлением в бой Суворов разрушил планы Макдональда. Однако тот решил принять утром новый бой: он рассчитывал, что двигавшийся на соединение с ним Моро подойдет к Треббии, и армия союзников окажется между двух огней. Через сутки к нему должны были подойти подкрепления – дивизия Оливье и Монришара. Он намеревался дождаться их и 19 июня атаковать Суворова.

Однако русский полководец предупредил его – он сам атаковал французов 18 июня.

Наступление было назначено на 7 часов, но полное изнеможение солдат заставило Суворова отложить его до 10 часов.

Задуманный им план сражения заключался в ударе на левый фланг французов, где Суворов гениально усмотрел решающий участок позиции. Опрокидывая левый фланг, Суворов прижимал французов к реке По и отрезал их от Моро.

Таким образом, несмотря на численный перевес неприятеля, Суворов и здесь преследовал решительную цель: уничтожить армию Макдональда.

На этом участке, размером в 3 километра, атаку должна была вести 21 тысяча человек, в то время как второстепенный участок протяжением в 6 километров был поручен Отту с 6 тысячами человек.

В диспозиции к бою имелись чисто суворовские слова: «Не употреблять команды; „стой!“ Это не на ученье, а в сражении. Атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка».

В приказе Суворова имелось такое предписание: «если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросить оружие». Даже перед отчаянным боем с храбрым противником Суворова не покинула его всегдашняя гуманность.

Сочетая, как всегда, смелость замысла с осторожностью и предусмотрительностью в выполнении, Суворов выслал отряд занять пункт Боббио, чтобы не допустить движения противника вдоль реки Треббии (на север). Это распоряжение является образцом предусмотрительности, так как никаких данных о намерении французов предпринять подобное движение Суворов не имел.

Итак, все приготовления были сделаны.

Бой начался атакой казачьей лавы. После жестокой рубки противник, потеряв 600 человек, отступил. Но подошедшие французские части удержали фронт. Положение французов облегчалось пересеченным характером местности, затруднявшим наступательные операции. Единственным открытым местом было русло реки Треббии, которая совершенно обмелела, так что вода доходила людям только по щиколотку. В этом русле происходило много жарких стычек.

В середине дня к Макдональду неожиданно подошли ожидавшиеся им только на другой день подкрепления. Теперь французов стало в полтора раза больше, чем союзников. На своем левом фланге французы сосредоточили 16 батальонов против 11 русских. Тем не менее Багратион сбил их с позиции и заставил податься назад. Если бы подоспел резерв, противник был бы разгромлен. Но Мелас, начавший бой только в 5 часов вечера, удержал резервную дивизию Фрейлиха; и хотя к вечеру французы отступили на всех пунктах, они нигде не потеряли боеспособности. «Мелас, будучи человеком старым и боязливым,

всегда считал наиболее угрожаемым тот пункт, на котором он сам находился», говорит по этому поводу Клаузевиц.

Суворов оставил в силе прежнюю диспозицию. Двойственность его положения на посту главнокомандующего не позволила ему сменить Меласа, и он ограничился подтверждением ему приказания немедленно перевести резервную дивизию.

На следующий день Макдональд первым начал атаку, пытаясь охватить фланги союзников. Он ждал, что в тылу у них с часу на час появится Моро. Искусным распределением сил он достиг того, что на всех участках его войска имели численное преимущество.

Багратион стремительно ударил на обходивший правое русское крыло корпус Домбровского и рассеял его. Третье подряд поражение настолько деморализовало поляков, что они отступили за Треббию и больше не принимали участия в сражении.

Но пока войска Багратиона дрались с поляками, французские дивизии Виктора и Руска ворвались в образовавшийся просвет в русском расположении и, пользуясь четверным превосходством сил, стали теснить русские полки (дивизию Швейковского). Окруженные со всех сторон, не знавшие никогда «ретирады», солдаты дрались с бешенством отчаяния. Один гренадерский полк, зажатый в железное кольцо, повернул третью шеренгу кругом и отстреливался во все стороны. Французы ничего не могли поделать с ним, и в конце концов полк пробился из окружения. Солдаты медленно отступали, но то и дело, увлекаемые примером какого-нибудь смельчака, кидались в штыки. Трудно было понять, какая сторона является отступающей в этом вихре ярости и самоотверженного мужества.

Французы были достойными противниками. Презирая смерть, они бросались в атаки, и шаг за шагом продвигались вперед. Командовавший правым русским флангом Розенберг послал сказать, что дальнейшее сопротивление невозможно. Прибывшему офицеру Суворов указал на громадный камень, подле которого он прилег:

– Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Так же невозможно отступление.

Возвратившиеся части Багратиона ослабили остроту положения, но неравенство сил было чересчур заметным. Багратион лично прискакал с рапортом о необходимости отхода.

– Нехорошо, князь Петр, – тихо сказал Суворов.

Встав на ноги, он потребовал лошадь и поскакал на правый фланг, одновременно приказав направить туда единственную

резервную казачью батарею. Навстречу ему валила отстреливающаяся, но уже расстроенная толпа солдат. Соскочив с коня, фельдмаршал вмешался в их ряды и побежал вместе с ними.

– Шибче!.. шибче!.. – кричал он. – Заманивай их… бегом…

Потом он вдруг остановился и зычно крикнул:

– Стой!

Он остановил войска возле вызванной им из резерва и скрытой в кустах батареи и приказал открыть картечный огонь по наседавшим французам. Тотчас вслед за этим Суворов, выхватив шпагу, повернул солдат и бросил их в атаку. С соседнего участка были сняты батальон егерей и казачий полк и посланы на помощь. Атака была так стремительна, что французы в донесениях о бое указывали, что русские восстановили положение с помощью подоспевших резервов. На самом же деле это были только что отступавшие части.

Суворов поскакал вдоль линии фронта, под роем пуль ободряя бойцов. Следивший за ним его секретарь и биограф Фукс с удивлением видел, что стоило где-нибудь показаться белой рубахе полководца, как русские войска начинали одолевать противника. Стоявший подле Фукса Дерфельден с улыбкой заметил:

– Я эту картину видел не раз. Этот старик есть какой-то живой талисман. Достаточно развозить его по войскам, чтобы победа была обеспечена.

Дело заключалось, конечно, не в особых волшебных свойствах Суворова, а в его изумительных качествах полководца: в умении моментально ориентироваться в самой сложной обстановке боя, определить слабое место у противника и нацелить туда удар.

Натиск французов разбился о стойкость и искусство сопротивления. Одна из их лучших частей, 5-я полубригада, отличившаяся в ста сражениях, бежала, пораженная ужасом.

Любопытно, что Мелас снова ничего не понял в обстановке и выслал только половину резерва, продержав другую половину весь день в бездействии.

Ночь застала обе армии на прежних позициях. В этот момент Суворов получил известие, что в близком тылу у него появились передовые разъезды Моро. Над армией нависла угроза окружения, но это не смутило непреклонную волю полководца. Он решил на другой день, в четвертый раз, возобновить сражение, разбить Макдональда и тогда обратиться всеми силами против Моро.

Если трудно сохранять решительность при осуществлении намеченного плана, то еще труднее быстро принимать соответствующие данному случаю решения.

Суворов был великий мастер на это.

Принимая данное решение, он руководствовался своим обычным принципом: бить врага по частям, и сперва того, кто более опасен.

Однако войска Макдональда были уже разбиты. На собранном им военном совете выяснились огромные потери, расстройство полков, отсутствие снарядов у артиллерии. Все это – и в еще большей степени – имело место в войсках коалиции, но преодолевалось железным упорством старого фельдмаршала.

Не получив сведений о движении Моро, Макдональд в 12 часов ночи начал отступление. На берегах были оставлены бивачные костры, чтобы создать видимость нахождения армии.

В 5 часов утра казачьи разъезды доставили весть об уходе противника. Немедленно началось преследование. Шедшая в арьергарде дивизия Виктора была атакована и разбита; при этом была взята в плен знаменитая 17-я полубригада, считавшаяся гордостью всех французских армий. Войска Макдональда катились в Тоскану, отгрызаясь от преследователей, но не представляя уже собой серьезной военной силы.

Трехдневное сражение вырвало из рядов противника около 6 тысяч человек; во время отступления французы потеряли еще около 12 тысяч, в том числе 4 генералов и 502 офицера.[117] Потери русских, согласно донесению Суворова Павлу I, составили 680 убитых и 2 100 раненых, потери австрийцев 350 убитых и 1 900 раненых.

Так окончилась битва при Треббии.

Даже иностранные исследователи, склонные с лупой в руках отыскивать какие-нибудь погрешности в действиях Суворова, восхищаются его поведением в этом сражении.

По выражению Моро, марш к Треббии «является верхом военного искусства» («Cest le sublime de lart militaire»). Сам Макдональд был такого же мнения. В 1807 году на приеме в Тюильри он указал русскому посланнику на увивавшуюся вокруг Наполеона толпу и промолвил:

– Не видать бы этой челяди Тюильрийского дворца, если бы у вас нашелся другой Суворов.

Несколько лет спустя, при дворе Наполеона, Макдональд сказал русскому послу, графу П. Толстому: «Хоть император Наполеон не дозволяет себе порицать кампанию Суворова в Италии, но он не любит говорить о ней. Я был очень молод во время сражения при Треббии. Эта неудача могла бы иметь пагубное влияние на мою карьеру, меня спасло лишь то, что победителем моим был Суворов».

Император Павел ничего не понимал в военном искусстве, но

прислал Суворову осыпанный бриллиантами портрет и милостивый рескрипт, в котором выражал благодарность за «прославление его царствования», и заявил: «Бейте французов, а мы будем бить вам в ладоши».

Австрийцы же остались недовольны. Черная зависть и тупость окончательно возобладали в их отношении к Суворову.

Австрийский император прислал Суворову двусмысленный рескрипт, содержавший намек на то, что главную причину суворовских побед составляло «столь часто испытанное счастье ваше».

Полководец был жестоко уязвлен этим.

Русскому послу в Вене он с горечью писал: «Счастье! – говорит римский император… Ослиная в армии голова тоже говорила мне – слепое счастье!» А тем, кто находился подле него, он насмешливо сказал:

– Беда без фортуны, но горе без таланта.

Суворов не раз задумывался над вопросом о пресловутом «счастьи» и уверенно разрешал этот вопрос. «Большое дарование в военном человеке есть счастье, – написал однажды Суворов знаменательные слова. – Мазарин о выхваляемом ему военачальнике спрашивал на конце всегда: счастлив-ли он. Репнин велик, но несчастлив. Голицын счастлив, избирай Голицына, хотя заикающегося».

Счастье не случайность, счастье – это закономерный результат усилий, одухотворенных талантом, дарованием. Такова была глубокая философия русского полководца.

Суворов с главными силами преследовал французов на расстоянии 30 верст, но, убедившись, что догнать их не удастся, оставил войска, дал им однодневный отдых и, предоставив преследование отряду Отта, повернул обратно против Моро.

Из перехваченных писем он выяснил, что главный противник его обезврежен: «армия Макдональда более чем разбита, – резюмировал он итоги Треббии в письме к Краю, – Моро делает попытку против графа Бельгарда на Бормиде; я пойду встретить его так же, как встречал Макдональда».

Наступление Моро началось 17 июня, но он двигался медленно, желая сложными маневрами привлечь внимание Суворова и задержать его под Алессандрией. Однако этими хитростями он обманул лишь самого себя, опоздав прибыть к Треббии. Узнав о начавшемся генеральном сражении, он отказался от мысли разгромить корпус Бельгарда, оставил там только часть сил, а с остальными поспешил на помощь Макдональду. Известие о результатах Треббии побудило его приостановить это движение и возвратиться в Ривьеру. Однако,

желая облегчить положение Макдональда, он до 25 июня оставался возле Бормиды и распустил слух, будто намерен идти оттуда к Турину.

Но Суворов и сам считал теперь более целесообразным обратиться против Моро. Однако, несмотря на усиленные переходы, ему не удалось нагнать его.[118] Тогда он снова поставил вопрос о наступлении на Ривьеру; в ней он видел этап на пути к Парижу. В мыслях его уже созревал грандиозный план похода на французскую столицу.

Неожиданно в рескрипте австрийского императора от 12 июня ему предписывалось «совершенно отказаться от всяких предприятий дальних и неверных»; а в рескрипте от 10 июля приказывалось «без всякого дальнейшего отлагательства предпринять и окончить осаду Мантуи». Все планы Суворова, направленные к тому, чтобы стратегически использовать победу у Требии, категорически отвергались. «Также не могу никак дозволить, – писал император Франц, – чтобы какие либо войска мои, впредь до особого моего предписания, употреблены были к освобождению Рима и Неаполя».

Уже не Репнин, не Потемкин, а ненавистные полководцу «бештимтзагеры» сковывали его по рукам и ногам. Сознание своего бессилия угнетало его. Письма его полны негодования.

«Гофкригсрат вяжет меня из всех четырех узлов. Если бы я знал, то из Вены уехал бы домой. Две кампании гофкригсрата стоили мне месяца, но если он загенералиссимствует, то мне волю или вольность – у меня горячка, и труды и переписка е скептиками, с бештимтзагерами, интриги – я прошу отзыва мне… Я не мерсенер,[119] не наемник, не из хлеба повинуюсь, не из титулов, не из амбиции, не из вредного эгоизма – оставлю армию с победами и знаю, что без меня их перебьют… Деликатность здесь не у места. Где оскорбляется слава русского оружия, там потребны твердость духа и настоятельность».

Сплошь и рядом распоряжения гофкригсрата приобретали просто курьезный характер. Осада туринской цитадели привела в конце концов к ее сдаче, а как раз в это время пришло предписание из Вены отложить осаду до взятия Генуи.

– Чего глупее, – пожал плечами Суворов. Разумовскому он написал: «Боязливость неотделима от напуганного кабинета».

Суворов нервничал, раздражался. Здоровье его, расшатанное тяготами войны, окончательно подрывалось вечным напряжением, бесконечными неприятностями с австрийцами, которых он называл «гадкими проекторами». В одном письме от? 25 июня, он с возмущением воскликнул: «Честнее и прибыльнее воевать против французов, нежели против меня и общего блага».

Развязность Вены простиралась все дальше. Было предписано, чтобы обо всех распоряжениях Суворова тотчас извещался Мелас и чтобы ни одно предприятие русского полководца, «имеющее важное значение», не осуществлялось без предварительного одобрения австрийского императора.

Потеряв всякое терпение, вне себя от злобы, Суворов послал в первых числах июля прошение об отставке. «Робость венского кабинета, зависть ко мне, как чужестранцу, интриги частных двуличных начальников… безвластие мое в производстве операций… принуждают меня просить об отзыве моем, ежели сие не переменится».

Павел предпринял некоторые шаги, но настолько нерешительно, что почти ничто не изменилось.

Тон предписаний Суворову из Вены становился все более резким, почти угрожающим. В рескрипте от 3 августа император Франц прямо напоминал, что фельдмаршал отдан в его распоряжение, «а потому несомненно надеюсь, что вы будете в точности исполнять предписания мои».

Так в бесцельных и вызывающих раздражение пререканиях приходилось Суворову тратить драгоценное время. Два обстоятельства несколько улучшили его настроение: из России прибыла десятитысячная дивизия Ребиндера, и 28 июля сдалась Мантуя. Победителям сдалось в плен 5 генералов и 10 000 солдат и офицеров, при 300 орудиях. Потери осаждавших были ничтожны.

В Петербурге и Вене падение Мантуи было воспринято как завоевание Италии. Павел возвел Суворова в княжеское достоинство в ознаменование заслуг его в «минувшую войну». Австрийцы втайне разрабатывали план переброски русских корпусов из Италии, где все казалось законченным, в Швейцарию, где Масоена громил австрийские войска.

Суворов совершенно иначе оценивал положение. «Мантуя с самого начала главная цель, – писал он Разумовскому, – но драгоценность ее не стоила потеряния лучшего времени кампании». Падение Мантуи радовало его главным образом тем, что оно освобождало тридцатитысячный осадный корпус генерала Края и создавало предпосылки для возобновления маневренных операций. Он предвидел, что энергичный противник, обессиленный, но не добитый, причинит еще немало хлопот. Так оно и случилось.

Вынужденное бездействие Суворова было широко использовано французами. Макдональд пробился к Генуе и соединился там с Моро. Из Франции прибыл с подкреплениями новый главнокомандующий – тридцатипятилетний пылкий

Жубер. Кумир солдат, человек, которого Бонапарт охарактеризовал «гренадером по храбрости и великим полководцем по военным познаниям», Жубер уехал в Италию прямо из-под венца, заявив жене, что вернется к ней победителем или мертвым. Моро передал ему командование над армией, но, подавив оскорбленное самолюбие, предложил себя в качестве советника. Жубер, связанный с Моро узами личной дружбы, охотно принял его сотрудничество.

Хотя французская армия насчитывала всего 45 тысяч человек, Жубер решил перейти в наступление. Непосредственной целью своей он поставил освобождение Мантуи, о капитуляции которой во Франции еще не знали.

Его выступление совпало с лихорадочными усилиями Суворова сломить, наконец, саботаж австрийцев и начать движение на Ривьеру. О том, как дорого давались русскому полководцу эти переговоры и чернильная война со своими союзниками, можно судить по следующему отрывку из одного письма Суворова к Меласу: «Заклинаю ваше превосходительство приверженностью вашею к его императорскому величеству; заклинаю собственным усердием вашим к общему благу. Употребите всю свою власть, все силы свои, чтобы окончить непременно в течение десяти дней приготовления к предложенному наступлению на Ривьеру Генуэзскую. Поспешность есть теперь величайшая заслуга; медленность – грех непростительный».

Наступление французов положило конец этим затяжным переговорам.

По приказанию Суворова передовые войска не препятствовали продвижению противника; фельдмаршал хотел выманить французов из гор на равнину и подавить их тогда своей многочисленной конницей и артиллерией. Больше того: по приказу Суворова войска оставили город Нови.

2 августа 1799 года он издал приказ: «Аванпосты… должны стараться получить верные сведения о неприятеле… перед превосходными силами отступать, ибо никакого от армии подкрепления ожидать не должны, так как цель наша – выманить неприятеля на равнину».

Опасаясь довериться непроверенным сообщениям, Суворов умело расположил свои войска так, чтобы они легко могли быть придвинуты к любому пункту, где появится армия Жубера.

К 14 августа противники настолько сблизились, что столкновение сделалось неизбежным. Французские силы исчислялись в 35 тысяч человек, силы союзников – 45–50 тысяч. [120] В третий – и последний – раз в жизни Суворова на его

стороне было численное превосходство. Получив от своей разведки сведения о крупном перевесе сил союзников, Жубер. дотоле не сомневавшийся в успехе, сильно пал духом. Он созвал военный совет; почти все советовали вернуться в Геную. Однако такой исход казался французскому главнокомандующему позорным, да притом отступать на глазах у сильного неприятеля было рискованно. Он отложил решение до утра, а на рассвете получил донесение, что союзники начали атаку.

Диспозиция Суворова к сражению под Нови не сохранилась.

Военные авторитеты расходятся по вопросу о том, в чем заключался план фельдмаршала. Большинство полагает, что он хотел направить главный удар на левый фланг французов; иные же находят, что атака левого фланга носила демонстративный характер. Трудно было вообще предвидеть, как будут действовать французы: позиции их, укрытые от Суворова, расположенные на пересеченной оврагами и виноградниками местности, были очень удобны для обороны.

В своем донесении Суворов писал: «Таким образом продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и в летописях мира по выгодному положению неприятеля единственное». Суворов надеялся, что пылкий Жубер увлечется преследованием и спустится на равнину. Возможно, что расчет его оправдался бы, но одно непредвиденное обстоятельство опрокинуло соображения знатока военной психологии. При первых выстрелах Жубер примчался в цепь, и, когда он изучал картину атаки, шальная пуля поразила его…

«Marchez! Marchez toujours!»[121] успел только прошептать он.

Смерть его скрыли от солдат. Начальствование над армией принял Моро; приказав Сен-Сиру усилить левое крыло бригадой Колли, он отразил атаку австрийцев, но категорически запретил преследование.

– Моро понимает меня, старика, и я радуюсь, что имею дело с умным военачальником, – отозвался Суворов о своем противнике.

Теперь его план определился: отвлечь еще больше неприятельских сил от центра на левый фланг и, пользуясь этим, прорвать центр, взяв город Нови. Атака Нови поручалась русским войскам под начальством Багратиона и Милорадо– вича.

Генерал Край возобновил наступление на левый фланг неприятеля и настойчиво требовал, чтобы Багратион также повел войска. Но Багратион, посвященный, очевидно, в замысел главнокомандующего, медлил, ссылаясь на отсутствие предписания. Край несколько раз посылал к Суворову, но ординарцы не могли передать его требования: завернувшись в плащ, фельдмаршал делал вид, что спит, и адъютанты не раз

решали будить его. В 9 часов утра Край был вторично отбит. Только тогда, решив, что французы перетянули достаточно сил на левый фланг, Суворов вскочил на ноги и отдал приказ об атаке Нови.

Багратион отлично знал местность, потому что дважды стоял здесь. Пользуясь каждым прикрытием, он, несмотря на жаркий огонь, довел войска до города, но здесь каменная стена, не поддававшаяся выстрелам легких русских орудий, остановила атаку. Тогда Багратион обошел Нови с запада, но здесь был встречен в упор картечью, за которой последовала контратака французов.

Русские батальоны под прикрытием казаков были отведены обратно.

Вторая атака также была отбита.

Суворов придал частям Багратиона подоспевший с необыкновенной скоростью отряд Дерфельдена и отряд Милорадовича и приказал атаковать в третий раз.

Стояла невыносимая жара. Легко раненные умирали от изнурения. Солдаты шли на штурм с яростью, не знавшей пределов.

«Солдаты, как бы ослепленные исступленной храбростью под смертоносным огнем орудий, казалось, не замечали преимуществ позиции неприятельской; они презирали неминуемую смерть, и не было возможности удержать их», доносил в своей реляции Суворов.

Это была самая упорная битва, какую ему приходилось давать. Даже при Треббии не было того нечеловеческого ожесточения и упорства, которое проявляли здесь обе стороны. Командующий гарнизоном Нови Гардан выказал настоящий образец активной обороны, чередуя смертоносный обстрел с короткими ударами. Республиканские солдаты дрались с поразительным мужеством. Моро появлялся в еамых опасных местах. Под ним убило лошадь; пуля прошла сквозь его мундир.

Суворов все время был в огне. Смерть витала вокруг его седой головы. Он провожал в бой каждую колонну, направлял удары, потом пристраивался к откатывавшимся от неприступных стен Нови батальонам и направлял их снова в атаку.

– Назад, ребята, хорошенько их! – восклицал он, и на звук его голоса измученные люди, с пересохшими от зноя губами, облитые потом и кровью, тотчас выстраивались в боевой порядок и устремлялись к Нови. – Не задерживайся, иди шибко, бей штыком, колоти прикладом… Ух, махни, головой тряхни!..

Все было напрасно. Моро перетянул войска не из центра, а со своего правого фланга. Выгоды французской позиции

предоставляли французам решающее преимущество.

На Суворова было страшно смотреть. Не то чтобы он опасался поражения. Но небывалая неудача его «чудо-богатырей», сражавшихся под его личным руководством, была для него оскорбительна, почти позорна. Он выходил из себя, кричал, что не переживет этого дня. Прибывавшие с донесениями офицеры, видя его в таком состоянии, вскакивали на коней и галопом неслись к своим частям; приехав, они бросали только два слова: «Атаковать! Победить!» – и отчаянное напряжение полководца распространялось через них на всю армию.

Третья атака, подобно двум предыдущим, была отбита. Солдаты отзывались, о своих противниках со смесью удивления и уважения. Был час дня. Бой затих по всей линии. Изнемогавшие от жажды, утомленные до предела сил, люди искали какого-нибудь укрытия от палящих лучей солнца.

Суворов, сидя в разбитой для него палатке, размышлял над результатами девятичасового сражения. Мужество французов и выгода их позиции позволили им отбить все атаки. Но истекшая фаза сражения показала, что Моро ввел уже в дело все свои силы. У Суворова же оставались еще крупные резервы: отряды Меласа и Розенберга. Он приберегал их, чтобы в решительную минуту сразу перетянуть чашу весов на свою сторону. Теперь эта минута приблизилась.

Меласу было приказано атаковать правое крыло французов. В 4 часа пополудни начался одновременный штурм по всему фронту. Со стороны союзников сражались 46 тысяч человек. На этот раз соотношение сил было слишком неодинаково. Мелас первый одержал успех над ослабленным французским флангом и стал продвигаться в тыл Нови. Прискакавший Сен-Сир героическими усилиями задержал австрийцев, но это могло помочь лишь отступлению французской армии: войска Багратиона и Дерфельдена ворвались, наконец, в Нови.

В 6 часов вечера французы начали отступать, но было уже поздно. Сказалась ошибка Моро, который под впечатлением успешных действий своих войск в первой половине дня не воспользовался наступившей передышкой, чтобы отвести свою армию. Теперь оказалось невозможным сохранить порядок в отступлении. Левое крыло французов отошло на деревню Пастурану, но туда уже надвигались от Нови русские. Отступавшие столпились в узких улочках деревни. В это время небольшой австрийский отряд взошел на соседнюю возвышенность и открыл частый огонь по густым толпам французов. Это послужило сигналом. Французы бросились врассыпную, ища спасения кто как мог. Генерал Груши с одним

батальоном пробовал обороняться, но был изранен и взят в плен. Только части Сен-Сира отступили в относительном порядке. Остальные полки бежали, бросая оружие, укрываясь в кустарниках и глубоких оврагах. Спустившаяся темнота предотвратила полное истребление беглецов.

Суворов дал отдых своим истомленным войскам, возложив преследование на свежий корпус Розенберга. В руки союзников попала вся неприятельская артиллерия, большая часть обоза и 4 знамени. Французы потеряли во время сражения 6 500 человек, при отступлении еще 4 тысячи были взяты в плен, и множество солдат рассеялось по окрестностям. Французская армия уменьшилась почти вдвое. Потери союзников составили 1 250 человек убитыми и 4 700 ранеными.

Много лет спустя кто-то однажды спросил у Моро его мнение о Суворове при Нови.

– Что же можно сказать, – ответил Моро, – о генерале, который обладает стойкостью выше человеческой, который погибнет сам и уложит свою армию до последнего солдата, прежде чем отступит на один шаг?[122]

Суворов по окончании битвы приехал на отведенную ему квартиру и, увидя Фукса, пришедшего к нему писать реляцию, встретил его словами:

Конец – и слава бою!
Ты будь моей трубою!

Судя по всему, он был очень горд этим экспромтом.

Союзники почти не преследовали Моро, который привел в порядок остатки своих войск и снова занял проходы в Апеннинах. Принцип Суворова – вести неуклонное преследование, так как «недорубленный лес опять вырастает», – в этот раз совершенно не был соблюден. Австрийские военные исследователи нагромоздили по этому поводу целый ворох обвинений против русского полководца, но в действительности именно австрийцы явились прямыми виновниками инертности преследования. На следующий день после сражения Мелас объявил Суворову, что армия обеспечена хлебом только на два дня. Достать продовольствие в Апеннинах было невозможно, идти на Ривьеру с двухдневным запасом тем более. Кроме того, австрийцы заявили, что нет мулов для перевозки продуктов.

Исполненный негодования, Суворов приказал срочно добыть мулов и продовольствие и оповестил, что дальнейшее наступление откладывается на несколько дней. Австрийскому генералу Кленау он предписал двигаться к Генуе вдоль морского

берега. Взятие Генуи не должно было представить особого труда: английский флот блокировал ее, жители роптали на французов.

Но Суворов решал без хозяина. Мелас предположил, что Суворов хочет овладеть Генуей для России, и в этом смысле послал донесение Тугуту. Гофкригсрат повелел Кленау прекратить продвижение и ничего не предпринимать впредь до новых инструкций из Вены. Одновременно гофкригсрат отдал еще ряд директив по армии. Извещая обо всем этом Суворова, Мелас с откровенным цинизмом писал: «Так как означенное высочайшее повеление должно быть исполнено безотлагательно, то я прямо уже сообщил о нем по принадлежности и сделал надлежащие распоряжения». Так Мелас сообщил главнокомандующему для сведения о важных распоряжениях по армии. Дальше идти было некуда.

Еще на другой день после Нови Суворов, узнав о необходимости прервать преследование, писал Растопчину: «После кровопролитного боя мы одержали победу, но мне все не мило. Повеления, поминутно присылаемые из Гофкригсрата, расстраивают мое здоровье. Я здесь не могу продолжать службу».

Последующие действия австрийцев окончательно вывели Суворова из себя. Он отправил в Петербург копию упомянутого сообщения Меласа, желчно жаловался, что «хотят операциями править за тысячу верст, не знают, что всякая минута на месте заставляет оные переменять», и твердо заявлял, что должен будет «вскоре, в каком ни на есть хуторе или гробе убежище искать».

Графу Растопчину Суворов писал: «Политика, критика, Тугут, Директория, Лондон, Потсдам – Боже сохрани!»

На этот раз Павел понял нелепость и недопустимость создавшегося положения. Он приказал объявить в Вене, что если там не изменят своего поведения с Суворовым, то фельдмаршалу будет предоставлено действовать, не считаясь с желаниями австрийцев.

А каковы будут эти действия, в том не было секрета. Суворов готовил поход на Париж!

Он провел блестящую кампанию: в течение четырех месяцев Италия была очищена от французов. Не нужно забывать, что Бонапарту для завоевания той же Италии понадобились незадолго перед тем четыре кампании, хотя противниками Бонапарта выступали австрийцы, то есть гораздо более слабая армия, нежели та, с которой пришлось сражаться Суворову.

Достойным финалом этой замечательной кампании должно было явиться взятие французской столицы. Уже был намечен маршрут похода: Генуя – Ницца – Париж. Уже начались приготовления. В июле 1799 года Суворов составил несколько

вариантов плана вторжения во Францию через Генуэзскую Ривьеру. Определена была и численность войск для этой цели (42 тысячи человек). Уже в Петербурге ждали известий об успехах русского оружия на полях Франции (например, П. В. Завадовский писал 26 августа 1799 года: «Я считаю, что вход его [Суворова] и во Францию так же победоносен будет, как и в Италию»).

Но в дело вмешались австрийцы, сорвали грандиозный замысел Суворова и заставили его вместо того двинуться на второстепенный театр войны.

Нет сомнения, что австрийское правительство, не желавшее допустить занятия Парижа Суворовым (так как это чрезмерно повысило бы политическое влияние и авторитет России) действовало при прямой поддержке Англии.

Недоброжелательство по отношению к фельдмаршалу и решительное сопротивление облюбованному им плану похода на Париж было одним из звеньев в общей цепи начавшихся интриг против России. Больше того, теперь пребывание русской армии в Италии оказывалось для австрийцев явной помехой. Они хотели остаться один на один с итальянским народом, чтобы без помехи эксплоатировать его. Отсюда возник план переброски Суворова в Швейцарию.

По этому плану австрийская шестидесятитысячная армия эрцгерцога Карла переводилась на Рейн, где со стороны французов действовали только незначительные отряды. Суворов же должен был примкнуть к находившемуся уже в Швейцарии русскому двадцатисемитысячному корпусу Римского-Корсакова и противостоять восьмидесятитысячной армии Массены, изрядно потрепавшего уже австрийцев.

План делал честь его составителю – Тугуту: Италия предоставлялась в полное распоряжение Австрии; австрийские войска уводились на спокойный театр войны; грозному Мас– сене подставлялись русские войска: кто бы из них ни победил, оба ослабеют, и Австрия так иди иначе извлечет из этого пользу.

Австрийцы без особого труда получили согласие Павла на этот план. «Сокрушаюсь сердцем обо всех происшествиях, ниспровергающих меры наши к спасению Европы, – растерянно писал Суворову одураченный император, – но на кого же пенять?» Этот риторический вопрос остался, разумеется, без ответа.

Следует иметь в виду, что, по мысли Суворова, не ему надлежало идти в Швейцарию, а оттуда должны были прислать ему сильные подкрепления, чтобы усилить его перед походом во Францию.

20 августа Суворов писал графу П. А. Толстому: «Намерение

мое было, взимая от Корсакова 10 000 по окончании утвердить границу и изготовить вступление всеми силами во Францию через Дофине, где верно до Лиона нам уже яко преданы были». На следующий день (21 августа) он пишет о том же Ф. В. Растопчину: «…докончить с Италией начисто, закрыть ее границу диверсией), [123] но и целой операциею на Лион… Иначе здешняя Австрийская армия с бештимтзагером пойдет под унтер-кунфт, откуда будут ее гнать до Кампоформио (в октябре 1797 года в местечке Кампоформио австрийцы вынуждены были подписать с Наполеоном позорный мир. – *К. О.)* да и найдет ли кто их генералов, чтоб не был мерсенер и бродфрессер?».

Как не удивляться вещему предвидению Суворова! Только на этот раз постыдный мир с Францией был подписан австрийцами не в Кампоформио, а в Люневиле (в феврале 1801 года).

Предвидя, что с Суворовым будет не так-то легко сговориться, австрийцы поставили его перед совершившимся фактом: извещая его о новом распределении сил, гофкригсрат присовокупил, что ему надлежит торопиться, потому что эрцгерцог уже начал выводить из Швейцарии свои войска.

Суворов был потрясен. Не говоря о политической стороне замысла, он ясно видел чисто военные трудности. Надо было хоть приготовиться к новой кампании, обзавестись необходимым для горной войны снаряжением, горными орудиями, понтонами, амуницией; русские войска не были привычны к условиям военных действий в горах, никто из них не знал местности.

«Сия сова не с ума ли сошла, или никогда его не имела», с негодованием писал он о Тугуте.

Новому посланнику в Вене, Колычеву, он слал одно за другим возражения против немедленной переброски его армии в Швейцарию.

«Барон Тугут, как не Марсов сын, может ли постигнуть?… Тугуту не быть, или обнажить его хламиды несмыслия и предательства. Коварные замыслы Тугута все более обнаруживаются».

Он пытался даже воздействовать непосредственно на эрцгерцога Карла. «Я уверен, – писал он ему, – что ваше высочество по вашей ревности к общему благу, не поспешите исполнением такого повеления» (то есть о немедленном выводе войск).

Но все было напрасно. Правда, эрцгерцог оставил временно в Швейцарии 20 тысяч человек под начальством генерала Готце, но при этом и Массена получал двойное превосходство сил. Зная энергию французов, Суворов не сомневался, что французский главнокомандующий постарается использовать создавшуюся

ситуацию. «Хотя в свете ничего не боюсь, – писал Суворов, – скажу: в опасности от Массены мало пособят мои войска отсюда, и поздно». Надо было спешить на помощь Римскому-Корсакову. Скрепя сердце он отдал распоряжение к походу.

«В сентябре […] последовал поход Суворова, в котором, по образному и сильному выражению этого старика-солдата, „русский штык прорвался сквозь Альпы“,[124] пишет Энгельс.

XIV. Швейцарский поход

В военной истории человечества мало можно найти столь драматических эпизодов, как швейцарский поход Суворова. Все соединилось здесь против русской армии: ледяная стужа; непроходимые горы и стерегущие бездонные пропасти, энергичный, гораздо более многочисленный враг, отсутствие припасов, одежды и патронов; незнание местности и непривычка к горным условиям; наконец, изменническая политика Австрии…

И, несмотря на это, отряд Суворова не растаял, не погиб, а вышел из окружения; полководец перенес все тяготы наравне со своими солдатами, а солдаты проявили такую исполинскую мощь духа, такую стойкость, что их героический марш в тесно сжатом кольце врагов поразил всю Европу.

Противник русских в Швейцарии, один из любимых наполеоновских маршалов, Массена, впоследствии с завистью говорил, что отдал бы все свои победы за один швейцарский поход Суворова.

Когда все старания фельдмаршала отложить поход оказались тщетными, было приступлено к срочному составлению плана новой кампании.

Корпус Римского-Корсакова (24 тысячи) был расположен впереди Цюриха, вдоль реки Лимата; корпус Готце (10,5 тысячи) – по реке Линте и у Валленштадтского озера; в Сар– гансе и дальше до Диссентиса стояли австрийские отряды Елачича и Линкена (11,5 тысячи). Ввиду ухода главных сил эрцгерцога Карла[125] все эти войска в совокупности (45 тысяч человек) составляли лишь немногим более половины французской армии. Недаром Суворов, накануне выступления в Швейцарию, писал Д. Хвостову: «Мне надобно туда верных 100 000». Однако предполагаемое прибытие Суворова с двадцатью тысячами русских солдат до некоторой степени уравновесило бы численность войск противников, а качество солдат и ореол полководца создавали шансы на успешность борьбы.

Для движения из Италии в Швейцарию имелись несколько путей.

Суворов мог идти в долину верхнего Рейна на соединение с Линкеном, далее – через Хур и Сарганс – соединиться с Елачичем и Готце. Протяжение пути до соединения с Готце (от города Таверно) равнялось почти 180 километрам.

Другой путь вел через Сен-Готардское ущелье в долину Рейсы, к городу Альтдорфу, оттуда к Швицу – на соединение с Римским-Корсаковым и к Гларису – на соединение с Готце, Этот

вариант был выгоден тем, что нужно было пройти около 150 километров (от Таверно до Швица), главное же, заняв Швиц, Суворов выходил на фланг и тыл главных сил Мас– сены.

Правда, кружное движение на Хур было легче по местным условиям, и неприятель мог встретиться здесь в менее значительных силах, но Суворов опасался, что, пока он будет совершать этот марш, Массена разобьет корпуса Корсакова и Готце, да и по всему складу его военного дарования ему больше по душе приходился энергичный второй вариант. «Истинное правило военного искусства, – писал он Готце, – прямо напасть на противника, с самой чувствительной для него стороны, а не сходиться, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением». Что касается трудностей пути, то Суворов не смущался этим: вера его в русских солдат была безгранична, и он был убежден, что они преодолеют все трудности, что еще раз «невозможное» станет для них возможным. К тому же было известно, что через Сен-Готард недавно прошли французские войска, правда, хорошо снаряженные, но недостаток снаряжения Суворов надеялся восполнить своим искусством и качествами русской армии.

Это была нелегкая задача, однако австрийцы еще более осложнили ее. Суворов был настолько озабочен полным незнакомством с условиями нового театра войны, что послал набросанный им план на консультацию Готце и в то же время потребовал прикомандирования к нему нескольких офицеров австрийского генерального штаба, хорошо знающих местность, К нему прибыло девять офицеров во главе с подполковником Вейротером. Ответ Готце был получен Суворовым уже после выступления. Австрийский генерал соглашался с диспозицией похода, но рекомендовал внести в нее ряд поправок: место соединения он выносил от Гларис к Эйнзидельну и Швиду, куда намеревался продвинуть свои войска, подтянув туда же 5 тысяч человек из корпуса Римского-Корсакова и отряды Линкена и Елачича. Полагаясь на опыт Готце в Швейцарии, Суворов одобрил его коррективы и поручил Вейротеру составить окончательную диспозицию.

Новый вариант плана чрезвычайно увеличивал трудности; своевременное соединение отдельных колони, разобщенно движущихся из далеко отстоящих точек, было трудно исполнимо по условиям местности; кроме того, этот замысел как бы предполагал совершенное бездействие мощного противника, на виду у которого должны были происходить все передвижения.

Суворов, втягивая все силы в операцию, рисковал тем, что,

при неблагоприятном исходе, частное поражение перерастет в общее.

Но принятый им план был наиболее действенным, чтобы отвести угрозу, нависшую над Корсаковым и Готце. Иначе пришлось бы очистить без боя швейцарскую территорию, а это никак не вязалось с традициями Суворова.

Как бы ни был рискован и трудно выполним план кампании, неукротимая решимость полководца и доблесть солдат могли преодолеть трудности плана. Исход швейцарского похода мог быть совсем иным, если бы не дальнейшая цепь роковых неожиданностей.

Австрийцы снабдили Суворова неправильной информацией о расположении французов и об их численности: Готце сообщил, что у Массены 60 тысяч человек, а на деле их было 84 тысячи.

Что еще хуже, весь план, как вскоре выяснилось, был построен на грубейшем незнании топографии края. Готце указывал, что из Альтдорфа в кантон Швиц идет вдоль Люцернского озера «пешеходная тропинка»; аналогично этому, в разработанной Вейротером диспозиции говорилось: «Колонна выступает из Альтдорфа до Швица и идет в тот же вечер 14 миль далее». Между тем никакого сухопутного сообщения: между Альтдорфом и Швицем не существовало. Здесь был тупик. Сообщение поддерживалось исключительно через Лю– цернское озеро, на котором полностью главенствовала французская флотилия. Это превращало весь план в пустую и опасную затею.

Со стороны австрийцев, уже долгое время воевавших в Швейцарии, столь грубая ошибка носила откровенно изменнический характер. Недаром барон Гримм несколько позже писал русскому послу в Лондоне Воронцову: «Я не знаю, чем все это кончится, что с нами будет, но я спрашиваю: сколько французская Директория платит за все это и кому именно?»

И все-таки, вопреки сомнительному стратегическому плану, вопреки заложенной в нем грубой ошибке, суворовские «чудо–богатыри» восторжествовали бы и над врагом, и над коварным союзником, и над альпийскими безднами. Изучение кратковременного, но столь насыщенного событиями швейцарского похода дает достаточно оснований для такого вывода. И если этого не случилось, если поставленные перед походом цели не удалось осуществить и армии пришлось с трудом пробивать себе дорогу из окружения, – в этом повинны неблагоприятные факторы, новые беды, в изобилии выпавшие на долю русских войск.

Пресловутое суворовское «счастье» решительно покинуло на этот раз измученного, преданного союзниками и собственным

императором полководца. В этом была своя глубокая закономерность. Война 1799 года вряд ли могла закончиться полным поражением Франции. Суворовский гений и изумительные боевые качества воодушевленных им солдат могли еще не однажды склонять на свою сторону военную фортуну. Но за плечами Суворова стояли монархические Россия и Австрия, стоял тяжкий реакционный режим, который должен был, в конечном счете, проявить свое бессилие перед идеями французской буржуазной революции и несомыми ею экономическими изменениями. Правда, это уже не был период расцвета революции. Задушив ее, наполеоновское правительство «сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии».[126] Но все же обездоленным массам мерещился на остриях штыков французских солдат прежний лозунг: «Мир хижинам, война дворцам!»

В этом была сила республиканских армий, их преимущество над метавшимся в узах феодального режима, но крепко прикованным к нему Суворовым. Только когда французские знамена окончательно перестали быть средоточием общих надежд, и власть французов в глазах всего света из источников нового, свежего социального порядка сделалась очевидным ярмом для других наций, когда зарвавшийся завоеватель возмечтал покорить могучий русский народ, – только тогда созрели предпосылки для поражения Наполеона.

К тому же в 1799 году борьба развертывалась на отдаленных театрах войны; она еще не грозила сердцу России, ее национальной самостоятельности. «Мальчик», которого хотел унять Суворов, обрушил свою угрозу на Россию в 1812 году. Тогда-то русский народ и его армия с полководцами из великой школы Суворова – Кутузовым, Багратионом и другими – осуществили полный и абсолютный разгром Бонапарта, поведший к падению его империи.

Поэтому не то удивительно, что Суворов не осуществил оккупацию Парижа. Удивительно то, что он так успешно сражался против, республиканцев, начальствуя над солдатами, которыми не двигали их собственные классовые идеи или интересы, которые были в своей отчизне бесправными и закрепощенными и в которых он сумел все же разжечь такое чувство воинской доблести и доверия к полководцу, что их стойкость оказывалась выше стойкости их противников.

Из числа французских крепостей, продолжавших оказывать в Италии сопротивление, наиболее сильной была Тортона. Поражение французов под Нови лишило гарнизон этой крепости почти всякой надежды на освобождение. Тем не менее Тор– тона

не сдавалась. Осада принимала затяжной характер, и Суворов в нетерпении начал приготовления к штурму.[127] Тогда комендант крепости предложил заключить перемирие на двадцать дней, с условием, что если до конца этого срока французская армия не явится на выручку Тортоны, крепость капитулирует на почетных условиях. Суворов рассчитал, что пробитие брешей в толстых казематированных постройках крепости отнимет тоже немалый срок, и, дабы избежать потерь, принял 22 августа предложенные условия.

Выяснив неизбежность швейцарского похода, Суворов не счел возможным терять время под Торговой.

За три дня до истечения срока перемирия, 8 сентября, русские войска двинулись к Сен-Готарду. Но в тот же день под Горгоной показались колонны французов, шедшие на освобождение крепости. Хотя формально фронт в Италии держала уже исключительно австрийская армия, хотя в Швейцарии австрийцы показали пример вероломства, Суворов приказал повернуть обратно. Увидев возвратившиеся русские корпуса, Моро снова отступил в горы. Тортона в назначенный день сдалась австрийцам, но русские потеряли несколько дней. Вместо 8 сентября они выступили 11-го, а эти три дня как. нельзя лучше сумел использовать в Швейцарии Массена.

Французский главнокомандующий основал свой план на том, чтобы разбить Римского-Корсакова и Готце до появления Суворова. Фельдмаршал проник в его замыслы. Он убедился уже, что имеет дело с необычайно решительным противником, использующим каждый благоприятный шанс. (Командирами дивизий у Массены были столь же энергичные полководцы – Сульт, Мортье и др.) Он уважал отвагу и энергию французов и поэтому отлично уяснял себе, какой опасности подвергаются союзные войска в Швейцарии.

Вынужденное возвращение к Тортоне отняло три дня, Суворов решил возместить их быстротой марша. За пять суток его войска прошли 150 верст и прибыли в город Таверно, у подножья Швейцарских Альп. По договоренности с Меласом, русские должны были получить здесь двенадцатидневный запас продовольствия и 1 430 мулов, на которых предстояло везти в горах вьюки и артиллерию. Ни того, ни другого австрийцы не приготовили.

Суворов пришел в неистовство. «Нет лошаков, нет лошадей, а есть Тугут, и горы, и пропасти, – писал он Растопчину и с злой иронией добавил: – но я не живописец». Он разослал курьеров к Меласу, к Павлу, к австрийскому императору, возмущался «двусмысленными постыдными обнадеживаниями» своих

союзников, негодовал, что «Тугут везде, а Готце нигде». У него все сильнее крепла мысль, которую он через полгода высказал Фуксу:

– Меня выгнали в Швейцарию, чтобы там истребить.

До него тоже доходили слухи о подкупе, слухи, которым верил, как мы видели, Гримм. В одном письме Суворова встречаются очень многозначительные слова: «Французы брешут, что мне здесь не быть: они подкупят в Вене. Правда, даже у меня много якобинцев в бештимтзагерах». Письмо это было отправлено из Италии незадолго перед выступлением в Швейцарию.

Но Суворов был из тех людей, которые мужественно пьют чашу до дна. Мысль об отмене похода не приходила ему в голову. Он использовал все возможности и через четыре дня раздобыл у австрийцев несколько сот мулов. Вместо недостающих мулов под вьюки были употреблены степные казацкие лошади, и 21 сентября поход возобновился.

Еще пять дней – с 15 по 20 сентября – пропали даром

Как показали события, эта потеря оказалась невознаградимой: Массена успел привести в исполнение свой замысел.

Одну колонну – под начальством Дерфельдена – Суворов направил прямо на Сен-Готард; другая колонна – под командой Розенберга – пошла на Диссентис, в обход Сен-Готарда.

Суворов находился при корпусе Дерфельдена. Он ехал на каурой казачьей кобыле, укрытый от ледяного ветра тонким синим плащом, почему-то прозванным среди солдат «родительским», в круглой, не по сезону легкой шляпе с широкими полями. Рядом с ним ехал шестидесятипятилетний швейцарец Антонио Гамма. Фельдмаршал останавливался в Таверно в его доме и так обворожил старика, что тот покинул семью и отправился вместе с ним. Суворов недаром применил свои чары: во время злополучной кампании Гамма оказал крупные услуги в качестве проводника и переводчика.

Погода все время стояла скверная. «Дождь лил ливмя, резкий ветер с гор прохватывал насквозь», описывает путь один из участников. То и дело приходилось перебираться через потоки по пояс в холодной воде. Французская пехота была снабжена специальной обувью на железных шипах, но австрийцы, конечно, не заготовили такой обуви для русских. Солдаты, не привыкшие к горным дорогам и обремененные тяжелой кладью, выбивались из сил.[128] В три дня было пройдено 75 верст, но люди и животные были утомлены, как будто они проделали гораздо более длинный путь.

Близ деревни Айроло расположились передовые отряды противника. Французов было всего 9 тысяч – вдвое меньше, чем

русских, но выгоды позиции и знание местности давали им огромное преимущество.

Солдаты с некоторым смущением глядели на обступившие их угрюмые горы, на каменистые кручи и глубокие ущелья, в которых гремели горные потоки.

Фронтальная атака Сен-Готарда была необычайно трудным предприятием. Однако бездеятельно ждать результатов начатого Розенбергом глубокого обхода Суворов не мог. Он опасался, что, предоставленный самому себе, Розенберг потерпит неудачу.

Утром 24 сентября Суворов повел войска на лобовой штурм Сен-Готарда. Войска были разделены на три колонны, две из которых предназначались для неглубоких, «частных» обходов. Карабкаясь по крутым, почти отвесным скалам, колонна Багратиона обошла левый фланг французов. Те, отступив, заняли еще более сильную позицию. Укрываясь в оврагах, прячась за скалами, они почти на выбор поражали медленно взбиравшихся по кручам солдат. Две атаки русских были отбиты с огромными для них потерями. Хотя было только 4 часа дня, но мрачные горы стали покрываться ночной мглой. Оставаться на ночь, не определив своего положения, не имея известий о Розенберге и об ушедшем в новый обход Багратионе, было невозможно. Суворов приказал штурмовать Сен-Готард в третий раз.

Войска снова пошли навстречу летевшим отовсюду пулям, но в этот момент на снежных вершинах показались цепи вновь обошедшего французов отряда Багратиона. Противник поспешно отступил. Сен-Готард был занят.

Отряд Розенберга, преодолев колоссальные трудности, благополучно проделал обходное движение, но тут начальник отряда совершил крупную ошибку: вместо того чтобы немедленно завладеть в тылу у французов деревней Урзерн, что обрекло бы на капитуляцию оборонявшие Сен-Готард части, Розенберг промедлил и дал возможность французам уйти.

Все же боевой дебют русских солдат в горной войне оказался удачным: в течение одного дня они выбили энергичного, гораздо лучше оснащенного противника из позиции исключительной силы.

Казалось, теперь войскам открывалась дорога к Люцернскому озеру. Суворов так и полагал и в 11 часов вечера отправил Корсакову и Готце записку: «Несмотря на задержку, на следующий день рассчитываю быть у Альтдорфа». Однако его карты были спутаны: командующий французской дивизией Лекурб, смелый и талантливый полководец, осуществил неожиданный дерзкий маневр. Побросав в реку артиллерию, он ночью двинулся через дикий хребет Бертцберг, без дорог

перевалил через горы в 8 тысяч футов вышиной и к утру спустился к деревне Гешенен, снова став на пути Суворова.

На следующий день после взятия Сен-Готарда, корпуса Дерфельдена и Розенберга соединились и совместно продолжали движение к Альтдорфу. В расстоянии одной версты от деревни Урзерн дорога преграждалась громадными отвесными утесами. Сквозь эту естественную стелу пробито было узкое, низкое отверстие, носившее название Урзернской дыры; оно имело 80 шагов длины и было настолько узко, что два человека с вьюками не могли разойтись в нем. Выходя на свет, дорога круто огибала гору и через несколько сот шагов обрывалась на берегу Рейсы. Река неслась здесь неистовым пенистым потоком, наполняя гулом окрестности. Над нею, на высоте 75 футов, была перекинута легкая арка, дрожавшая от рева реки и вечно обдаваемая водяными брызгами. Это и был знаменитый Чортов мост.

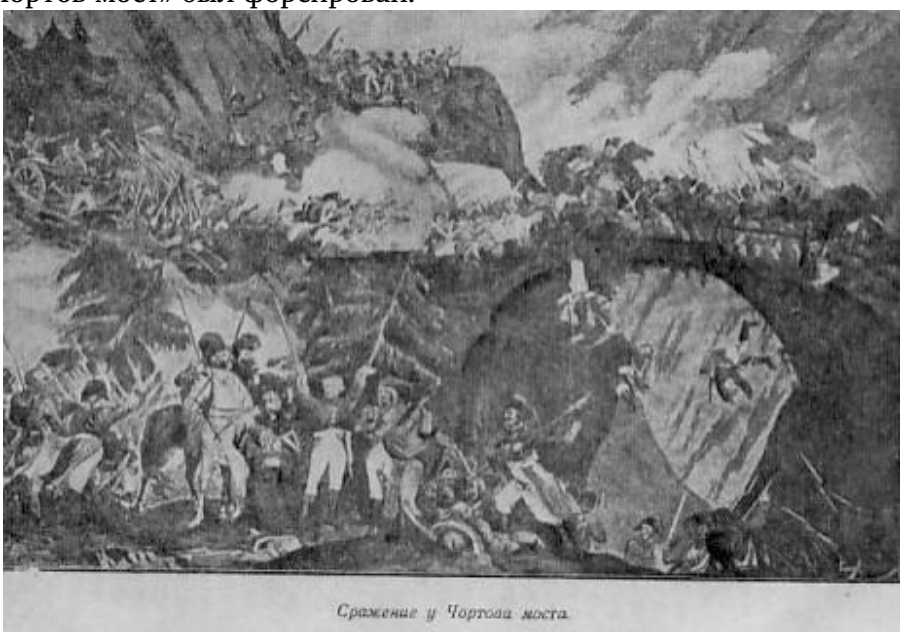
Самая смелая фантазия не могла придумать более недоступной позиции. Лекурб был настолько убежден в невозможности для русских прорваться здесь, что даже не стал разрушать Чортова моста, который мог пригодиться ему самому. Он разместил отряд у выхода из Урзернской дыры, поставив в отверстии пушку, а 2 батальона сконцентрировал за Чортовым мостом, где они, укрытые за камнями и почти невидимые для противника, держали под обстрелом узкую тропинку и арку моста.

Авангард русских войск под командой Милорадовича втянулся в Урзернскую дыру. Он был встречен смертоносным ливнем пуль и картечи и отхлынул обратно. Суворов снова прибег к неизбежным обходам.[129] Карабкаясь по гладким скалам на головокружительной высоте, 300 человек под командой полковника Трубникова зашли в тыл защитникам Урзенской дыры. Одновременно другие 200 егерей перебрались вброд через Рейсу, река была неглубока, но каменистое дно и бешеная быстрота течения погубили немало солдат. Увидев, что переправа все же возможна, фельдмаршал выслал еще батальон, приказав вместе с первыми егерями обходить Чортов мост.

Увидев над собой Трубникова, французы, боясь быть отрезанными, стали отступать. Милорадович тотчас повел атаку через Урзернскую дыру, прорвался сквозь редкую завесу пуль и совместно с быстро спускавшимися людьми Трубникова устремился на отступавших. Французы успели столкнуть в реку свою пушку; часть их перебежала Чортов мост, остальные были переколоты и сброшены в пропасть.

Местность перед Чертовым мостом покрылась тысячами русских солдат, но прямая атака моста была немыслима. Первые

бросившиеся смельчаки были тотчас сражены пулями: русские войска залегли за камнями и открыли огонь по неприятелю. Внезапно на скалах по ту сторону моста показалась перешедшая в брод Рейсу обходная колонна. Среди французов воцарилось смятение; второпях они разрушили часть каменной кладки моста и начали медленно отступать. Арка по-прежнему оставалась под обстрелом французов, но уже далеко не столь губительным, как прежде. Группа русских солдат, разобрав оказавшийся поблизости сарайчик, добралась ползком до разрушенных свай и, связав с помощью шарфов и поясов несколько бревен, перекинула их через провал. Майор Мещерский первым пробежал по этому шаткому сооружению, но упал, сраженный пулей. Следовавший за ним казак споткнулся и свалился в клокотавшую бездну. Но уже десятки новых смельчаков, поддерживая друг друга, падая под пулями, перебирались на берег и тотчас бросались на французов. Чортов мост» был форсирован.



Сражение у Чортова моста.

Необычайная энергия натиска, а также недостаточно четкая организация французами обороны привели к тому, что потери русских были в этот раз невелики, и даже меньше, чем потери французов.

К четырем часам дня, после исправления арки, вся армия Суворова перешла Рейсу и двинулась вслед за отступавшим противником. То и дело приходилось снова переходить через вьющуюся Рейсу, однако уже не в столь тяжких условиях. Лекурб всюду уничтожал мосты, но этим лишь ненадолго задерживал своих преследователей. По мере приближения к Люцернскому озеру ландшафт быстро изменялся. Горы как бы раздвигались;

узкая котловина сменилась широкой долиной; появились луга и пашни; снеговые вершины скрылись за зеленой короной лесов. Дивная альпийская панорама предстала перед взорами солдат. Под ногами раскинулся живописный Альтдорф. За 6 дней русская армия прошла 90 верст (от Таверно до Альтдорфа). Учитывая условия местности, это был бы неплохой результат и для завзятых альпинистов. А ведь тут были форсированы Сен-Готард и Чортов мост! Армия забыла перенесенные лишения. Казалось, уже недалеко до соединения с остальными силами, а тогда, покинув непривычные, жуткие горы, руководимые гением любимого полководца войска смогут спокойно взирать на будущее.

Но тут открылась ужасная истина – тотчас вслед за Альтдорфом кончалась Сен-Готардская дорога. Дальше сообщение поддерживалось через озеро, но на этом озере крейсировали французские суда. Сухопутной же дороги к Швицу не было, если не считать двух тропинок через снеговой хребет Росшток, ведших в Мутгенскую долину, откуда имелось сообщение со Швицем. Осенью эти тропинки, считались непроходимыми даже для опытных швейцарских охотников.

Об австрийском отряде Линкена ничего не было слышно; среди жителей циркулировали слухи о происшедшем будто бы накануне сражении, из которого французы вышли победителями. Между тем армия Суворова уже несколько дней питалась чем попало, потому что вьюки не поспевали и растянулись на 30 верст. Легкие отряды Лекурба отбили часть обоза, а в Альтдорфе удалось раздобыть очень немного продовольствия. Наконец, главные силы Лекурба (6 тысяч человек), сосредоточенные близ Фирвальдштетского озера, на фланге у Суворова, ждали удобной минуты, чтобы снова обрушиться на него.

Отрезанная от базы, лишенная продовольствия, с жалкими остатками боевых припасов, с истомленными, наполовину больными людьми, армия была в критическом положении.

В момент прибытия в Альтдорф Суворов был совсем болен. Его терзал жестокий кашель, непрерывно лихорадило, слабость во всем теле достигла предела. Но в этом обессиленном теле, в котором, казалось, еле теплилась жизнь, осталась та же несокрушимая, стальная воля героя.

Мысль об отступлении не приходила ему в голову. Им руководило лишь одно соображение: он опаздывал уже на сутки к назначенному по диспозиции сроку соединения в Швице, и это опоздание может повести к разгрому Корсакова и Готце. Поэтому, не дав отдохнуть измученным войскам, он на другое же утро выступил из Альтдорфа. Если бы Суворову стало известно, что

Массена уже успел разбить оба корпуса союзников, он, вероятно, принял бы какое-либо другое решение и предоставил бы отдых своей многострадальной армии. Но точных сведений не было, кроме темных, противоречивых толков. Верный своему долгу главнокомандующего, он решил любой ценой пробиться к ждавшим его корпусам.

Руководствуясь этим, Суворов решил совершить невиданный переход. Он избрал путь через Росшток. Только неограниченная уверенность в себе самом и в своих солдатах могла продиктовать это, казавшееся безрассудным, решение. «Где прошел олень, пройдет и солдат», говорил Суворов.

В 5 часов утра авангард князя Багратиона начал подъем. Тропинка делалась все круче, потом почти совсем исчезла. Солдаты взбирались поодиночке, цепляясь за колючий кустарник. Из-под ног сыпались осколки шифера и скользкая глина. Затем потянулась полоса рыхлого снега, в котором люди вязли по колена. Артиллерию и зарядные ящики всю дорогу подтаскивали на руках. Лошади и мулы то и дело срывались в пропасть, увлекая с собой драгоценные тюки с припасами. Путь армии был усеян трупами людей и животных.

«Каждый неверный шаг стоил жизни, – свидетельствует историограф этого изумительного перехода Милютин. – Часто темные облака, проносясь по скатам горы, охватывали колонну густым туманом, обдавали холодною влагою до того, что войска были измочены, как проливным дождем. Погруженные в сырую мглу, они продолжают лезть ощупью, не видя ничего ни сверху, ни снизу. Выбившись из сил, на время приостановятся, отдохнут – и снова начинают карабкаться».

Энгельс писал об этом переходе, что Суворову «…пришлось вести свою армию по пастушьим тропинкам, где можно было идти только в колонне по одному, в то время как по его пятам следовал сам Лекурб, лучший французский генерал в горной войне!».[130]

Расстояние между Альтдорфом и деревней Муттен равно 16 верстам. Через 12 часов после начала этого страшного перехода авангард русских войск перевалил через хребет. Прогнав беспечно стоявший сторожевой отряд французов, он вошел в деревню Муттен. В это время хвост армии еще пребывал в Альтдорфе, так как по тропинке приходилось пробираться гуськом.

Наступившая ночь была ужасна для тех, кто был застигнут ею на скатах горы. Каждый остался до утра на том месте, где его застала темнота. Не было укрытия от ветра и снега; израненные, обмороженные руки не в силах были сжимать ненадежную точку опоры. Многие срывались и, проносясь мимо своих товарищей,

находили смерть на острых камнях пропасти.

Лекурб пытался атаковать в Альтдорфе русский арьергард, но был отбит и более не возобновлял попыток. Передавали, что отважный француз, узнав о переходе русской армии через Росшток, выразил свое восхищение и преклонение перед нею.

Суворов тотчас выслал из Муттена разведку. Посланные вернулись с роковой вестью: и Корсаков и Готце разбиты и отступили; Муттенская долина окружена подавляющими силами Массены.

В результате героического перехода армия не только не улучшила своего положения, но оказалась в подлинной мышеловке.

Суворов с неподвижным лицом выслушал это сообщение.

– Готце! – воскликнул он. – Да они уже привыкли, их всегда били. Но Корсаков, Корсаков – тридцать тысяч и такая победа равным числом неприятеля!

Поражение Римского-Корсакова произошло 25 сентября, в день, когда Суворов штурмовал Чортов мост. Вынужденная задержка в Таверно позволила французам подготовить удар. Массена и Мортье обрушились на русских. Корсаков и помощник его генерал Дурасов проявили полнейшую растерянность.[131] Только стойкость солдат, по собственному разумению исправлявших ошибки командования, предотвратила совершенный разгром. Все же в цюрихском сражении корпус Корсакова потерял половину своего состава убитыми и пленными, 26 орудий, 9 знамен и почти весь обоз. Уцелевшие войска откатились к Рейну.

В тот же день французы под начальством Сульта нанесли при Везене страшное поражение корпусу Готце. Австрийцы бежали в совершенной панике. Готце был убит. Отряд Линкена самовольно удалился без боя из Гларис к Верхнему Рейну.

Таким образом, ко дню прихода Суворова в Муттенскую долину в Швейцарии не осталось ни одного полка коалиции, который мог бы оказать ему военную или продовольственную помощь. А помощь эта была бы очень кстати.

«Переход Суворова через Альпы». С картины В. И. Сурикова.

«В продовольствии, – рассказывает один участник похода, – чувствовался большой недостаток; сухари от ненастной погоды размокли и сгнили; местные селения были бедны и ограблены французами… мы копали в долинах какие-то коренья и ели…

Мяса было так бедно, что необходимость заставляла употреблять в пищу такие части, на которые бы в другое время и смотреть было отвратительно. Даже и самая кожа рогатой скотины не была изъята из сего употребления: ее нарезывали небольшими кусками, опаливали на огне шерсть, обернувши на шомполе, и, таким образом, ели полусырую».

Несколько тысяч изнуренных людей, без хлеба, без патронов, стояли лицом к лицу с восьмидесятитысячной свежей, могучей армией, союзником которой являлись непроходимые горы и холод. Борьба казалась безнадежной, и, повидимому, оставалось только капитулировать.

В том, что для русской армии нет выхода, что она должна будет сдаться, Массена не сомневался. Выезжая из Цюриха к Муттену, он с усмешкой заявил пленным русским офицерам, что

через несколько дней привезет к ним фельдмаршала и великого князя.

Среди некоторых офицеров суворовской армии также начался шепоток о почетной сдаче. Но такая мысль ни разу не мелькнула у больного, пылавшего в жару семидесятилетнего старика, который, сидя в казацком седле, делил с солдатами все невзгоды.

Первой мыслью Суворова было устремиться на Швиц, где можно было раздобыть продовольствие. Но благоразумие взяло верх рано или поздно его пятнадцатитысячная армия была бы уничтожена сытыми, обеспеченными боевыми припасами, дивизиями Массены. Тогда он решил пробиваться на Гларис, где надеялся соединиться с Линкеном и дать отдых войскам, которым предстояли новые неимоверные трудности. Надо было поднять их дух, перелить в них, от генерала до последнего солдата, неукротимую волю к борьбе. С этой целью Суворов созвал на 29 сентября военный совет.

Состоявший в армии Суворова австрийский генерал Ауфенберг не был приглашен на совет. Этим Суворов, повидимому, хотел подчеркнуть, что не считает австрийцев равноправными, достойными союзниками. Кроме того, он, очевидно, опасался, что присутствие Ауфенберга плохо отразится на соблюдении военной тайны.

Явившийся первым Багратион застал Суворова в необычайном волнении. Одетый в фельдмаршальский мундир, при всех орденах и регалиях, он ходил скорыми шагами по комнате и, не замечая Багратиона, бросал отрывистые слова:

– Парады… Разводы… Больше к себе уважение… Обернется – шапки долой… Помилуй господи… Да, и это нужно – да Ево-время. А нужнее то – знать вести войну… Уметь бить… А битому быть немудрено! Погубить столько тысяч… И каких. В один день… Помилуй господи…

Багратион тихо вышел, оставив фельдмаршала в тревожном раздумье.

Когда собрались все приглашенные, Суворов заговорил Голос его звенел от сдерживаемого волнения, энергичная речь электризовала слушателей. Он сделал краткий обзор итальянской кампании, перечислил все предательские происки австрийцев, обрисовал старания удалить его из Италии. Он осудил преждевременное выступление из Швейцарии эрцгерцога Карла, приведшее к поражению Корсакова, и с горечью упомянул о роковой потере пяти дней в Таверно.

– Теперь мы среди гор, – подвел он итоги, – окружены неприятелем превосходным в силах. Что предпринять нам? идти назад – постыдно; никогда еще не отступал я. идти вперед, к

Швицу, – невозможно: у Массены свыше шестидесяти тысяч, у нас же нет и двадцати. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии. Помощи нам ждать не от кого… Мы на краю гибели… Одна остается надежда: на бога да на храбрость и самоотвержение моих войск. Мы русские!

Голос его пресекся, и он, не стыдясь, заплакал.

Генерал Дерфельден от имени всех присутствовавших заявил, что войско готово безропотно идти всюду, куда поведет его великий полководец.

Суворов оживился. Глаза его заблистали.

– Да, – сказал он с уверенностью, – мы – русские, мы все одолеем!

На следующий день Багратион выступил с авангардом в направлении на Гларис. За ним следовала дивизия Швейковского. Корпус Розенберга остался в Муттене удерживать приближавшегося со стороны Швица неприятеля.

Массена, лично руководивший операциями, обладал крупным превосходством в силах. Но произведенный им натиск не увенчался успехом. Полки Милорадовича и Ребиндера совместно с казаками Грекова опрокинули французов и гнали их на расстоянии четырех верст. С зарею Массена опять повел атаку – и снова неудачно. Безостановочно преследуемые русской пехотой, французы в беспорядке отхлынули обратно. Поблизости от Муттена протекает речка Муота. Боковые стенки перекинутого через нее каменного моста были сломаны, так что осталась одна арка. Это обстоятельство оказалось роковым для французов. Мост был сразу загроможден бежавшими французскими солдатами, всадниками, зарядными ящиками и орудиями. Возникла ужасная давка, в результате которой люди десятками скатывались в реку. Казаки преследовали беглецов до самого Швица. Это была редкая в военной практике победа изможденных, окруженных, отступающих войск над гораздо более многочисленным, свежим противником. Она показала, что суворовской армии было незнакомо уныние и что боевой дух ее оставался непоколебимым.

Во время этого поразительного боя было взято в плен много французов. Среди них был, между прочим, генерал Лекурб, командовавший французами у Сен-Готарда и Чортова моста. Несмотря на тяжкое положение русской армии, пленные французы, разделив поневоле всё дальнейшие мытарства русских, были выведены Суворовым из Швейцарии и обменены на пленных, находившихся в руках французов. Отпуская Лекурба, фельдмаршал, всегда уважавший в противнике храбрость, спросил:

– У вас есть жена?

– Есть, – отвечал Лекурб.

– Тогда передайте ей эту розу, – и, сорвав цветок, он протянул его французскому генералу.

Лекурб до конца жизни хранил этот дар Суворова.

Задача арьергарда была, таким образом, блестяще выполнена, и он смог следовать за ушедшей к Гларису армией. Желая оторваться от противника, Розенберг прибег к хитрости он послал магистрату Швица распоряжение приготовить на 2 октября продовольствие для 12 тысяч русских, которые якобы войдут в город. Массена, разумеется, тотчас узнал об этом и весь день ожидал приближения русских, в то время как Розенберг тихо снялся с бивака и пошел к Гларису.[132] Французский полководец никогда не мог простить себе, что попался на эту уловку. Убедившись, что догнать русских не удастся. он бросился кружным путем к Гларису.

После панического отступления Линкена Гларис был занят французской дивизией Молитора. Отряд Багратиона героически атаковал французов, но условия местности и здесь представляли огромные выгоды для обороны. Ночь застала русских у подножия укрепленной горы; они лежали в снегу, не имея даже хвороста, чтобы разжечь костры. В это время подошли главные силы. Прибывший с ними Суворов отыскал Багратиона и стал убеждать его сделать еще усилие. Багратион взял егерский полк и 4 батальона гренадер и, пользуясь густым туманом, пошел в обход неприятельского расположения. Добравшись по скалам в кромешной тьме до противника, солдаты бросились в штыки. Многие в темноте срывались с кручи и гибли на дне ущелья. В это время дивизия Швейковского возобновила фронтальную атаку. Комбинированный удар принудил французов отступить; с помощью прибывших подкреплений они оттеснили было русские войска, но те снова обратили их в бегство. Некоторые пункты по шести раз переходили из рук в руки.

Петр Иванович Багратион.

В конце концов Гларис остался за русскими. Там нашлись кое-какие запасы продовольствия, и войска впервые за много дней получили горячую пищу. Через три дня, 4 октября, подошел арьергард Розенберга. Измученная, но все еще грозная армия могла двигаться дальше. Но куда?

Первоначальный план – соединиться в Гларисе с Линкеном и пройти затем к Саргансу, где расположились остатки корпуса Готце, оказывался несостоятельным: Линкена и след простыл, а на пути в Сарганс стояла армия Массены. В иных условиях Суворов не задумался бы напасть на Массену, но у русских совершенно иссякли патроны, войска голодали и так оборвались, что походили на сборище нищих. Генерал Ребиндер ходил в ботфортах без сапог, обернув ступни ног кусками сукна, чтобы хоть немного предохранить себя от холода и острых камней; солдаты не имели и этого.

Вновь созванный военный совет постановил уклониться от дальнейшего боя и, стремясь лишь к сохранению армии, повернуть на юг, в долину Рейна, на Иланц. Там, соединившись с Корсаковым и притянув артиллерию, можно было возобновить кампанию.

Оставив в Гларисе на великодушие французов тяжело больных, армия Суворова в ночь на 5 октября начала свой последний швейцарский переход.

Путь, предстоявший русским войскам, был еще труднее, чем все прежние переходы. Надо было перебраться через снеговой хребет Ринненкопф (Паникс). Узкая тропинка, кружившая по краям отвесной кручи, сделалось совсем непроходимой из-за

неожиданно выпавшего в горах снега. Этот внезапный снегопад явился тяжелым завершением тех невзгод, которые преследовали армию во все время швейцарского похода.

Пока Багратион прикрывал под Гларисом движение главных сил, выдерживая без патронов и без снарядов ожесточенные атаки французов, авангард Милорадовича начал страшный подъем на Паникс. Теперь нечего было и думать перетащить артиллерию; оставшиеся 25 орудий были сброшены в пропасть либо зарыты в землю. Около 300 вьюков с продовольствием пропало из-за невозможности удержать скользивших по обледенелому снегу мулов и лошадей.

«Горы, которые мы переходили всплошь, то спускаясь, то поднимаясь, – описывает один из участников этого последнего перехода суворовской армии, – были ужасно высоки, обрывисты, с глубокими пропастями… Сырой, густой туман обнимал нас. Дождь и снег сыпьмя осыпали, и холодный, резкий ветер валил с ног… Но двигались быстро, бодро и без малейшего ропота. Александр Васильевич был на своей старой лошади верхом, на казачьем седле; в синем плаще, старом, ветротленном; у форменной шляпы поля были опущены».

Чем выше, тем труднее было итти; местами приходилось ползти на четвереньках по обледенелой, гладкой коре. Все проводники разбежались, и войска шли, проваливаясь часто в снежные сугробы. Вьюга сметала все следы, так что каждому человеку приходилось искать самому точку опоры. Срываемые бурей камни с грохотом неслись в бездну, увлекая нередко людей. Каждый неверный шаг стоил жизни. Споткнуться – значило умереть.

Суворов с горевшими от лихорадки глазами ехал среди солдат, дрожа от порывов ветра под своим легким плащом.

– Ничего, ничего, – повторял он, – русак не трусак… Пройдем.

Два казака вели под уздцы его лошадь. По словам очевидца, фельдмаршал порывался пойти пешком, но его телохранители молча придерживали его в седле, иногда с хладнокровием говоря: «Сиди!» – и Суворов покорно подчинялся им.

Так взобрались на вершину Паникса.

«Переход Суворова через хребет Паникс». С картины А. Е. Коцебу.

Ни одна тропинка не вела вниз – только крутые, обледенелые обрывы. Передовые, попробовавшие спуститься, почти все погибли. Не было ничего, за что можно было бы удержаться при падении, – ни деревца, ни кустика, ни даже выступающего утеса.

Стояла такая стужа, что руки и ноги не повиновались; много солдат замерзло.

Тогда кому-то пришла в голову мысль сесть на край пропасти и покатиться в мрачную бездну. Тысячи людей последовали этому примеру. Прижимая к телу ружья, солдаты и офицеры неслись в бездонную пропасть. Уцелевших лошадей таким же манером сталкивали вниз. «Сие обстоятельство, – говорит участник похода Грязен, – действительно зависело от случая: иные оставались безвредны, но многие ломали себе шеи и ноги и оставались тут без внимания со всем багажом своим».

К полудню 7 октября армия, перебравшись таким путем через хребет, собралась в деревне Паникс, а вечером прибыла в Иланц. Из 20 тысяч человек, выступивших в Швейцарию, в Иланц пришли 15 тысяч: 10 тысяч боеспособных пехотинцев и казачьи части.

Учитывая невероятные трудности похода, надо признать потери в 5 тысяч человек не слишком большими, особенно если вспомнить, что французы понесли больший урон.

Швейцарский поход был закончен.

– Орлы русские облетели орлов римских, – с гордостью произнес Суворов, оглядывая оборванных, исхудалых, но по–прежнему бодрых солдат.

В своих статьях «По и Рейн» Энгельс говорил, что переход через Паникс «был самым выдающимся из всех современных альпийских переходов».[133]

В донесении Павлу I Суворов так характеризовал швейцарский поход:

«Я был отрезан и окружен, ночь и день мы били противника с фронта и тыла, захватывали у него его орудия, которые приходилось сбрасывать в пропасть за недостатком перевозочных средств, и он понес потери в четыре раза больше, чем мы. Мы прорвались повсюду, как победители».

Следует отдать должное предусмотрительности Суворова: избрав смелый вариант похода, он все время обеспечивает себе возможность отхода в долину Верхнего Рейна, если обстоятельства сложатся неблагоприятно. Сперва Розенберг идет вправо, затем Суворов посылает Ауфенберга на соединение с Линкеном. И в конце концов он увел туда свои войска, причем противник не смог серьезно помешать ему. Прекрасный пример осмотрительности и дальновидности Суворова!

Беспримерные дни этого похода были грозным испытанием и для полководца и для русской армии. Испытание это было выдержано столь блестяще, что четырехнедельная кампания явилась венцом славы Суворова и окружила ореолом величия русский народ. Эта кампания показала, что сила духа русского солдата, его энергия и упорство так велики, что он способен одолеть самые невероятные препятствия: физические лишения, суровую природу и сильнейших врагов.

XV. Смерть Суворова

В часы, когда Суворов, ежась от стужи, пробирался над провалами Паникса, его мысль неустанно работала над планом новой кампании. Прямо «с Паникса он отправил эстафету эрцгерцогу Карлу о том, что готов снова предпринять наступление, если австрийцы поддержат его войсками, продовольствием и боевым снаряжением. Несколько дней спустя он послал эрцгерцогу конкретный план наступления, но, не дождавшись ответа, резко изменил свои намерения. До него дошли сведения о чрезвычайном обострении отношений между Веной и Петербургом: крепкий „задним умом“, Павел сообразил, наконец, к чему привела русскую армию двуличная политика ее союзников; были запрещены молебны об австрийских победах, курьерам к Суворову приказано ездить, не заезжая в Вену, и т. п. Суворову император прямо писал: „Главное – возвращение ваше в Россию и сохранение ее границ“.

Быть может, острое чувство горечи от безрезультатности швейцарского похода побудило бы фельдмаршала все-таки возобновить военные действия, чтобы вытеснить французов из Швейцарии. Он составил в октябре записку на этот счет. Записка не окончена, но смысл ее ясен: надо сперва занять позиции, на которых стояли войска Корсакова и Готце, а затем предпринять наступление. Обязательным условием для этого он считал активное участие армии эрцгерцога Карла. Но его переговоры с австрийцами приняли весьма неблагоприятный оборот. Эрцгерцог не желал в точности сообщить, какое количество солдат он выставит в помощь Суворову, и вообще так повел дело, что созванный фельдмаршалом военный совет единогласно решил: «Кроме предательства, ни на какую помощь от цесарцев[134] нет надежды; чего ради наступательную операцию не производить».

30 октября 1799 года суворовская армия соединилась с остатками корпуса Римского-Корсакова; войска расположились на отдых близ Боденского озера. Австрийцы прилагали все усилия, чтобы договориться о новой кампании. Однако. Суворов отклонил предложение о свидании с эрцгерцогом, пояснив графу Толстому, что «юный эрцгерцог Карл хочет меня обволшебить своим демосфенством»; переписка же обоих главнокомандующих от раза к разу приобретала все более раздраженные тона.

По поводу одного замечания эрцгерцога о военном искусстве Суворов отозвался: «Суворов разрушил современную военную теорию, потому правила искусства принадлежат ему». Иногда он допускал в письмах к эрцгерцогу явно обидные, даже

оскорбительные выражения.

Антагонизм между русским и австрийским генералитетами достиг высшей точки. Дошло до того, что на балу у Аркадия Суворова великий князь Константин выгнал явившуюся группу австрийских офицеров. Поведение фельдмаршала отражало в этом смысле господствовавшие в армии настроения.

Происшедшие события кое-чему научили даже Павла. Бесцеремонное хозяйничанье австрийцев в Италии, приведшее к восстанию в Турине, начатые Веной тайные переговоры с Францией о заключении сепаратного мира, преждевременный уход эрцгерцога из Швейцарии – все это в конце концов пересилило желание Павла прослыть «спасителем Европы». В октябре он в решительных выражениях известил императора Франца о разрыве союза между Россией и Австрией.

Суворову было предписано начать приготовления к обратному походу в Россию. Чтобы не зависеть при этом от Австрии, ему предписывалось занять деньги у баварского курфюрста и оплачивать отныне все услуги австрийцев.

26 ноября русские войска выступили в обратный путь, но под влиянием Англии были остановлены в Чехии. Император Франц прислал Суворову отчаянный рескрипт, убеждая повременить с уводом армии и обещая неограниченную поддержку в случае возобновления войны. Суворов ответил австрийскому посланцу:

– Я пришел в назначенный день к месту соединения и увидел себя оставленным; вместо того, чтобы найти армию в хорошем порядке и в положении выгодном, я совсем не нашел ее… Над таким старым солдатом, как я, можно посмеяться только один раз; но он был бы слишком глуп, если бы позволил сделать это с собою в другой раз.

Австрийский генерал граф Эстергази, тщетно растративший все свое красноречие в попытках переубедить Суворова, воскликнул, уезжая:

– Ваша правда! Что за человек! Он столько же умен и сведущ, сколько велик как полководец. Но я ничего не мог у него добиться.

Австрийскому императору Суворов ответил, что не может остановить войска без нового повеления и в заключение дал австрийцам совет:

– Если хотите воевать с Францией, воюйте хорошо, ибо плохая война – смертельный яд… Первая великая война с Францией должна быть также и последняя.

Впрочем, он не обманывался насчет того, как будут сражаться австрийцы. С обычной проницательностью он писал, предвидя события 1800 года: «Они храбры, я их испытывал и оставлю

армию победительнее Евгеньевой;[135] но без меня их же побьют».

Обострились отношения также между Россией и Англией (в связи с поражением посланного Павлом I семнадцатитысячного отряда генерала Германа; этот отряд должен был действовать совместно с англичанами в Голландии, и Павел считал, что разгром его произошел отчасти по вине англичан).

Павел I с обычной экспансивностью резко изменил курс своей внешней политики.

В начале января 1800 года Суворов получил собственноручное письмо императора, в котором объявлялось, что «обстоятельства требуют возвращения армии в свои границы…»

26 января армия двумя колоннами вступила в Россию.

Сохранились сведения, что, вернувшись из Швейцарии, Суворов очень тревожился о том, как будет воспринято безрезультатное окончание похода, не умалит ли оно его полувековой военной славы. Но опасения его были напрасными. Было ясно до очевидности, в чем крылась действительная причина неудачных результатов похода, а проявленные им самим и всей армией необыкновенные стойкость и мужество только укрепили за Суворовым и его войсками мировую славу.

Павел I присвоил Суворову чин генералиссимуса всех российских военных сил и посылал ему необычайно дружеские письма. «Извините меня, что я взял на себя преподать вам совет…», «Приятно мне будет, если вы, введя в пределы российские войска, не медля ни мало приедете ко мне на совет и на любовь», «Сохраните российских воинов, из коих одни везде побеждали, оттого что были с вами, а других победили, оттого что не были с вами» – такими фразами пересыпаны письма императора Суворову в этот период. Армия получила щедрые награды: почти всем офицерам были присуждены ордена и крупные денежные премии; все унтер-офицеры были произведены в офицеры, а нижним чинам, героям Нови и Паникса, была выдана чисто «царская» награда: каждый из них получил… по 2 рубля!

Европейские государства соперничали в выражении внимания и восхищения Суворову. Австрийский император – не без больших, правда, дебатов в гофкригсрате – прислал ему большой крест Марии-Терезии; баварский курфюрст, сардинский король, саксонский курфюрст осыпали его наградами. Курляндская принцесса была помолвлена с Аркадием Суворовым. Лорд Нельсон в письмах уверял Суворова, что «в Европе нет человека, который бы любил вас так, как я».[136]

Русский посол в Лондоне Воронцов уведомлял, что в Англии

имя Суворова «произносится не иначе, как с энтузиазмом».

А. В. Суворов.

Лорд Гренвиль заметил: «Именно так следовало бы вести войну повсюду», и, касаясь полученных сведений о новых происках Австрии, добавил: «… а не парализовать политическими интригами храбрую армию, которая горит желанием померяться с врагом».

В этом звонком хоре слышались, правда, и другие голоса. Массена напечатал самовлюбленную реляцию, в которой силился изобразить русскую армию уничтоженной им; во Франции выпускались пасквили и памфлеты против старого полководца. Суворов опубликовал веское опровержение реляции Массены, а пасквили читал с удовольствием и справлялся, нельзя ли переиздать эти «бранные бумажки».

Хотя кое-кто склонялся к мнению, что стратегические дарования Суворова менее велики, чем его несравненный гений тактика, но все признавали его великим полководцем, отмечая, что он не был побежден ни в одном крупном сражении, что под Рымником он с 25 тысячами человек победил до 100 тысяч, под Козлуджи с 8 тысячами разбил 40 тысяч, а под Треббией с 22 тысячами победил 33 тысячи.

В юношеских мечтах своих видел Суворов такую славу. Но она пришла слишком поздно: он чувствовал уже холодное дыхание смерти, воспоминания его хранили тяжкий груз обид и несправедливостей, которым он не раз подвергался в своей жизни. Лучи этой славы казались ему теплыми, но не обжигали его.

Все же он был в это время очень весел и подвижен. Январь 1800 года он провел в Праге.[137] В последний раз ему удалось превозмочь болезнь, и он часами играл в жмурки, в фанты, в жгуты, строго соблюдая правила игры и внося в нее мальчишеский задор. Он заставлял немцев выговаривать трудные русские слова, подолгу повествовал об одной замечательной плясунье в Боровичах. Но под личиной веселья он таил тяжелые предчувствия. Однажды он заставил отвезти себя на гробницу Лаудона,[138] долго стоял там и, глядя на длинную латинскую эпитафию, в задумчивости промолвил:

– Зачем это? Когда меня похоронят, пусть напишут просто: «Здесь лежит Суворов».

Ко дню выступления русских войск из Чехии в Россию он почувствовал себя нездоровым. В Кракове он сдал командование Розенбергу и поехал вперед. Прощание с войсками было тяжелым. Полководец не мог произнести ни одного слова из-за подступивших к горлу рыданий. Солдаты безмолвствовали, понимая, что в последний раз видят Суворова.

Он еще был жив, но имя его уже стало достоянием легенды. Идя в поход, солдаты пели:

Число мало, но в устройстве,
И великий генерал.
Как равняться вам в геройстве,
Коль Суворов приказал.
Казаки, карабинеры,
Гренадеры и стрелки
Всякий на свои манеры
Вьют Суворову венки.

Новобранцы, приходя в полк, жадно слушали бесконечные рассказы ветеранов о любимом полководце.

Здравствуй, здравствуй, граф Суворов,
Что ты правдою живешь…
Справедливо нас, солдат, ведешь…

Справедливость в то время солдаты видели редко, и потому такой искренностью дышали слова их песни:

С предводителем таким
Воевать всегда хотим.

Двенадцать лет спустя, когда русскому народу пришлось отстаивать свою национальную независимость в борьбе против Наполеона, русская армия, возглавлявшаяся Кутузовым, вдохновлялась памятью о великом его учителе – Суворове, его заветами и боевыми традициями.

* * *

А сам полководец, слабея с каждым днем, медленно подвигался к Петербургу. Ему было известно, что для встречи его выработан торжественный церемониал придворные кареты будут высланы в Нарву, въезд в столицу будет ознаменован пушечной пальбой и колокольным звоном, в Зимнем дворце приготовляются апартаменты для него. Все это тешило старика, поддерживало его дух, который, как всегда, был главной опорой его против болезни.

Тем не менее, пришлось отсрочить приезд в Петербург. Суворову стало хуже, и его, совсем больного привезли в Кобрино. Император немедленно отправил к нему лейб-медика Вейкарта. Суворов лечился по-обычному неохотно.

– Мне надобны деревенская изба, молитва, баня, кашица да квас, – говорил он полушутя, полусерьезно, – ведь я солдат.

– Вы генералиссимус, – возражал Вейкарт.

– Так, да солдат с меня пример берет…

В глубине души он не верил уже в свое выздоровление. Однажды, когда его поздравили со званием генералиссимуса, он тихо сказал:

– Велик чин! Он меня придавит! Не долго мне жить…

В феврале он написал Растопчину: «Князь Багратион расскажет вам о моем грешном теле. Начну с кашля, вконец умножившегося; впрочем естественно я столько еще крепок, что когда час-другой ветра нет, то и его нет. Видя огневицу, крепко наступившую, не ел во все 12 дней. Чувствую, что я ее чуть не осилил. Но что проку? Чистейшее мое тело во гноище лежит. Сыпи, вереда, пузыри переходят с места на место. И я отнюдь не предвижу скорого конца».

Немного погодя, когда в состоянии его здоровья наступило некоторое улучшение, он сообщил Фуксу: «Тихими шагами возвращаюсь я опять с другого света, куда увлекала меня неумолимая фликтена с величайшими мучениями».

Болезнь Суворова, которую он называл фликтеной, развилась на почве перенапряжения и полного истощения всех сил организма. Словно все раны и лишения трудной семидесятилетней жизни давали себя знать. Сказывалось и то, что полководец никогда не имел компетентного медицинского ухода. Отчасти он сам был виноват в этом, но еще больше те, кто стремился лишь использовать его в своих целях, не проявляя к нему никакой заботы. Теперь, на склоне своих дней, он отдал себе отчет, в числе многих других горьких истин, и в этом. В марте он писал Хвостову: «Надлежит мне высочайшая милость, чтоб для соблюдения моей жизни и крепости присвоены мне были навсегда штаб-лекарь хороший с помощником, *к* ним фельдшер и аптечка. И ныне бы я не умирал, есть ли бы прежде и всегда из них кто при мне находился: но все были при их должностях».

Дошедшие до предела нервность и раздражительность делали Суворова нелегким пациентом. Вайкарт с трудом переносил его вспышки и резкие замечания. Единственно, что поддерживало больного, – это беспрестанные известия о всеобщем преклонении перед ним и о приготовлении к триумфальной встрече его. И вот тут дворянская Россия нанесла прославившему ее полководцу последний безжалостный удар.

20 марта[139] император Павел отдал повеление: «Вопреки высочайше изданного устава, генералиссимус князь Суворов имел при корпусе своем, по старому обычаю, непременного дежурного генерала, что и дается на замечание всей армии». В тот же день Суворову был отправлен рескрипт: «Господин генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский!.. Дошло до сведения моего, что во время командования вами войсками моими за границею, имели вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех моих установлений и высочайшего устава; то и, удивляясь оному, повелеваю вам уведомить меня, что вас понудило сие сделать».

Суворов получил этот рескрипт по дороге в Петербург: незадолго перед этим Вейкарт разрешил ему выехать, хотя и с соблюдением предосторожностей; лошади медленно влекли дормез, где на перине лежал больной старик. Новая, нежданная опала потрясла его. В нем ослабел импульс к жизни, болезнь начала заметно прогрессировать.

В то время как первая опала подготовлялась императором исподволь и многими предугадывалась, теперешняя была

совершенно неожиданна. До последнего момента Павел ничем не проявлял своих намерений. Его письма больному генералиссимусу полны заботливости и внимания. Последнее из этих писем датировано 29 февраля; в нем император выражает надежды, что посланный им лейб-медик сумеет поставить на ноги Суворова. Затем наступил трехнедельный перерыв, и 20 марта внезапный рескрипт. Больше того: столь проницательный и ловкий придворный, как Растопчин, все время оставался в неведении о назревавшей перемене в отношении Павла к тому, про кого он еще недавно сказал:

– Я произвел его в генералиссимусы; это много для другого, а ему мало: ему быть ангелом.

16 марта Растопчин отправил Суворову свое очередное письмо:

«Желал бы я весьма, чтобы ваше сиятельство были сами очевидным свидетелем радости нашей при получении известия о выздоровлении вашем». Даже этот верный подголосок Павла не подозревал того, что произойдет через три дня.

Повод к новой немилости был так же ничтожен, как и в 1797 году, но, как и тогда, причина лежала глубже. Осыпая наградами и комплиментами прославлявшего его полководца, Павел втайне питал к нему прежнее недоверие и неприязнь. Один характерный факт ярко иллюстрирует это: даровав Суворову княжеский титул, император не разрешил именовать его «светлостью». Суворов остался «сиятельством», хотя при возведении в княжеское достоинство Безбородко и Лопухина было добавлено: «с титулом светлости». С окончанием войны упорное недоброжелательство к Суворову, не сдерживаемое более обстоятельствами момента, вспыхнуло с прежней силой. Павел ни одной минуты не думал, что генералиссимус сделается теперь покорным проводником его взглядов и его системы. Командуя войсками, Суворов, конечно, расстроил бы всю с таким трудом созданную Павлом военную организацию. Этого император не мог допустить. Он предпочитал вызвать изумление Европы и скрытое возмущение всего русского населения, чем поступиться прусской муштровкой.

Тот факт, что корпуса Римского-Корсакова и Германа, в которых незыблемо соблюдался устав Павла I, были наголову разбиты, а полки Суворова, не выполнявшие этого устава, одержали блистательные победы, еще больше раздражал императора.

Через несколько дней после указа об опале Суворова император издал следующий приказ, относившийся к вернувшейся из похода суворовской армии:

«…Во всех частях сделано упущение; даже и обыкновенный

шаг ни мало не сходен с предписанным уставом».

Один историк справедливо вспомнил по – поводу этого последнего приказа упрек русскому корпусу в Мобеже в 1814 году насчет недостаточно четкого шага и ответ М. Воронцова, что это тот самый шаг, которым русская армия дошла до Парижа.

Раз было принято решение, нетрудно было найти предлог. Собственно говоря, таких предлогов всегда было более чем достаточно: австрийцы всячески порочили, полководца, обвиняя его в нелойяльном к ним отношении, а недруги Суворова из среды павловского окружения постоянно восстанавливали против него императора, приписывая ему почти все военные и политические неудачи.

Наконец, даже в суворовской армии имелись клевреты государя, старательно подбиравшие все факты, служившие во вред полководцу. К числу их нужно прежде всего отнести агента Тайной экспедиции Фукса. В августе 1799 года племянник Суворова князь Андрей Горчаков пишет из Италии Хвостову: «… Если бы вы поговорили с генерал-прокурором, что находящийся здесь г. Фукс вдруг теперь зачал себе задавать тоны, теряя уважение к фельдмаршалу и к его приказаниям, выискивает разные привадки и таковые, что государь, получа от него какие-нибудь ложные клеветы, может приттить в гнев». Таким образом, со всех Сторон вокруг полководца плелась паутина интриг.

И если из массы верных и вовсе неверных фактов, которые исподтишка вменялись в «вину» Суворову, было выделено назначение дежурного адъютанта, то с таким же успехом можно было придраться к любому другому поводу.

Суворов, несмотря на его частые расхождения с образом действий правительства, подымавшиеся до высот серьезной принципиальной оппозиции против опруссачивания армии, оставался приверженцем монархического режима.

Но он мечтал об ином, о просвещенном и гуманном режиме.

– При споре, какой образ правления лучше, надобно помнить, что руль важен, а важнее рука, которая им управляет, – произнес он однажды.

Фукс рассказывает весьма любопытный эпизод. Одного унтер-офицера, совершившего военный подвиг, Суворов представил к производству в офицеры. Из Петербурга пришел отказ с указанием, что унтер не является дворянином и не выслужил срочных лет. Суворов был весь день мрачен и вечером со вздохом сказал:

– Дарование в человеке есть бриллиант в коре; надобно показать его блеск. Талант, из толпы выхваченный, преимуществует перед многими другими. Он всем обязан не

случаю, не старшинству, не породе, а самому себе… О, родимая Россия! Сколько из унтеров возлелеяла ты героев!

Та монархия, которую Суворов видел перед собой, знамена которой он покрывал славой, феодально-чиновничья монархия Екатерины и, тем более, Павла вызывала в нем резкий протест, но самую сущность ее как системы, как политического и социального порядка он не подвергал сомнению. И новую немилость монарха он воспринял как тяжкий, незаслуженный, но непреоборимый удар.

23 апреля, в глухую полночь, Суворов медленно въехал в Петербург. Никто не встретил его. Для официальных кругов не было больше увенчанного лаврами великого полководца; они видели в нем только нарушителя императорского указа.

Карета с больным генералиссимусом добралась до Крюкова канала, где помещался дом Хвостова. Суворов с трудом дошел до своей комнаты и в полном изнурении свалился в постель. В это время доложили о приезде курьера от императора. Больной с заблиставшими глазами велел позвать его. Вошел Долгорукий и сухо сообщил, что генералиссимусу князю Суворову воспрещается посещать императорский дворец.

С этого дня началась последняя битва Суворова с неуклонно приближавшейся к нему смертью. Он изредка еще вставал, пробовал заниматься турецким языком, беседовал о военных и политических делах, причем ни разу не высказывал жалоб по поводу своей опалы. Но память изменяла ему; он с трудом припоминал имена побежденных им генералов, сбивался в изложении итальянской кампании (хотя ясно помнил турецкие войны), часто не узнавал окружающих. Разум его угасал. От слабости он иногда терял сознание и приходил в себя только после оттирания спиртом.

Через два дня после прибытия Суворова в Петербург император распорядился отобрать у него адъютантов. Лишь немногие осмелились посетить умирающего героя. Время от времени наезжали с официальными поручениями посланцы от Павла: узнав, что дни полководца сочтены, он проявил к нему скупое, лицемерное участие. Однажды император прислал Багратиона справиться о здоровье полководца. Суворов долго всматривался в своего любимца, видимо не узнавая его, потом взгляд его загорелся, он проговорил несколько слов, но застонал от боли и впал в бредовое состояние.

Жизнь медленно, словно нехотя, покидала истерзанное тело. Неукротимый дух все еще не хотел признать себя побежденным. Когда Суворову предложили причаститься, он категорически отказался, не веря, что умирает; с большим трудом окружающие

уговорили его причаститься. Приезжавший врач, тогдашняя знаменитость, Гриф поражался этой живучести. Как-то Горчаков сказал умирающему, что до него есть дело. С Суворовым произошла мгновенная перемена.

– Дело? Я готов, – произнес он окрепшим голосом.

Но оказалось попросту, что один генерал желал получить пожалованный ему орден из рук генералиссимуса. Суворов снова в унынии откинулся на подушки. По целым часам он лежал со сжатыми челюстями и закрытыми глазами, точно пробегая мысленным взором всю свою трудную жизнь. Древиц… Веймарн… Прозоровский… Репнин… Потемкин… Нико– лев… Павел I… Тугут – длинная вереница людей, присваивавших его лавры, мешавших его победам, истязавших его солдат, заслонявших от него народ, хотя все свое военное искусство он основал на тесной связи с народом. Однажды он вздохнул и еще внятно произнес:

– Долго гонялся я за славою. Все мечта!

На последней поверке слава оказалась недостаточной платой за полную чашу горестей и за растраченные исполинские силы; но в свой смертный час Суворов отыскал другие результаты, иное оправдание прожитой жизни: служение отчизне, а через нее и человечеству.

Смерть подступала все ближе. На старых, давно затянувшихся ранах открылись язвы; началась гангрена. Суворов метался в тревожном бреду. С уст его срывались боевые приказы. И здесь не покидали его призраки последней кампании. В забытьи, при последних вспышках воображения он исправлял ошибки австрийцев, осуществлял поход на Геную. В последнем исступленном усилии он прошептал:

– Генуя… Сражение… Вперед…

Это были последние слова Суворова. Он еще судорожно дышал, ведя свою последнюю борьбу. Во втором часу пополудни 6 мая 1800 года дыхание прервалось на полувздохе.

В обтянутой черным крепом комнате водворили набальзамированное тело полководца. Вокруг были разложены на стульях все ордена и отличия. Лицо Суворова было спокойно; при жизни у него давно не видели такого выражения.

Весть о кончине Суворова произвела огромное впечатление. Толпы народа теснились перед домом Хвостова; многие плакали.

На другой день после кончины Суворова Державин писал Львову: «Вот урок, вот что есть человек!»

Недавно воспевавший полководца:

Твой ли, Суворов! се образ побед?

Трупы врагов и лавры твой след…

он теперь посвятил ему прочувствованное стихотворение «Снигирь»:

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиенну?
Кто теперь вождь наш, кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное мечь закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью Россиян все побеждать?

И он же выразил общее мнение в смелых строках;

Всторжествовал – и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысячи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

В армии воцарилась глубокая, безнадежная скорбь. Старые ветераны украдкой рыдали.

Особенно велико было отчаяние старых «чудо-богатырей» – фанагорийцев, апшеронцев, суздальцев, проделавших вместе с Суворовым легендарные походы.

Но приходилось таиться: дворянско-крепостническая павловская Россия мстила полководцу даже после его смерти. В официальном правительственном органе – «Петербургских ведомостях» – не было ни единым словом упомянуто ни о смерти, ни о похоронах генералиссимуса.

Павел приказал похоронить тело Суворова в Александро-Невской лавре. Похороны были назначены на 11 мая; император перенес их на 12 мая.

Густые толпы народа провожали останки полководца; почти все население Петербурга собралось здесь. Это не были праздные зеваки; по свидетельству очевидцев, на всех лицах была написана неподдельная скорбь. И тем ярче бросалось в глаза, что в грандиозной торжественной процессии не участвовали ни придворные, ни сановники.

Некоторые из присутствовавших читали эпитафию, составленную князем Белосельским:

«Изображение генералиссимуса князя Италийского.

…Дух истинного любомудрия наставил его, с юных самых лет, пренебрегать мнениями людей и довольствоваться одним заключением потомства.

…Предавшись военной славе, он посвятил ей все: богатство, покой, забаву, любовь и даже родительское чувствие.

…Не тут ли театр славы сильного Бонапарте? Тут! Но преобрази годы в месяцы, а месяцы во дни и поймешь превыспренность[140] князя Италийского.

…Минчио, Адда, Треббия, Сен-Готард, Тейфельсбрик,[141] Гларис… Ты, храбрый и злочастный Макдональд, вы, столь прежде славные Моро, Жубер, Массена… Довольно вас именовать. Блажен, что на Суворова не идет!

…Суворов достиг предмета и теперь стал превыше всех жребий и времен. Желал ли он почестей? Он почти обременен ими. Хотел ли одной славы? Он в ней погружен».[142]

Другие повторяли сделанный кем-то подсчет военных трофеев Суворова: в результате совершенных им 20 походов он взял у противников 609 знамен, 2 670 пушек, 107 судов и 50 тысяч пленных.

Воинские почести повелено было отдать рангом ниже: как фельдмаршалу, а не как генералиссимусу. В погребальной церемонии участвовали только армейские части. Гвардия назначена не была будто бы вследствие усталости после недавнего парада.

В десятом часу утра гроб с останками великого русского полководца был вынесен из дома, водружен на катафалк и медленно двинулся посреди расставленных шеренгами батальонов и плотных масс народа.

Последний переход Суворова… Лица солдат как бы окаменели…

На катафалке, на бархатных подушках, были разложены ордена умершего полководца: Андрея Первозванного, Георгия 1-й степени, Владимира 1-й степени, Александра Невского, Анны 1-й степени, Иоанна Иерусалимского; прусские: Черного орла, Красного орла и «За Доблесть»; австрийские: Большого креста и

Марии-Терезии; баварские: Золотого Льва и Губерта; сардинские: Благовещения, Маврикия и Лазаря; польские: Белого орла, святого Станислава; французские: Кармельской богородицы, святого Лазаря…

…Отгремели артиллерийские и ружейные салюты. Над прахом Суворова легла тяжелая каменная плита. Суворов – герой, столько раз бесстрашно глядевший в глаза смерти, Суворов – человек своего века и своей страны – окончил свой жизненный путь.

XVI. Полководческое искусство Суворова

«Материалы, касающиеся истории моей военной деятельности, так тесно связаны с историей моей жизни вообще, – писал Суворов одному из своих биографов, служившему в рядах его войск, графу Цукато, – что оригинальный человек и оригинальный воин не могут быть отделены друг от друга, если образ того или другого должен сохранить свой действительный оттенок».

Этим замечанием Суворова необходимо руководствоваться при оценке его как полководца. В европейской истории не было более полного и цельного типа военного человека, чем Суворов. «Все его личные качества, свойства, понятия, привычки, потребности, – говорит один историк, – все было тщательно выработано им самим и применено именно к потребностям военного дела, которое с детских лет играло первенствующую роль в его жизни и руководило им».

Военное творчество Суворова может рассматриваться как вклад в сокровищницу русской культуры: история русского военного искусства есть часть истории нашей культуры, а влияние Суворова в этой области было исключительно велико.

В области военного искусства Суворов далеко опередил свою эпоху. Связанный ревнивой опекой завистливых, малоспособных начальников; не имевший возможности организовать подготовку войны и тем более самое ведение кампании так, как ему хотелось бы; стоявший всю жизнь, по его собственному выражению, «между двумя батареями: военной и дипломатической», – Суворов тем не менее проявил во всем блеске свой военный гений.

В деятельности Суворова отчетливо проявилась глубокая народность русского военного искусства.

Русская армия времен Суворова отличалась от подавляющего большинства других армий тем, что была однородна по своему национальному составу. Она рекрутировалась из великорусского крестьянства; наемных войск в ней не было вовсе. Во всех прочих армиях иноземные наемные войска играли огромную, иногда решающую роль. В армии прусского короля Фридриха II в 1768 году из 160 тысяч человек было 90 тысяч иностранцев.

Преимуществом для русской армии являлось и то, что она пополнялась посредством рекрутских наборов (впервые введенных Петром I), а не посредством принудительной вербовки, как в большинстве западноевропейских стран. Правда, и.

рекрутская система имела много отрицательных сторон – хотя бы то, что в ней с исключительной резкостью было отражено социальное неравенство, но все-таки это был гораздо более организованный метод набора, чем насильственная вербовка.

Национально однородная армия была, Конечно, несравненно выше в моральном отношении, чем армия, ядром которой являлись иноземные наемники. Русские солдаты были чрезвычайно восприимчивы к идеям боевого служения отечеству.

Весь ход истории России способствовал тому, что идея защиты отечества проникла до самых глубоких недр русского народа, вынужденного постоянно отражать нападения внешних врагов. Это исторически сложившееся патриотическое самосознание, наряду с однородным национальным составом солдат и с более прогрессивным способом комплектования, давало русской армии XVIII столетия огромные преимущества. Но они пока еще были потенциальными, их нужно было реализовать.

Суворов – прямой продолжатель новаторов в русском военном искусстве: Петра I и Румянцева. Орлиным взглядом он усмотрел в своей армии богатырские возможности, таившиеся под спудом всевозможных неустройств и непорядков. Всем помехам он объявил решительную борьбу. А дремлющим силам, скрытым возможностям Суворов искусно дал выход – создал войско, равного которому по боевым качествам в то время не существовало.

Особенности русской армии, как армии, проникнутой национальным духом великого народа, позволили Суворову коренным образом пересмотреть общепринятые для того времени взгляды на теорию и практику военного искусства. В чем заключались эти взгляды?

Характер армий, с которыми приходилось иметь дело западноевропейским полководцам, определил и характер их военного искусства. Ограниченные боевые качества этих армий обусловили ограниченность стратегических целей и робость тактических методов. Преобладание в армии наемных солдат делало чрезвычайно важным вопрос о финансовых ресурсах государства и толкало к естественному выводу, что затяжная война неминуемо приведет к капитуляции той страны, у которой меньше финансовые возможности. Отсюда рождалась мысль о том, что достаточно вести войну на истощение; не стремясь к уничтожению неприятельской армии.

Магазинное снабжение (то есть система питания войск исключительно с помощью подвозимого войскам провианта из армейских складов, не используя продовольственных ресурсов местного населения) крайне обостряло вопрос о коммуникациях.

А это, в свою очередь, определяло стремление полководцев посредством сложных маневров «давить» на коммуникации неприятеля, потому что в большинстве случаев достаточно было одной угрозы нарушить снабжение армии, чтобы неприятель отступил. По той же причине почти никогда не рисковали далеко углубляться на территорию врага.

Неуверенность в личном составе армии, боязнь дезертирства (из-за отсутствия моральных стимулов у наемных солдат) побуждали избегать рискованных операций, подвергающих суровым испытаниям стойкость солдат. Поэтому полководцы очень неохотно давали крупные сражения, а победив в сражении, не всегда преследовали противника.

С развитием огнестрельного оружия родилась мысль о том, что штыковой и сабельный бой навсегда отошел в область преданий. Оформилась линейная тактика, то есть построение войск в две-три линии (без резервов), что позволяло ввести в действие все наличные огневые средства – пушки и ружья. В то же время такой боевой порядок давал возможность держать под неослабным надзором солдат, стойкость которых в наемной армии не внушала уверенности.

Главное же, в чем наиболее отчетливо проявлялись воззрения «методической» школы военного дела, был вопрос о сражении. В соответствии со всей системой взглядов этой школы решения стратегических задач стремились достигнуть, не прибегая к сражению.

«Без веских причин никогда не начинайте боя», часто говорил Фридрих II. В другой раз он сравнил сражение с рвотным, к которому прибегают, если все другие средства не дали результата.

Недаром, даже решаясь на крупное сражение, Фридрих оставался верен канонам линейной тактики, хотя в середине XVIII века достоинства этой тактики уже, по меньшей мере, равнялись ее недостаткам, так как она лишала армию возможности маневрировать па поле боя. По выражению Энгельса, линейная тактика связывала «армию в целом, как смирительная рубашка». [143]

Особенностью линейного боевого порядка было то, что все отдельные воинские части тесно примыкали одна к другой своими флангами, и наступление велось сразу всей линией, в условиях строгого равнения солдат по фронту. При подобном боевом порядке войска равномерно размещались тонкой, длинной линией.

Такая растянутость, наряду с необходимостью соблюдать непрерывность и целостность боевого порядка, позволяла вести

сражение только на ровной местности и только днем. Помимо того, отсюда вытекала невозможность осуществлять маневр отдельными частями войск: наступление приходилось вести только всем фронтом.

Короче говоря, линейная тактика XVIII столетия неизбежно приводила к малой гибкости и малой подвижности войск, к отсутствию маневра подразделениями.

Но западноевропейские государства, в особенности Пруссия, крепко держались за этот порядок, потому что он в наибольшей степени обеспечивал контроль над солдатской массой.

Иначе обстояло дело в России. В противоположность наемным солдатам, солдаты русской национальной армии верили, что они сражаются за родину. Поэтому они служили с гораздо большим чувством ответственности, проявляя инициативность, личный почин, неизменно выказывая храбрость и готовность к лишениям.

Это делало возможным осуществление другой военной системы и другой стратегии, образцы которой дал уже Петр I. В период Семилетней войны заветы Петра были восприняты и успешно развиты рядом русских военачальников (в первую очередь Румянцевым и Салтыковым), тонко учитывавших и хорошо умевших использовать особые, свойства русской армии.

Под их руководством русские войска сражались не только в линейных боевых порядках, но и батальонных колоннах, применялся иногда и рассыпной строй. Разнообразие боевых порядков и более высокий моральный уровень русских войск давали возможность вести бой в любой местности (в лесу, в населенных пунктах), притом как днем, так и ночью; они давали возможность часто применять штыковой бой и, наконец, предоставляли русским военачальникам гораздо большую свободу маневра. Такая армия позволяла командовавшему ею военачальнику ставить гораздо более обширные стратегические цели и осуществлять их гораздо более решительными и действенными способами.

Передовые умы в тогдашней России уясняли себе, что русской национальной армии старая одежда уже не по плечу, что ей открыты такие возможности, которыми не располагает ни одна наемная армия.

Суворов тщательно изучил военные доктрины, связанные с линейными боевыми порядками, и категорически их отверг. Уже на первых порах полководческой деятельности его взору рисовалась иная стратегия, достойная русской армии, основанная на ее особенностях и преимуществах, – стратегия сокрушения. Надо отыскать армию противника, принудить ее к сражению,

разбить решительным ударом, нанесенным со всей возможной силой, и неотступным преследованием добиться полного разгрома этой армии. Таковы были основные положения суворовской стратегии. Она была возможна лишь при наличии полной уверенности военачальника в своей армии, а Суворов такой уверенностью обладал в достаточной мере.

Основываясь на своей стратегической системе, Суворов пришел к совершенно новой оценке многих, казалось бы прочно установившихся, взглядов на тактическое искусство, на вопросы воинского обучения и воспитания и т. д.

Линейная тактика подверглась решительной переоценке со стороны Суворова. Стратегия сокрушения требовала максимальной маневренности войск. Правда, уже в XVIII столетии кое-где в Европе делались робкие попытки перейти к рассыпному строю. Но дальше боязливых экспериментов дело не шло. Больше других сделал в этом отношении Румянцев, с успехом применявший рассыпной строй в Семилетней войне. Но все-таки он основывал боевой порядок на каре. И только Суворов, не пренебрегая, когда было нужно, ни рассыпным строем, ни каре, ни линией, решительно стал строить войска в колонны, эшелонируя[144] их в глубину, выделяя часть сил в резерв.[145]

Далее, совсем по-иному предстал вопрос о роли в бою солдат и офицеров и сообразно с этим о задачах воспитания войск.

Фридрих II говорил, что избегает рукопашного боя, так как «там решает дело рядовой», а как раз на рядового он не мог положиться. Совершая марш через лес, поле с высокой рожью или другую местность, где можно легко укрыться, Фридрих всегда заранее оцеплял такие районы пикетами жандармерии, но тем не менее дезертирство из прусской армии было необычайно велико. Невысоки были боевые качества и прусских офицеров, высшая добродетель которых заключалась в том, чтобы, не рассуждая, с. тупой исполнительностью повиноваться приказам.

В суворовских войсках, где основой всего была не мертвящая палочная муштра, а разумная дисциплина («душа наша, мать родная, святая дисциплина», говорили суворовские солдаты), дело обстояло иначе. Здесь можно было положиться на каждого солдата, на каждого офицера, и потому можно было всячески использовать их индивидуальные боевые качества, – иными словами, всемерно развивать их инициативу Поэтому Суворов объявил беспощадную борьбу «немогузиай– ству», культивировал сообразительность и самостоятельность у всех своих подчиненных, начиная с рядового и кончая генералом. На поле боя он требовал от всех воинских чинов уменья разобраться в обстановке и действовать сообразно с ней, ставя на первый план

не столько успех своей части, сколько осуществление общего замысла боя. При этом он указывал на разумное применение частной инициативы на поле боя в целях лучшего выполнения отданного приказа.

«Я велю вправо [а] должно влево – меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь [что нельзя]… не иди вперед» – столь категорически формулировал Суворов это требование.

«Меня не слушать» – не колебало дисциплину, а усиливало ее требованием инициативы исполнителей. Ибо вся масса мобилизовывалась на сознательное, инициативное, в соответствии со складывающейся обстановкой исполнение приказа Суворова – разбить живую силу врага.

В соответствии со всей стратегической концепцией Суворова огромное значение для него приобрел темп передвижения войск. В большинстве европейских армий длительные форсированные марши приводили обычно к деморализации войск. Иногда войска отказывалась идти в бой после такого марша, ссылаясь на усталость. Им нехватало силы духа, чтобы преодолеть усталость и лишения, связанные с ускоренными переходами. Суворовская армия совершала изумительные по темпам переходы, полностью сохраняя свою высокую боеспособность.

Для иллюстрации приведем некоторые данные. Незадолго до Лейтенского сражения (1757) Фридрих II сделал один из самых быстрых своих маршей: 287 верст были пройдены за 16 дней, что дает среднюю дневную скорость в 18 верст. В 1812 году главные силы наполеоновской армии прошли от Немана до Двины 350 верст за 5 недель, войска Даву покрыли от Вислы до Витебска 650 верст за 8 недель – это составляет средние дневные скорости: 10–12 верст.

А вот переходы Суворова. В 1794 году на пути к Крупчицам пройдено 270 верст за 9 переходов без дневок; немедленно после победы при Крупчицах войска совершают тридцативерстный переход к Бресту и с ходу штурмуют этот город. Под Фокшанами 50 верст было пройдено за 28 часов, под Треббией – 80 верст за 36 часов, под Рымником – около 100 верст за двое суток, причем идти приходилось по размытой дороге, под проливным дождем.

При тогдашних «нормах» требовалось большое мужество даже для того, чтобы решиться на подобные переходы. Но Суворов знал, что русская армия может совершать такие переходы, ибо её высокий моральный дух он подкреплял отличной подготовкой и образцовой организацией маршей.

Обычно суворовская армия, пройдя 7 верст, получала час отдыха; еще 7 верст – привал на четыре часа, с обедом; еще 7 верст – час отдыха и затем еще 7 верст. На каждые 7 верст

полагалось немногим менее двух часов. Время движения было тщательно рассчитано. Так, в Италии Суворов подымал войска ночью, пока не пекло солнце. Походные кухни посылались под конвоем вперед, так что люди были всегда обеспечены горячей пищей в момент прибытия на место. Часто во время маршей Суворов сам появлялся в рядах солдат и подбадривал их, того же он требовал от Волковых и батальонных командиров.

Однако быстрота передвижения важна постольку, поскольку она позволяет нанести внезапный и сокрушительный удар противнику. Какие средства имелись для этого в распоряжении полководца в XVIII столетии?

Почти все авторитеты сходились на том, что речь может идти практически только об огневом воздействии на неприятеля. Фридрих II требовал от солдат возможно более частой стрельбы залпами, причем считал прицеливание необязательным. Получалось много шуму, рассчитанного на моральный эффект, но очень мало действительного поражения неприятеля. Суворов уже в 1770 году, на заре своей деятельности, написал в одном приказе: «Рассудить можно, что какой неприятель бы ни, был, усмотря, хотя самый по виду жестокий, но мало действительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряется и из робкого становится смелым». В 1787 году великий полководец в тактических указаниях гарнизону Кинбурна дал такую инструкцию: «Пехоте стрелять реже, но весьма цельно, каждому своего противника». При всем этом Суворов понимал, что даже прицельная стрельба не может принести решающего успеха в бою. И мысль его обращается к холодному оружию.

В рукопашной схватке на стороне русских солдат все преимущества. Огромная заслуга Суворова заключается в том, что он сумел обучить русскую армию технике штыкового (и сабельного) боя, В рукопашном бою каждый отвечал за себя. Палка капрала, которую в шеренгах всегда чувствовали над собой немецкие вербованные солдаты, была во время штыковой схватки бессильна. Здесь побеждала твердая рука и еще более – твердое сердце самого солдата. Способность к штыковому бою являлась нравственным мерилом армии. Это и привлекало Суворова. Он знал, что русские «чудо-богатыри» несравненные мастера штыкового удара, а наемная армия неспособна к нему. Приучая солдат к штыковому бою, он развивал в них стремление сойтись с врагом грудь с грудью, унич– жить его либо взять в плен.

Суворову лично не раз приходилось слышать упреки в том, что он чересчур рискует, идет напролом. «Критики» великого полководца договаривались до вывода, что-де Суворову просто везет и его победы – плод счастливого случая. Эти вздорные

обвинения не заслуживают серьезного возражения. Их стоит коснуться лишь в той степени, в какой они помогут увидеть отличительные черты военного гения, непонятные для рутинеров.

Построение войск тонкой линией, которая легко подвергается прорыву и охвату, оставляет большое место влиянию случая. Но при построении войск глубокими боевыми порядками и при гораздо более дальновидном планировании всей вообще операции роль случая неизмеримо уменьшилась. Сам Суворов по этому поводу иронизировал: «Беда без фортуны, горе без таланта».

Наполеон говорил, что риск есть неотъемлемый элемент полководческого искусства. Иными словами, как раз в вопросе о границах риска, о его оправданности и своевременности ярче всего проявляется гений военачальника. По сравнению с другими полководцами XVII–XVIII столетий Суворов был гораздо более склонен к риску. Но это было признаком его превосходства и вытекало опять-таки из знания русской армии и гордой уверенности в ней.

Изучение истории русского народа и личные боевые наблюдения Суворова убедили его в том, что русские войска своими военными способностями превосходят все другие армии. Если считать, что сила армии складывается из морального духа, полководческого искусства, выучки, численности и вооружения, то во всяком случае в первых трех слагаемых выпестованная Суворовым армия имела бесспорное превосходство над прочими.

Великий русский полководец всегда был неукротимым, воинствующим новатором, который прокладывает новые, неизведанные пути в военном искусстве. Он ясно отдавал себе отчет, что победить систему, столь тщательно разработанную Фридрихом II, очень трудно, если действовать в ее пределах. Гораздо целесообразнее было опрокинуть ее целиком. Суворов, словно буйный ветер, ворвался в область, где все было так скрупулезно исчислено и выверено Фридрихом, и все смешал, все поднял на воздух. Именно так, исходя из принципиально новых позиций, можно было бить тогдашние европейские армии.

В Суворове-полководце сочетались обширный просвещенный ум, военный гений, могучая воля, уменье воспитывать массу солдат, влиять на нее и увлекать за собой.

Одно из замечательных, отличительных качеств Суворова как полководца состояло в том, что он никогда не был склонен во что бы то ни стало придерживаться до конца заранее определенной, даже хорошо построенной схемы хода сражения. Он всегда подчеркивал вред такого схематического руководства сражением. В 1799 году он писал в своей реляции: «Начало моих операций

будет и должно зависеть единственно от обстоятельства времени… От единого иногда мгновения разрешается жребий сражения».

Этот взгляд Суворова, сохраняющий всю свою значимость и ныне, был тем более ценен, что Суворов высказывался так в эпоху кабинетного, бумажного творчества (к которому особенно были склонны генералы в Австрии и Пруссии). «Ни одной баталии в кабинете выиграть не можно, и теория без практики мертва», говорил Суворов. «Я гляжу на предметы только в целом, – говорил он также. – Вихрь случая переменяет наши заранее обдуманные планы».

Глубина, оригинальность и сила его военных воззрений состояли в том, что они не вытекали из незыблемых, застывших «вечных принципов» военного искусства, а исходили из учета реальных условий и возможностей русской армии, из характера людских кадров, качества вооружения, особенностей организации армии, морального уровня солдат и т. п.

Как известно, Суворов с особым презрением и ненавистью относился к австрийскому и прусскому «методизму». Слово «методизм» употреблялось Суворовым в смысле «шаблон». Именно пресловутый немецкий шаблон вызывал столь горячую неприязнь и осуждение со стороны великого русского полководца.

Нужно подчеркнуть, что постоянное внимание Суворова ко всем колебаниям в ходе сражения, постоянная готовность реагировать на них и изменить план боя отнюдь не уменьшали глубокого планирования всей операции, проникновенного предвидения полководца. Суворов не походил на тех военачальников, которые подготовляют только начальную стадию боя и мало задумываются над последующим его развитием. Тщательно изучая и анализируя общую обстановку, он старался предугадать течение боя, предугадать контрманевры врага, чтобы заранее парализовать их. Поэтому тактические уловки врага редко заставали его врасплох.

Вот один пример тому. Совершая марш к Треббии, Суворов выслал отряд к Боббио, чтобы воспрепятствовать движению французов вдоль реки Треббии на север. Генерал Моро действительно направил в Боббио трехтысячный отряд Пуапа для установления связи с Макдональдом. Выдвигая свой заслон, Суворов не имел никаких сведений об этом, но он хотел обезопасить себя от всяких случайностей и предвидел возможные шаги противника. Отсутствие связи между двумя французскими армиями сыграло крупную роль в исходе сражения. Мысль Суворова опережала события боя.

Необходимо отметить, что замыслы великого русского полководца были всегда крайне реалистичны. *«Кажется, предполагаю, может быть* – не должны быть в военном плане. Гипотезе не должно жертвовать войсками», наставлял он.

Столь же поразительно – особенно для XVIII века – и другое высказывание: «Всякая война различна. Здесь масса в одном месте, а там – гром».

В своей полководческой деятельности Суворов дал образцы разнообразия военных методов, образцы гибкости тактики. Он был одинаково гениален, руководя сражением в открытом поле и штурмом сильнейших крепостей.

В составлении планов боя Суворов проявлял неистощимую изобретательность. Под Рымником он вел атакующие части уступами, с захождением войск правым флангом; под Нови он последовательно совершает нажим на различные пункты неприятельской позиции и, когда все резервы французов были введены в дело, осуществляет одновременный удар с помощью свежих сил; на Адде он прорывает центр неприятельского расположения и т. д.

Военное искусство Суворова не терпело никакого шаблона. Оно было всегда оригинально. Изобретательность Суворова была неистощима. Он обладал даром выделять в обстановке каждого боя то конкретное и своеобразное, что в ней имелось, и соответственно строить свою тактику.

Он применялся к местности, к национальным особенностям неприятельской армии, к ее вооружению. С турками он сражался иначе, чем с поляками, с французами иначе, чем с турками,

В сражении при Ландскроне он, видя прочность неприятельской позиции, но интуитивно угадывая эффект немедленной атаки, бросает несколько сот казаков в нелепую, казалось бы, атаку, которая, однако, приводит к блестящим результатам. (Этот короткий бой является как бы иллюстрацией к суворовскому тезису: «удивить – победить».) Под Рымником он велит кавалерии атаковать турецкие окопы, опять-таки стремясь удивить неприятеля, выбить его из равновесия. Под Треббией он прибыл в разгар боя, буквально с первого взгляда оценил обстановку, задержал французов конницей и затем, не давая им оправиться и задавить своей численностью, непрерывно теснит их. Характерно, что он нарушил при этом свой принцип сосредоточения сил и вводил в бой войска по мере их прибытия, мелкими отрядами, – яркий пример гибкости и свежести суворовской тактики, подсказавшей ему, что в тот момент важнее всего было предотвратить общее наступление французов.

Больше того: Суворов применялся даже к личности

командующего неприятельской армией, к его темпераменту и военной тактике. Он был подобен тем шахматистам, которые строят план партии всякий раз по-иному, в зависимости от стиля игры их партнеров.

Полководческое искусство Суворова является классическим образцом использования военной психологии.

Будучи убежденным противником всякой догмы, всякого слепо принимаемого на веру правила, Суворов, естественно, требовал того же и от своих подчиненных. В противоположность господствовавшим в его время порядкам (особенно распространенным в Пруссии), лишавшим командиров частей всякой самостоятельности, Суворов настойчиво требовал or офицеров широкой инициативы.

«Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, чем отдаленный, – заявил он однажды. – Он проникает в ежечасные перемены их течения и направляет свои поступки по правилам воинским».

Характерны в этом смысле его комментарии к неудачному сражению отряда генерала Розенберга с французами. Неудачу Суворов приписывал тому, что Розенберг принял решение отступать, не учтя мнения «частных начальников».

Не только командиры – все бойцы должны быть осведомлены в общих чертах о сущности предстоящей операции: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

И здесь нужно вспомнить историческую обстановку, в которой жил и действовал Суворов («Солдат есть простой механизм, артикулом предусмотренный», гласила, например, формула Павла I, перефразировавшая соответствующие изречения Фридриха II), чтобы оценить позицию Суворова в этом вопросе.

Главную долю ответственности Суворов возлагал на командиров. Он требовал от командира, чтобы тот всегда служил образцом воинской доблести для подчиненных. Командир, учил Суворов, должен подавать солдатам личный пример храбрости, хладнокровия, выносливости. Сам Суворов представлял в этом отношении, пожалуй, неповторимую в мировой военной истории фигуру. При его слабом здоровье преодолеть трудности изнурительных походов и отчаянных сражений было очень нелегко– Последняя же кампания, проделанная им на шестьдесят девятом году жизни, была неимоверно тяжелой, но он перенес ее с обычной безропотностью и стойкостью.

Суворов не терпел ссылок на всякого рода объективные причины. В диспозиции к Рымникскому сражению он, приказывая патрульным отрядам тревожить неприятеля, добавляет: «как бы

темна ночь ни была». Этими характерными словами он словно заранее исключает излюбленные ссылки австрийцев на те или другие внешние препятствия.

По мнению Суворова, только наступательными операциями достигается, в конечном счете, победа над врагом. Нужно во что бы то ни стало захватить и удержать в своих руках инициативу, последовательно наносить врагу удары, не давая ему опомниться. «Быстрое, неослабное и безостановочное нанесение неприятелю удара за ударом приводит его в замешательство, лишает его всех способов оправляться».

Правда, иногда военная необходимость вынуждает придерживаться оборонительной тактики. Но тогда никак нельзя, чтобы оборона носила пассивный характер. При первой же возможности нужно начать контрнаступление и развивать его, не теряя ни часа времени, ибо «деньги дороги, люди дороже, а время дороже всего».

Поэтому одним из важнейших условий победы Суворов считал быстроту:

«Неприятель думает, что мы за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из лесов дремучих налети на него, как снег на голову».

К быстроте и внезапности – «чтобы оставалось в запасе нечто нечаянности» – Суворов стремился в продолжение всей своей славной военной деятельности.

Суворов никогда не медлил с решительными действиями по причине недостаточной выясненности положения. Он полагал, что быстрый, решительный удар, предпринятый хотя бы без точного знания всей обстановки, имеет все же шансы на успех. Но для этого он должен накоситься с предельной силой. Отсюда – другое суворовское правило, требовавшее энергии атаки, предельного напряжения удара.

Особенностью его ударов было уменье придать им всесокрушающую силу. Клаузевиц как-то выразился: «Два обыкновенных шага легче сделать, чем один прыжок. Но не станем же мы, если нам нужно перешагнуть через ров, шагать до половины его, чтобы упасть на дно».

В этих словах заключена та же мысль, которую проводил на практике Суворов; своевременно предпринятое мощное усилие приносит гораздо больше плодов, чем ряд последовательных менее интенсивных ударов; тем самым оно оказывается гораздо более «экономичным», требующим, в конечном счете, значительно меньше усилий.

«Надо уметь бить, а не царапать», – многократно повторял

Суворов.

Итак, в основе суворовской стратегии лежало стремление наступать, сохранить в своих руках инициативу. Однако было бы глубокой ошибкой представлять дело так, будто Суворов, всегда и во что бы то ни стало устремлялся вперед. Он сам сделал на этот счет ряд совершенно недвусмысленных заявлений. Австрийцу Меласу, назвавшему его однажды полуиронически «генералом Вперед», он ответил: «Полно, папаша Мелас, „вперед“ – мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь».

В составленном Суворовым в 1792 году «Плане оборонительной и наступательной войны в Финляндии (на случаи войны со Швецией)» имеются такие замечательные строки:

«Внедрился бы где неприятель в нашу землю – это ложный стыд: он отдаляет свою субсистенцию[146] и сам пришел к побиению соединением на него корпусов».

Лучшим доказательством того, что Суворов не признавал «наступления во что бы то ни стало», могут служить его действия в 1794 и 1799 гг. Взяв стремительным ударом Брест, он провел там почти целый месяц, и только когда к нему подошли подкрепления и когда победа при Мацейовицах обеспечила его левый фланг, прикрыть который он ранее не мог ввиду недостатка сил, он выступил к Варшаве и через 18 дней занял польскую столицу.

Если у Суворова было меньше сил, чем у противника (что имело место на протяжении почти всей его деятельности), он нимало не смущался этим обстоятельством. Неравенство сил никогда не заставляло его отказаться от активных наступательных операций. Он и в этих случаях шел на активные боевые действия. Некоторые иностранцы, силясь опорочить военную репутацию Суворова, упрекали его в приверженности к фронтальным атакам, усматривая в этом примитивность его замыслов. Они упускали из виду, что, при наличии у противника численного превосходства, Суворов не мог разбрасывать свои силы, осуществляя сложные маневры. Самая правильная тактика в этом случае была именно та, которую он избрал, – держать свои силы максимально сосредоточенными и атаковать ими противника в уязвимом месте (по большей части он атаковал центр неприятельской армии).

«Потребно… единодушное, совокупное и единовременное содействие… войск», указывал Суворов. И в другом месте: «Лучше содержать соединенные войска, а не побочные другие какие-либо».

Но если соотношение сил было более благоприятно, то, не нарушая принципа сосредоточения, Суворов охотно проводил

сложный маневр. Так поступил он под Аддой, так поступил он в сражении при Нови, В этом сражении он даже заранее «запланировал» отступление австрийских войск с целью выманить неприятеля на равнину.

Если войска противника располагались несколькими отдельными группами, Суворов, как правило, бил их по частям, поодиночке, искусно сосредоточивая силы против каждой группы (Рымник, Столовичи, Треббия).

Для полководческого искусства Суворова крайне характерно отсутствие, боязни окружения. В XVIII веке окружение было жупелом, пугавшим всех полководцев. «Тогдашний генерал не решился бы даже с большими силами войти в промежуток двух отдельных батальонов, чтобы не попасть между двух огней», замечает Ф. Смитт в работе «Суворов и падение Польши».

Суворов давал этому вопросу иное разрешение. «Идешь бить неприятеля, снимай коммуникации. Если же быть перипатетиком (в смысле сторонника осторожных полумер. – *К. О.),* то лучше не быть солдатом».

В 1798 году Суворов, находясь в ссылке, изложил в нескольких тезисах план военных действий против французов. Там имеется следующий, чрезвычайно характерный пункт: «Никогда не разделять сил для охранения разных пунктов. Если неприятель их обошел – тем лучше: он подходит для того, чтобы быть разбитым».

Это повторение и дальнейшее развитие мысли, выраженной за б лет перед тем в плане войны в Финляндии.

Суворовское решение одного из самых сложных вопросов военной науки, вопроса о том, какого образа действия придерживаться в случае угрозы окружения, может считаться классическим.

В конце прошлого века видный русский военный теоретик генерал Драгомиров кратко выразил суворовскую точку зрения в словах: «Для хорошего солдата нет ни тыла, ни флангов, а везде фронт, откуда неприятель».

Это была смелая тактика, как и все смелое, целеустремленное военное творчество Суворова. Но суворовский риск был всегда оправдан. Это был риск уверенного в себе и в своих войсках полководца, основанный на всестороннем изучении обстановки.

В эпоху, когда, следуя примеру Фридриха II, все государства заботились лишь о муштровке солдат; в стране, где солдаты были вдвойне бесправны: как нижние чины и как крепостные, – Суворов неустанно пробуждал в русском солдате «живую душу», развивая в нем чувство любви к родине, чув ство национальной и личной гордости.

И за это, а также за его личное бесстрашие и простоту обращения его обожала армия, видевшая в нем и победоносного вождя и старшего боевого товарища.

Очень характерно для Суворова, что он умел всегда выделить среди тысяч солдат и офицеров наиболее даровитых, наиболее многообещающих. А раз выделив, он решительно и настойчиво выдвигал избранного.

В дворянско-крепостнической России делать это было нелегко. Много раз Суворов натыкался на глухую стену клас–совых ограничений.

Сколько мог, он выдвигал достойных, умаляя даже собственные заслуги, чтобы подчеркнуть заслуги других. В 1770 году он сообщает, что умолчал о личном своем участии в одном бою, «не желая нимало отнимать от достойных, искусных и храбрых команды, моей офицеров заслуженной славы и хвалы».

Через все полководческое искусство Суворова красной нитью проходит его национальная сущность. Это было русское военное искусство, и сам Суворов, как никто другой, был русским полководцем и русским человеком. «Горжусь, что я – россиянин», часто говорил он, и в его устах это не было пустой фразой.

В тяжелые дни швейцарского похода, когда по вине австрийцев суворовский корпус очутился в критическом положении и, казалось, не было ни одного шанса на спасение, Суворов не потерял присутствия духа. Откинув самую мысль о капитуляции, он изложил на военном совете свой план выхода из окружения, не скрыл невероятных трудностей, но выразил уверенность в преодолении их:

«Мы русские… мы все одолеем», сказал он; и в этих немногих словах заключалась и гордость и вера в русскую армию.

Русскому солдату была близка и понятна личность Суворова, – его простота, храбрость, прямодушие, независимость, – и сущность его военного искусства, целеустремленного, активного, чуждого кабинетных мудрствований, и все его военное учение, основанное на здравом смысле, имеющие целью (и как убедились солдаты, достигающие этой пели) бить врага с наибольшими результатами и наименьшими потерями. А раз так, солдаты охотно и легко воспринимали это учение.

Имея под начальством великолепную русскую армию, питая уверенность в собственном военном даровании, Суворов с непреклонной последовательностью осуществлял свою установку: нанести врагу столь сокрушительный удар, чтобы он не мог оправиться, чтобы он не отступал, а бежал в панике, и больше того: чтобы он даже в бегстве не находил спасения.

«Кто против меня – тот мертв» – так формулировал Суворов это простое, великое правило.

«Ежели где покушение неприятельское примечено будет, употребить всю возможность оное обратить в собственный его вред и совершенную гибель», говорится в суворовской директиве, датированной 1788 годом.

Даже если приходилось отступать, суворовские войска наносили неприятелю столь сокрушительные удары, что преследующие в панике откатывались; вспять, неся громадные потери. Так случилось во время обратного движения из Швейцарии, когда русский арьергард наголову разбил во много раз превосходящие силы французов и гнал их на протяжении многих верст.

Полководческое искусство Суворова характерно своей целеустремленностью. Временные неудачи не смущали его, частные успехи не соблазняли. Он видел перед собой одну цель: совершенный разгром вражеских сил, – все его действия были направлены к достижению этой цели.

Суворов стремился к согласованным операциям. От командиров он требовал всегда самого тесного взаимодействия, немедленного подкрепления друг друга в тяжелую минуту, охраны позиций соседней части с такой же энергией, как и собственных.

Чрезвычайно характерна для суворовского военного творчества система его взглядов на роль и применение резервов. Линейная тактика не знала резервов. Выделение части войск в резерв составляет громадную заслугу Суворова. Он выделял всегда в резерв от одной восьмой до одной четвертой всех наличных сил. Назначением резерва было нанести решающий удар в критический момент. Суворов никогда не распылял резервов, не тратил их по частям для затыкания дыр. Он держал их в кулаке и дожидался минуты, когда обе стороны будут настолько утомлены боем, что появление свежих крупных сил сыграет решающую роль. А до тех пор, полагал он, русские войска должны продержаться, как бы трудно им ни приходилось.

Так поступил он в сражении при Кинбурне: даже когда его отряд был на краю поражения, он не тронул накапливавшихся у него резервов и к вечеру, введя их разом в бой, добился полной победы.

Так же поступил он в битве у Нови: только на исходе дня. он двинул весь свой, на этот раз исключительно мощный, резерв, не ослабленный частичными «заимствованиями» для облегчения положения на том или другом участке.

Конечно, если введенные в бой части безусловно не могли

восстановить положение, Суворов подкреплял их резервом (так поступил он во время штурма Измаила). Но, как общее правило, он видел в резерве последнюю гирю, ставящуюся на чашу колеблющихся весов, гибкое маневренное орудие окончательной победы.

«Воюют не числом, а уменьем», повторял Суворов.

Это значило, что командиры должны предвидеть возможные маневры противника, уметь навязывать ему свою волю, уметь быстро ориентироваться в обстановке; бойцы же должны отлично владеть техникой штыкового боя, окапывания, штурма, быть меткими стрелками и умелыми разведчиками.

Но уменье – это только половина успеха. Не менее важна моральная сила армии, ее дух. Наполеон определял сравнительное значение морального духа войск и их материальной, физической силы как 3:1. Суворов также придавал моральному фактору огромное значение.

С помощью своего необычайного влияния на войска, Суворов добивался от них всего, чего только может добиться любимый и пользующийся полным доверием полководец. Вдохновляемая Суворовым, русская армия забывала о лишениях, о голоде, об усталости, о зиме и холоде. Сила морального духа войск преодолевала все. Дух войск, их нравственная стойкость торжествовали над трудностями и невзгодами. Когда раздавался сигнал к атаке, больные подымались со своих коек и становились в ряды, раненые продолжали сражаться, пока в них теплилась) хоть искра жизни.

Суворовские ветераны внушали новобранцам святое правило бойца – строжайшее соблюдение дисциплины.

В тактических указаниях гарнизону Кинбурна Суворов писал: «Субординация или послушание – мать дисциплины или военному искусству».

В понимании Суворова дисциплина – это прежде всего четкий воинский порядок. Каждый должен быть на своем месте и делать свое дело – в этом залог успеха.

Вместе с тем Суворов беспощадно боролся со всеми проявлениями мародерства. Он не устает подчеркивать в приказах недопустимость причинения обид (не вызванных военной необходимостью) мирным жителям.

В 1793 году, узнав, что в Молдавии арнауты грабят население, Суворов приказал наказать виновных, принять строгие меры к неповторению подобного и «удовлетворить обиженных».

Выше мы приводили его приказ, изданный в 1794 году в Польше. Насколько восприняли лозунг охраны мирных жителей боевые соратники Суворова, видно из приказа генерал-поручика

П. С. Потемкина (от 22 августа 1794 г.): «…Пребывающих спокойно (обывателей. – *К. О.)* щадить и нимало не обидеть, дабы не ожесточить сердца народа и притом не заслужить порочного названия грабителей».

За два месяца до смерти, 7 марта 1800 года, Суворов писал Гримму: «Вот моя тактика: храбрость, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, мера, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение…»

Эта обобщенная характеристика суворовского военного творчества, сделанная им самим, чрезвычайно интересна. Вопреки многим «авторитетам», особенно иностранным, изображавшим русского полководца кем-то вроде кулачного бойца, всегда ломящегося напролом, Суворов подчеркивает решающую роль таких качеств, как проницательность, предусмотрительность, порядок, мера, правило.

Более известна, так сказать, сокращенная формула суворовского полководческого искусства: глазомер, быстрота и натиск. Под глазомером Суворов понимал способность быстро ориентироваться в обстановке и принять правильные решения. Верный своему правилу бить врага до полного его разгрома, Суворов говорил: «Глазомер: оттеснен враг – неудача; отрезан, окружен, рассеян – удача».

Раскрывая понятие «быстрота», Суворов еще раз подчеркивает, что надо стремиться нанести смертельный удар по живой силе врага; именно к этому должны быть направлены основные усилия. «Быстрота: атаковать неприятеля, где бы он ни встретился, вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови, почему: где тревога – туда и дорога, где ура – туда и пора; голова хвоста не ждет» (то есть при стремительном нападении авангард должен атаковать, не дожидаясь подхода всех сил. – *К. О.)*.

И, наконец, в понятии «натиск» Суворов выдвигает на первый план взаимную поддержку в бою: «Сам погибай, а товарища выручай. Решимость у бога получай».

Разумеется, обе приведенные лаконические характеристики суворовских военных методов дают лишь самое общее представление о сущности этих методов. Уложить в несколько строчек итог размышлений и полувекового опыта гениального полководца невозможно. Но важнейшие требования военного искусства Суворова коротко сводятся к следующему:

Обучение войск должно происходить под непосредственным руководством командования, являясь его прямой обязанностью.

В процессе обучения нужно приучать личный состав

равняться по лучшим.

Необходимо воспитывать высокий моральный уровень армии, готовность к лишениям, трудностям, опасностям, готовность бестрепетно погибнуть с честью, если этого потребуют родина и долг.

При этом от войск требуется не тупое выполнение приказов, не безразличное послушание, а сознательное отношение каждого воина к проводимым операциям, требуется инициативность каждого командира и бойца.

* * *

Колоссальная фигура Суворова не возникла из ничего. Как всякий гений, Суворов в своей деятельности опирался на опыт предшественников, обобщая, углубляя и развивая его. Не касаясь здесь западноевропейских военных деятелей, влияние которых на Суворова было очень невелико, отметим, что у непосредственно предшествовавших ему русских полководцев он находил неисчерпаемый кладезь идей и практических мероприятий, к тому же проверенных опытом.

Таков, прежде всего, Петр I, «первый полководец своего века», как именовал его Суворов. Петр прочно утвердил национальные основы устройства русской военной силы, внедрял строгую, но разумную дисциплину, требовал ответственного, инициативного поведения во время боя («Не держаться устава, яко слепой у стены… но действовать с разумением»). Петровский «устав воинский» был тщательно изучен Суворовым, и следы его отчетливо видны в «Науке побеждать».

Выше приходилось уже касаться роли реформ Г. А. Потемкина в предпринятом Суворовым преобразовании армии. Не мог не оказать на него воздействия проницательный, прекрасно понимавший специфику русской армии и умевший завоевать популярность среди солдат П. С. Салтыков. Но наибольшее влияние имел на него тот, под чьим начальством он начал свой боевой путь и совместно с которым прослужил под русскими знаменами 40 лет, – П. А. Румянцев.

Петр Александрович Румянцев

Именно Румянцев впервые ввел построение мелкими «кареями» (каре), которое Суворов с блестящим успехом применял против турок. Небольшие батальонные и даже ротные каре, не окружавшие себя более рогатками, отличались большой маневренностью и легко переходили от обороны к наступлению. Румянцев уменьшил обоз, упорядочил разведку, усилил и организовал кавалерию. Он сократил и упростил ружейные приемы, приучал войска к маршам в колоннах, к четким перестроениям; он обратил большое внимание на разведку. «Для восприятия в потребном случае супротивных мер против своего неприятеля есть в том одна из главных должностей военачальника, чтобы стараться узнать его положение, силы и способы к действиям», писал Румянцев. Он был провозвестником активной, решительной тактики: «С малым числом разбить великие силы – тут есть искусство и сугубая слава», или: «Я того мнения был и буду, что нападающий до самого конца все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе страх соразмерно сделанному на него стремлению». Румянцев поощрял действия кавалерии холодным оружием и т. п.

Выработанный в 1770 году Румянцевым «Обряд службы» введенный впоследствии во всех полках, содержал в себе целый ряд новаторских и прогрессивных положений. Еще болег ценной

является написанная Румянцевым в 1777 году «Мысль о состоянии армии», где имеются высказывания о необходимости тактического обучения, о важности соблюдения чистоты, о постановке врачебного дела и т. д.

Деятельность Румянцева дала богатые плоды. В начале 70-х годов XVIII века, когда военное искусство Суворова только формировалось, один из румянцевских выучеников, С. Р. Воронцов, выпустил «Инструкцию ротным командирам», свидетельствующую о том, что передовое офицерство жадно впитывало наставления Румянцева. Воронцов подчеркивал, что надо уважать рядовых, «дабы честь, заслуженную полком… каждый солдат на себя переносил».

Особенно ценно было то, что Румянцев являлся не только теоретиком, но и практиком: его блестящие победы при Ларге и Кагуле были осуществлением его воззрений.[147]

И все же, отмечая предшественников Суворова, отдавая должное *их заслугам и влиянию их на формирование* взглядов Суворова, следует признать, что ни в ком из них не было такой ослепительной яркости военного дарования, такой необычайной власти над душами солдат; никто из них не подверг такой всесторонней и глубокой ревизии всю систему военного дела; никто из них не сумел построить такую мощную армию; и уж, конечно, никому из них не было дано то гениальное проникновение в «науку побеждать», то знание секрета победы, которое с такой уверенностью и безошибочностью столько раз демонстрировал Суворов.

Значение Суворова для русского военного искусства не исчерпывается победами, одержанными им при жизни.

Михаил Андреевич Милорадович

В продолжение своей многолетней военной деятельности он воспитывал первоклассные по тому времени кадры высших офицеров. Лучшая часть этих кадров, помимо воинских доблестей, была так же, как Суворов, предана своему, отечеству. Суворовская школа полководцев заняла крупнейшее место в истории Отечественной войны 1812 года. В этой справедливой народной войне руководящую роль сыграли именно полководцы, прошедшие военную школу под руководством Суворова: Багратион, Милорадович, Платов, Раевский и др. Да и сам Кутузов, подлинный герой Отечественной войны, при всей самостоятельности своего военного мышления и огромном масштабе военного дарования, сформировался под несомненным влиянием Суворова и в своей полководческой деятельности был всегда верен его заветам.

Полководческая деятельность Кутузова – это как бы развитие знаменитого суворовского тезиса: «Воюют не числом, а уменьем». Многому научившись у Суворова, Кутузов во многом и углубил его воззрения. Суворовский принцип тактической внезапности у Кутузова достигает уже стратегических масштабов. Военная хитрость превращается в военную мудрость.

В соответствии со сложной международной обстановкой, Кутузов, осуществляя военное руководство, тщательно согласовывал его с внешнеполитическим и внутриполитическим

положением России. Примеры тому: сложная, тонкая система ведения войны в 1811 году и умение придать могучую силу действиям партизанских отрядов в 1812 году.

Всюду и всегда Кутузов не только полководец, но и политик, дипломат, государственный муж.

В условиях, когда война ведется многими государствами, на огромной территории и длительное время, необходимо всесторонне изучить обстановку, найти основное и решающее в ней, не теряя из поля зрения и деталей. На все это Кутузов был великий мастер.

Однако столь обогащенное полководческое искусство Кутузова корнями своими все же уходило в великую сокровищницу идей и заветов, оставленных Петром I, Румянцевым и особенно Суворовым. Сам Кутузов до конца дней своих чтил Суворова, как творца побед русского оружия. Иллюстрацией тому может служить его приказ в дни преследования наполеоновской армии: «Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настанет зима, вьюги и морозы; вам ли бояться их – дети Севера?… Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова: он научил сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

А вот как обращался Кутузов к Суворову: письмо от 16 января 1794 года о неподготовленности Турции к войне заканчивается словами: «…но наиболее ее (Турцию – *К. О.)* удержит знание, что управляет войсками в новоприобретенной области, столь страшные раны ей наносивший, и коего смею уверить в беспредельной моей преданности и о том отличном и сердечном высокопочитании, с коим остаюсь вашего сиятельства, милостивого государя моего, всепокорнейшим слугою».

Как и Суворов, Кутузов всегда был образцом человечного, товарищеского отношения к русскому солдату. Популярность Кутузова в армии и в народе объяснялась, помимо его собственных огромных заслуг, тем, что имя его было овеяно славой как одного из ближайших сподвижников Суворова.

Провозглашенные Суворовым принципы сказались не только на действиях его непосредственных учеников, но наложили чрезвычайно сильный отпечаток на все дальнейшее развитие русского военного искусства.

* * *

Талант военного воспитателя Суворов проявил с первых же шагов своей военной деятельности. По свидетельству современников, находившиеся под его командой части всегда отличались дисциплинированностью, отличным знанием боевых приемов. Изучать только то (но зато все), что понадобится в бою и в походе, и притом в условиях, возможно ближе напоминающих военную обстановку, – таковы были первые правила суворовской системы воспитания и обучения войск.

К обучению войск Суворов относился столь же серьезно, как и к ведению боевых операций, потому что, по его глубокому убеждению, военная подготовка как рядового, так и командного состава во многом предопределяет результат сражения. Он не щадил своих трудов и усилий и не смущался трудностями учебы для войск.

«Войско необученное, что сабля неотточенная», – часто повторял он.

Обучение преследовало цель приучить все рода войск действовать в любых условиях. Например: «Кавалерия в грязи, болотах, оврагах, рвах, на возвышенностях, в низинах и даже на наклонных земляных сходнях рубит».

Приступая к обучению войск, Суворов прежде всего стремился выработать в них выносливость, привычку к длительному физическому напряжению. Следуя принятому им правилу подавать во всем личный пример, «учить показом, а не рассказом», он построил соответствующим образом весь уклад своей жизни. Он ненавидел в военном человеке изнеженность и «оспалость» (вялость); по его убеждению, они надламывают дух воина в трудный период, понижают его боевую стойкость. В 1771 году Суворов писал генералу Веймарну в одном шифрованном донесении: «Чего найти достойнее, праводушнее, умнее Штакельберга? Только у него на морозе, на дожде, на ветре, на жару болит грудь».

Поразительно, что человек столь слабого здоровья, каким был Суворов, мог перенести в продолжение пятидесяти лет непрерывное физическое и нервное напряжение войны. Это был превосходный результат систематической тренировки, спартанского режима и неослабного волевого самоконтроля.

Широко известно, какое большое внимание в обучении войск отводил Суворов маршам. Грязь, дождь, разлившиеся реки, жара – ничто не могло служить препятствием. Во время этих маршей войска получали закалку. Но тут был еще и расчет тонкого знатока солдатской психологии: во время этих маршей развивался своеобразный дух соревнования; втягиваемые единым

ритмом, худшие начинали равняться по лучшим, стремились сравняться с ними и убеждались, что это они могут сделать. Суворов имел все основания полагать, что то же самое произойдет и в бою, – и там выработанная привычка равняться по лучшим даст себя знать.

Суворовские наставления построены на учете очень многих факторов, которые далеко не всегда оцениваются во всем объеме. Взять, например, вопрос о штыковой атаке как важнейшем тактическом приеме суворовских войск. К разработке этого приема Суворова побудили следующие причины: недостаточная эффективность огня в то время, неудовлетворительные качества ружей, имевшихся в русской армии[148] и национальные свойства русских солдат как лучших выполнителей штыкового (и сабельного) удара. Кроме того, большая подвижность суворовских войск и неналаженность регулярного питания их боеприпасами делали очень затруднительным своевременное пополнение боевого комплекта (50 выстрелов на стрелка).

В системе суворовского обучения войск большое внимание уделялось и вопросам обороны.

Солдаты учились быстро окапываться, строить палисады, рыть волчьи ямы и пр. Для обучения использовался каждый удобный момент. В 1794 году, вынужденно задержавшись в Бресте, Суворов ежедневно проводил занятия: «насыпались правильные земляные укрепления, вооружались пушками и получали по нескольку рот в гарнизон; укрепления эти ночью штурмовались». Аналогичное обучение происходило во время кампании 1799 года.

Характерной чертой этих «экзерциций» было то, что они проходили под знаком преодоления укреплений, а не обороны за крепостными валами. Но, обучая штурму, Суворов в разной мере обучал и обороне. И недаром в 1799 году небольшая крепость Чева, занятая гарнизоном из 350 русских, отразила все атаки французов, которых было в 10 раз больше и во главе которых стоял будущий маршал Груши.

Красной нитью во всем воспитании войск проходило требование быть смелым, не отступать перед врагом, как бы силен он ни был. Суворов не уставал внушать бойцам простое и вместе с тем великое правило. Оно сводилось к тому, что только смерть или тяжелое ранение могут остановить русского воина во время боя. Вперед! Всегда вперед! Атака должна вестись с беззаветной отвагой, не должно быть и мысли о возможности попятного движения – в этом залог успеха.

Даже если враг имел крупное превосходство в силах, если он наседал со всех сторон, Суворов требовал активного устремления

вперед. «Бей, но не отбивайся», внушал он. Суворов приучал войска в каждом сражении биться отчаянно, биться до смерти. «Атака ночью будет с храбростью и фурией российских солдат», писал Суворов в диспозиции туртукайского боя, и это не были просто слова. Иностранные наблюдатели, присутствовавшие при атаках суворовских солдат, до конца дней своих не могли забыть впечатления от всесокрушающей силы их натиска.

Другое правило, которое так же настойчиво внедрял Суворов в сознание солдат, – это взаимная поддержка в бою, на походе. Товарищеская солидарность, боевое содружество – к этому он приучал войска с первого дня принятия начальства над ними.

И, наконец, Суворов требовал от всех, независимо от чина и звания, самоотверженного, беззаветного служения русским знаменам. «Собственностью своею во всякое время жертвовать [ставлю] правилом высочайшей службы», писал он в тактическом указании гарнизону Кинбурна. Он воспитывал в войске постоянную готовность к подвигу, – больше того, стремление к подвигу, жажду подвига.

Привыкшее к зуботычинам и дворянскому пренебрежительному отношению офицеров «солдатство» увидело перед собой командира, исполненного заботой о подчиненных, пекущегося о питании и лечении бойцов, делящего наравне с «нижними чинами» все труды и опасности и требующего взамен лишь внимательного изучения солдатского дела и верного служения родине.

Таким представляется в общих чертах образ Суворова как военного воспитателя и педагога. И тут нужно подчеркнуть главную особенность воззрений Суворова в этой области: мысль о том, что военное обучение, военное воспитание есть прямое дело командования, есть его первейшая обязанность. Суворов был глубоко убежден в ложности и порочности распространенного тогда мнения, что командир части должен ведать только вопросами, относящимися непосредственно к вождению войск в бой, а их подготовкой и проверкой боеспособности занимаются инспекторские органы. Воспитание войск органически связано с вождением их в бой; оно есть неразрывный элемент военной системы – такова была точка зрения Суворова.

* * *

Как реформатор русской армии, так же как и в области

стратегии и тактики, Суворов имел предшественников, чьи реформы он углубил и развил. Главными из них были Румянцев и Потемкин.

П. А. Румянцев разослал в 1770 году по подведомственной ему армии новый устав, названный им «Обряд службы». Этот устав предусматривал правила быстрого перестроения, упрощал ружейные приемы, вводил иной способ конной атаки (аллюр вскачь, с саблями наголо) и т. д. Офицерам предписывалось постоянно упражнять войска, научить их только тому, что нужно на войне. Вскоре этот устав был введен во всей российской армии.

Не довольствуясь «Обрядом службы», Румянцев дополнил его «Наставлением батарейным командирам».

Предписывалось стрелять по врагу со средних и близких дистанций, не опасаясь его приближения, но стремясь причинить ему наибольший урон. Предусмотрен был порядок движения артиллерии на походе: за каждым орудием – его зарядный ящик. Характерны последние строки «Наставления», показывающие, как развивал и поощрял Румянцев в своих подчиненных инициативу:

«Впрочем, в подробное о сей полезности описание я не вхожу более, а отдаю на собственное примечание г.г. офицеров, яко на искусных артиллеристов».

Большим преобразованиям подверглась и кавалерия.

Но главное, о чем заботился Румянцев, это, чтобы военную службу считали не тяжкой повинностью, а почетной, трудной обязанностью, для выполнения которой надо быть во всеоружии военных знаний и свято блюсти долг повиновения.

– Высшее развитие воинского долга, – говорил Румянцев, – это строгая, но сознательная дисциплина, не за страх только, а за совесть, которая является душою службы.

Несомненные заслуги в деле преобразования русской армии имел и Г. А. Потемкин.

Опираясь на труды и опыт своих предшественников, используя все лучшее из их наследства, Суворов и построил свою превосходную военно-воспитательную и организационную систему.

* * *

«…Советская военная наука впитала все лучшее, что дало военное искусство в прошлом», сказал тов. Булганин в докладе

«30 лет Советских вооруженных сил».

Советская Армия, как и советская военная наука, строится не на пустом месте. Она имеет славные воинские традиции – традиции отваги и доблести солдат, инициативности и храбрости офицеров. Она преемственно восприняла заветы замечательных русских полководцев, наших «великих предков», как назвал их товарищ Сталин. А в числе этих славнейших из славных неугасимым светом горит имя Александра Суворова. Непревзойденный мастер войны, родоначальник русского военного искусства, учитель и воспитатель русских войск второй половины XVIII века, Суворов всегда будет памятен советскому народу. Долго еще наши командиры будут вдумываться в существо суворовского гения, учиться его методам организации боя, его организаторскому уменью, его культуре военного дела. Никогда не угаснет и память о Суворове – патриоте, всеми фибрами души преданном своей отчизне.

Советский народ, в лице своего правительства, увековечил память о великом русском полководце, учредив военный орден Суворова трех степеней.

С именем Суворова связано и воспитание будущих командиров.

22 августа 1943 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) вынесли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В этом постановлении предусмотрено:

«Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, организовать… девять суворовских военных училищ, типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4 500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников».

В настоящее время число суворовских училищ увеличено. Задача суворовских военных училищ – дать воспитанникам общее среднее образование и вместе с тем подготовить их к военной службе в офицерском звании. С этой целью вся система воспитания построена здесь так, чтобы воинские начала впитывались «в плоть и кровь» воспитанников; наряду с этим здесь преподаются элементарные основы военного дела. В результате воспитанники, выйдя из училища, должны стать достойными советскими офицерами.

То обстоятельство, что вновь образованным военным училищам присвоено имя великого русского полководца, имеет глубокий смысл. Оно означает, что воспитание должно вестись в

суворовском духе, дабы готовить здесь искусных командиров, передовых людей военной мысли. Оно лишний раз подчеркивает, как чтит Советская Армия суворовские военные традиции.

XVII. Личность Суворова

Вряд ли будет преувеличением сказать, что никто из выдающихся деятелей в конце XVIII века не вызывал такого жгучего интереса в Европе, как Суворов. Через два десятка лет после швейцарской эпопеи Байрон отразил этот интерес в своем «Дон-Жуане»:

Молясь, остря, весь преданный причудам,
То ловкий шут, то демон, то герой,
Суворов был необъяснимым чудом.

Такой взгляд вполне устраивал полководца. Он вовсе не хотел, чтобы его поняли и объяснили.

Полковник генерального штаба Астафьев в речи, произнесенной им в 1856 году в селе Кончанском, заявил: «Для полководца надо уметь… скрывать себя. Образцом в этом отношении может служить Суворов».

Каковы же были отличительные черты Суворова как человека?

Суворов был ниже среднего роста, сухощав, немного сутуловат. Лицо его имело овальную, слегка продолговатую форму и отличалось чрезвычайной выразительностью; к старости на лице Суворова было очень много морщин. Лоб – высокий, глаза – большие, голубые, искрившиеся умом и энергией. Рот небольшой, приятных очертаний; по обе стороны рта шли глубокие вертикальные складки. Редкие седые волосы заплетались на затылке в маленькую косичку. Вся фигура, взгляд, слова, движения – все отличалось живостью и проворством; не было солидности и важности, которые его современники привыкли считать, обязательным признаком крупного деятеля.

Несоответствие с общепринятым представлением о выдающемся человеке выявлялось все больше по мере ознакомления с манерами и образом жизни Суворова. Везде и всюду он спал на покрытой простыней охапке сена, укрываясь вместо одеяла плащом. Вставал в 4 часа утра, причем слуге велено было тащить его за ногу, если он проспит. Одевался он очень быстро, неизменно соблюдая величайшую опрятность. Шубы, перчаток, сюртука, шлафрока он никогда не носил; всегда на нем был мундир, иногда плащ.

Выпив утром несколько чашек чаю, он упражнялся около получаса в бегании или гимнастике, потом принимался за дела, а

в свободное время читал или приказывал что-нибудь читать ему. Обедал в 8–9 часов утра; за обедом обычно присутствовало около 20 человек. В пище Суворов был очень умерен, фруктов и сладкого не ел. Любил гречневую кашу и щи и подобную простую, здоровую пищу, которую для него умело изготовлял его повар Мишка. После обеда он спал. За обедом выпивал рюмку тминной водки и стакан кипрского вина, но крепкими напитками никогда не злоупотреблял. Если он превышал «норму», один из адъютантов подходил к нему и запрещал больше пить или есть. «По чьему приказанию?» – «Фельдмаршала Суворова». – «Ему должно повиноваться» – и Суворов отставлял рюмку. Он не курил, но нюхал табак.

Во всех своих привычках Суворов был необыкновенно скромен. «Я солдат, не знаю ни племени, ни роду», сказал он однажды, про себя. Не говоря уже о предметах роскоши – картинах, дорогих сервизах, нарядах, – он лишал себя даже элементарного комфорта. Ездил он всегда в самой простой таратайке или на первой попавшейся казацкой лошаденке, одевался в добротные, но грубые ткани, пользовался самой простой мебелью и т. д. Все это составляло разительный контраст с царившей в XVIII веке безумной роскошью. «Не льстись на блистание, но на пространство. Загребающий жар чужими руками после их пережжет», писал Суворов в 1781 году Турчанинову, и эти слова могут служить его девизом.

Пуще всего он боялся изнеженности, которая, по его мнению, подобно ржавчине, разъедает волю и здоровье. «Чем больше удобств, тем меньше храбрости», говаривал он. Он считал необходимым поддерживать физическую и духовную стороны человека в состоянии постоянной готовности к лишениям и опасностям. Пребывание в солдатской среде укрепило эти его привычки, и, следуя им, он достигал двух целей: подавал пример другим офицерам,[149] от которых требовал в военное время предельного напряжения сил, и лишний раз привлекал симпатии солдат.

Суворов не привык предаваться играм, дорожа каждой минутой для занятий. «Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом», заметил он однажды. Поэтому Суворов редко посещал балы и вечеринки, но если попадал туда, то бывал очень оживлен, много плясал и уже в глубокой старости хвалился, что танцовал контрданс три часа кряду. Он всех заражал своей живостью.

– Что делать! Ремесло наше такое, чтобы быть всегда близ огня. А потому я и здесь от него не отвыкаю.

Он очень быстро, по первому взгляду и нескольким вопросам,

составлял о человеке определенное мнение и редко менял его.

Он не раз принимал участие в рукопашных схватках, несмотря на то, что мускульная сила его была очень невелика. Вообще от природы он был слабого здоровья, и только непрестанная тренировка, спартанский, режим и стальная сила воли позволяли ему переносить непрерывное физическое и нервное напряжение войны.

Живя в Новой Ладоге, Суворов тяжело болел желудком; эта болезнь осталась у него на всю жизнь. В 1780 году он сообщал в одном письме: «Желудок мой безлекарственный ослабел. Поят меня милефоллиумом, насилу пишу». В период туртукайских боев он болел лихорадкой. В 1789 году – год Фокшан и Рымника – он вновь был тяжко болен. Дочери своей он писал об этом: «Ох, какая же у меня была горячка: так без памяти и упаду на траву, и по всему телу все пятна»,

Обычно он пользовался услугами простого фельдшера – «бородобрея», который лишь в последний год его жизни был заменен настоящим врачом. Но Суворов не доверял медикам, полагая – и, может быть, не без основания, – что его неправильно лечат. За три месяца до смерти он писал Хвостову: «Мне не долго жить. Кашель меня крушит. Присмотр за мной двуличный». Во время итальянской кампании он, как говорится, таял на глазах; сперва крепился, выглядел гораздо моложе своих семидесяти лет, но постепенно, изнуренный тяготами сражений, пререканиями с австрийцами и лишениями швейцарского похода, совершенно обессилел, так что нередко даже засыпал за обедом.[150] У него появились резь в глазах, жестокие приступы кашля, ныли старые раны и, наконец, развился смертельный недуг.

Суворов был по натуре добр – непритязательной добротой простою русского человека. Он не пропускал ни одного нищего, чтобы не оделить его милостыней. Встречая ребят, он останавливался и ласкал их. В Кончанском у него жила на полном пансионе целая команда инвалидов. Он помогал всем, кто обращался к нему. По уверению Фукса, он до конца жизни каждый год тайно высылал 10 тысяч рублей в одну из тюрем.

«Я проливал кровь потоками, – сказал он однажды, – и прихожу в ужас от этого. Но я люблю моего ближнего; я никого не сделал несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не задавил ни одной козявки».

Полководец был искренен, говоря это, и здесь нет противоречия с его беспощадностью там, где она диктовалась железным законом войны.

«Заранее учись прощать ошибки других и не прощай никогда собственных», часто повторял Суворов.

Окружающие знали его отходчивость, доверчивость и житейскую неопытность и часто использовали их в своих интересах. Управители обкрадывали его или разоряли его своей леностью и небрежностью; адъютанты опутывали его сетью взаимных интриг, подсказывали ему пристрастное распределение наград, играли на всех его слабых струнах, благоразумно не вторгаясь только в чисто военную сферу, где, как им было известно, полководец не терпел ничьего вмешательства.

Вряд ли Суворов не замечал ухищрений и плутней, разыгрывавшихся вокруг него. Скорее всего, он просто не придавал им значения, не считая их достойными того, чтобы отвлекаться ради них от военных дел.

Могла быть и другая причина. Прав был Л. Н. Энгельгардт, писавший: «Суворов окружил себя людьми простыми, которые менее всех могли бы отгадать его». Иногда он наблюдал за ними с добродушным любопытством. Его управляющий Матвеич задержал однажды отправку коровы, чтобы пользоваться молоком; в другой раз он же долго не отправлял лошадей. Суворов напомнил ему о лошадях: «ведь от них молока нет».

Характерным, во всем проявлявшимся свойством его была безыскусственная простота; ни при каких обстоятельствах его не покидал подлинный демократизм. Объезжая в скромной повозке пограничные крепости Финляндии, он встретился с мчавшимся фельдъегерем. Не узнав в бедно одетом старичке знаменитого графа Суворова, тот гаркнул что-то и хлестнул графа нагайкой. Адъютант в бешенстве хотел остановить фельдъегеря, но Суворов закрыл ему рот рукою:

– Тише! Курьер, помилуй бог, дело великое.[151]

Получив звание фельдмаршала, он писал де Рибасу: «Пусть мое новое звание вас не смущает. Я не переменюсь до Стикса».[152]

Одним из основных свойств его натуры была глубокая, нерушимая бескорыстность. И здесь он представлял собою яркое исключение среди возведенной в принцип продажности екатерининских вельмож. Все искали, чем бы поживиться, все воровали направо и налево. Кондотьерские нравы господствовали во всех армиях. Французы грабили завоеванную Италию, австрийцы – Польшу. Суворов же никогда не взял ни одной вещи из бесценной добычи, которая доставалась войскам в результате его побед. Когда при взятии Турина ему принесли драгоценности бывшего сардинского короля, оставленные французами при поспешном отступлении, он отказался считать их своей военной добычей и отослал экс-королю.

Будучи глубоко принципиальным человеком, Суворов

выработал для себя идеальный тип, образец, к которому следует стремиться. Этот идеал обрисован им в письме к Александру Карачаю[153] (приводим в выдержках):

«…Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала. Военачальник, руководствуясь порядком и устройством, владычествует с помощью неусыпности и предусмотрения.

Будь откровенен с друзьями, умерен в нужном и бескорыстен в поведении. Пламеней усердием к службе своего государя.

Люби истинную славу; отличай честолюбие от надменности и гордости.

Привыкай заранее прощать погрешности других, и не прощай никогда себе своих погрешностей.

Обучай ревностно подчиненных и подавай им пример собою.

…Будь терпелив в военных трудах; не унывай от неудач. Умей предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные; не предавайся безвременной запальчивости.

Храни в памяти своей имена великих людей и руководствуйся ими в походах и действиях своих.

…Привыкай к деятельности неутомимой.

Управляй щастием; один миг доставляет победу».

* * *

Суворов был одним из наиболее образованных русских людей своего времени. Он знал математику, историю, географию; владел немецким, французским, итальянским, польским, турецким, был знаком с арабским, персидским и финским языками; был основательно знаком с философией, с древней и новой литературой. Военная эрудиция его была изумительна. Он проштудировал все важнейшие военные книги, начиная с Плутарха, вплоть до своих современников, изучил фортификацию и даже сдал экзамен на мичмана.

Во всей екатерининской России не было, пожалуй другого человека, который бы в разгаре громадной работы столь тщательно следил за периодической заграничной прессой.

Французский эмигрант маркиз Марсильяк свидетельствует: «Суворов обладал глубокими сведениями в науках и литературе. Он любил выказать свою начитанность, но только перед теми, коих считал способными оценить его сведения. Он отличался точным знанием всех европейских крепостей, во всех

подробностях их сооружений, а равно всех позиций и местностей, на которых происходили знаменитые сражения».

Сохранился рассказ, будто однажды Суворов выразился: «Не будь я военным, я был бы поэтом». Неизвестно в точности, была ли произнесена им эта фраза, но факт таков, что генералиссимус российских армий питал неизменный интерес к поэзии и сам постоянно порывался писать стихи. Служа Марсу, Суворов всегда был поклонником Аполлона.

Стихотворения Суворова не отличаются особыми достоинствами. С точки зрения формальных достоинств муза Суворова не превышала среднего уровня его эпохи. К чести Суворова надо сказать, что он сам отлично понимал это. Когда один из современников назвал его однажды поэтом, он решительно отклонил это звание. «Истинная поэзия рождается вдохновением, – произнес он. – Я же просто складываю рифмы».

Будучи во всем последовательным, он никогда не печатал своих стихов.

И все-таки стихи всегда были слабостью его исключительно волевой, сильной натуры.

В бумагах Суворова, относящихся к периоду итальянской кампании, имеется четко переписанное стихотворение:

Эпиграмма
На пламенном шару остановилось время,
И изумленное ко славе вопиет:
Кто муж сей, с кем в родство
Вошло венчанных племя?
От славы вдруг ответ:
Се вождь союзных сил,
Решитель злых раздоров,
Се росс! Се мой герой!
Бессмертный то Суворов!

На этом листе рукою полководца сделана пометка: «Сии стихи неизвестно кем писаны, но прекрасны».

Суворов очень любил прибегать к стихотворной форме и в частной переписке.

Стоит привести письмо, отправленное им дочери Наташе в 1794 году из Польши:

Нам дали небеса 24 часа.
Потачки не даю моей судьбине,
А жертвую оным моей монархине.
И чтоб окончить вдруг,

Сплю и ем, когда досуг

В том же году он послал ей очень любопытное письмо, в котором касался злободневного тогда вопроса о выборе жениха:

Уведомляю сим тебя, моя Наташа:
К осцюшко злой в руках: Ура! Взяла наша!
Я всем здоров: только немножко лих
На тебя, что презрен избранный мной жених.
Коль велика дочерняя любовь к отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.
А впрочем никаких не хочешь слышать (в)здоров.
Нежнейший твой отец, граф Рымникский-Суворов.

Пристрастие Суворова к стихам проявлялось не только в личной, но и в официальной переписке. Не говоря уже о его подчиненных, он и австрийским генералам во время итальянской кампании неоднократно давал указания в форме немецких или французских стихов. Сообщение военных реляций в форме стихов было также в обычае у Суворова. Вдобавок иногда эти стихи были пропитаны тонким ядом. Достаточно напомнить стишок «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу», приведший Потемкина в ярость.

Свойственный Суворову язвительный стиль нашел себе яркое отражение в его эпиграммах. Известна его эпиграмма на Потемкина, высмеивающая завоевательную политику князя Таврического, напыщенность и его презрение к людям:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенны берега.

Эта эпиграмма является кстати пародией на державинские «Хоры», сочиненные по случаю потемкинского праздника в 1791 году.

Конфликт с тем же Потемкиным побудил попавшего в незаслуженную опалу Суворова написать такие строки:

Стремись, моя душа, в восторге к небесам
Или препобеждай от козней стыд и срам.

Склонность Суворова к поэзии неоднократно использовалась окружающими. Его управляющий, плут Терентий Черкасов, отправлял ему доклады, составленные в стихах. Звание поэта само по себе обеспечивало симпатии Суворова. Летописец фельдмаршала Фукс рассказывает, что на одном обеде молодой офицер, желая очутиться поближе к Суворову, сел не по чину. Такое нарушение «табели о рангах» весьма не понравилось фельдмаршалу, и он гневно обрушился на офицера, упрекая его в зазнайстве, в непочтении к старшим и т. д. Желая выручить провинившегося, кто-то заявил Суворову, что это – поэт, желавший поближе видеть командующего, чтобы воспеть его. Услышав, что перед ним поэт, Суворов сразу смягчился и обласкал офицера, заявив, что к поэтам надо быть снисходительным.

На фоне спесивых екатерининских и павловских вельмож, не удостоивавших поэзию серьезным вниманием, Суворов являлся редким и отрадным исключением. Будучи глубоко образованным человеком, он с уважением относился ко всякому знанию, а поэзия была излюбленным занятием на протяжении всей его семидесятилетней жизни.

Богатый материал для характеристики человека представляют его письма. Корреспонденция Суворова особенно интересна. Слог его был простой, лаконичный, отрывистый, какой-то мятущийся – верное отражение его натуры. «Мой стиль не фигуральный, а натуральный, при твердости моего духа», писал он секретарю Потемкина Попову. Непривычному читателю трудно разобраться в этих недоконченных фразах, неожиданных скачках мысли, резких переходах к совершенно другой теме. Когда состояние его духа было спокойно, он писал ровнее и систематичнее; в часы волнения бумага выдавала его настроение. Вдобавок он пользовался совершенно оригинальной пунктуацией: знаки препинания расставлялись им произвольно, часто в середине фразы неожиданно оказывался вопросительный или восклицательный знак, еще более затруднявший понимание письма.

Необходимо, впрочем, отметить, что эта черта Суворова, подобно многим другим, не вызывала в его современниках такого удивления, какое она может вызвать в наши дни. Отрывистый, беспорядочный стиль был свойствен тогда многим. Петр I тоже писал в трех строках сразу о трех предметах. Канцлер Безбородко, один из лучших стилистов своего времени, писал об одном современнике так: «Он, не потерял времени, учившися читать книги, писать по-русски, и видев Двор и город, а от сего в его обхождении великая видна перемена» и т. д.

Более специфической следует признать другую особенность писем Суворова: склонность к иносказательному выражению своей мысли. В 1792 году Безбородко, в связи с предполагавшимся назначением полководца на турецкую границу, высказывал опасение, что он будет вместо точного изложения писать загадками. Когда в апреле 1795 года Пруссия заключила перемирие с Францией, что должно было отразиться на судьбе Польши, Суворов, проживавший тогда в Варшаве, высказал свое отношение к этому факту в следующих иносказательных выражениях: «Так как крысы, мыши, кошки находятся безпре– станно в движении в сем доме, и ни на минуту не дают мне покою, посему я намереваюсь как, наискорее, переменить квар. тиру».

Или вот еще пример: известная фраза Суворова: «Кесарь, Аннибал, Бонапарт, домашний лечебник, пригожая повариха», сказанная им в ответ на вопрос графа Растопчина, желавшего знать мнение Суворова о лучших военных сочинениях и наиболее выдающихся полководцах, – толкуется комментаторами следующим образом: надо изучать подлинно великих полководцев; как лечебник бесполезен, если не угадаешь болезнь, так и теоретические трактаты не принесут пользы; модный роман («Пригожая повариха» – название модного в то время романа М. Д. Чулкова. – *К. О.)* одинаково полезен с чтением современных мудрствований о военном искусстве.

Была, впрочем, веская причина, по которой его письма оказывались не всегда доступны пониманию, – опасение перлюстрации. Суворов почти всегда отправлял письма через курьеров и приказывал вручать их лично, но все эти предосторожности не давали гарантии. В царствование Екатерины перлюстрация достигла колоссальных размеров: правительство рассматривало ее как надежнейший источник информации. О взятии Хотина императрица узнала из частного письма 28 сентября 1788 года, а официальное донесение Румянцева пришло только 7 октября. Именно из опасений перлюстрации письма Суворова сплошь и рядом зашифрованы, полны намеков и условных обозначений. Сама Екатерина в переписке с Гриммом прибегала к тому же приему.

Язык суворовских писем – своеобразный и чеканный – дышит свежестью образов, слов и оборотов. Предельно динамичный, сжатый до лаконичности, расцвеченный иносказательными намеками, острыми афоризмами и яркими метафорами, он был не только очень своеобразен, но и крайне выразителен, ь нем отражалась живая мысль Суворова, его неуемная энергия, его стремительность и «быстроправие». Даже официальные донесения

писаны ярким, образным слогом. Вот, например, отрывок из реляции Потемкину о штурме Измаила: «Небо облечено было облаками, и расстланный туман скрывал от неприятеля начальное наше движение». Или вот рапорт Румянцеву о штурме Праги: «От свиста ядр, от треска бомб стон и вопль раздался по всем местам в пространстве города. Ударили в набат повсеместно. Унылый звук сей, сливаясь с плачевным рыданием, наполнял воздух томным стоном». Как правило, однако, донесения Суворова были очень лаконичны. В 1794 году президент Военной Коллегии Н. Салтыков писал о действиях Суворова в Польше: «Весьма гремит оный, но его донесения, по его обыкновению, весьма коротки, и больше знаем по словам Горчакова, в чем та победа состоит».

С каждым корреспондентом он умел поддерживать переписку в том стиле, какой был тому свойствен. Небезынтересно привести, например, обмен посланиями между ним и принцем де Линем, последовавший после рымникского сражения.

Де Линь прислал ему письмо, начинавшееся следующим образом: «Любезный брат Александр Филиппович, зять Карла XII, племянник Баярда, потомок де Блуаза и Монлюка».[154]

Суворов ответил: «Дядюшка потомок Юлия Цезаря, внук Александра Македонского, правнук Иисуса Навина!» и т. д.

Суворов писал четкими, тонкими, очень мелкими буквами, «Он писал мелко, но дела его были крупные», выразился однажды Растопчин. Это был энергичный почерк, обнаруживающий волевые качества автора. В письмах и бумагах его никогда не было помарок и поправок; так писал он свои приказы. Если он бывал доволен адресатом, то часто заканчивал письмо словами: «Хорошо и здравствуй».

Как и Петр I, Суворов страстно боролся с процветавшим в среде господствующих классов крепостной России «леноумием».

«Предположенное не окончить – божий гнев!» писал он.

Начальник суворовского штаба Ивашев констатирует: «Суворов был пылкого и нетерпеливого характера и требовал мгновенного исполнения приказаний». Впрочем, когда обстоятельства того требовали, Суворов, превозмогая свой характер, умел ждать. «Чтобы достичь, нужно быть терпеливым, как рогоносец», сказал он однажды с горечью.

Ум Суворова не знал отдыха. Страстная любознательность сочеталась в нем с огромной жаждой деятельности. Военное дарование – только одна сторона его облика, в которой наиболее ярко отразилась его интеллектуальная и волевая мощь. Нет сомнения, что он отличился бы и на другом общественном поприще. Энгельгардт, например, называл его «тонким

политиком» и, конечно, не ошибался в этом.

– Истинно не могу утолить пожара в душе моей! – воскликнул однажды Суворов, и эти замечательные слова достойны стать лучшей ему эпитафией.

Облик Суворова останется недорисованным, если еще раз не отметить его поразительной храбрости. Десятки раз он находился в смертельной опасности. Со своей тонкой шпагой он не мог оказать серьезного сопротивления неприятельским солдатам, но робость была неведома ему. Он бросался, вдохновляя бойцов, в самые опасные места, где почти невозможно было уцелеть, проявляя какую-то безрассудную смелость. Известен рассказ о маршале Тюренне, которого охватывала нервная дрожь при свисте пуль и который однажды с презрением обратился к самому себе:

– Ты дрожишь, скелет? Ты дрожал бы еще гораздо больше, если бы знал, куда я тебя поведу.

Суворов очень высоко ставил Тюренна. Но, в противоположность французскому маршалу, русский полководец был мужествен и духом и телом. Ни разу его не видели в бою растерявшимся, побледневшим или задрожавшим.

* * *

Бесконечные выходки и эксцентричность Суворова, особенно усилившиеся к концу его жизни, казалось бы, не соответствовали представлению о нем как о замечательной личности.

Однажды, когда полководец особенно много «чудил», соблюдая при этом величайшую серьезность, Фукс набрался смелости и прямо спросил о причине такого поведения.

– Это моя манера, – ответил Суворов. – Слыхал ли ты о славном комике Карлене? Он и на парижском театре играл арлекина, как будто рожден арлекином, а в частной жизни был пресериозный и строгих правил человек: ну, словом, Катон.

Этот иносказательный ответ ценен прежде всего тем, что в нем признается нарочитость причуд («манера»).

Наиболее проницательные из современников скоро поняли это. Ивашев пишет: «Все странности его были придуманные, с различными расчетами, может быть, собственно для него полезными, но ни для кого не вредными».

Ивашеву вторил К. Бестужев-Рюмин: «Русский чудо-богатырь Суворов юродствовал, чтобы иметь более независимости», В книге

Роберта Вильсона, английского агента при русской армии в 1812 году, говорится: «Даже эксцентрические манеры Суворова свидетельствовали о превосходстве его ума. Они вредили ему в глазах поверхностных наблюдателей, но он презрительно „Игнорировал усмешки людей, менее просвещенных, и упорно шел по той дороге, которую мудрость предначертала ему для достижения высокой патриотической цели“.

Нет сомнения, что по самой сущности своей Суворов обладал глубоко оригинальной натурой, которой тесны были рамки условностей и предрассудков дворянского круга. Долголетнее пребывание среди солдат развило в нем новые привычки, которые, с точки зрения «высшего общества», рассматривались как чудачества. В большинстве случаев подобная оригинальность резко ограничивалась под влиянием общепринятых правил. Однако Суворов сознательно давал простор особенностям своей натуры.

Они выделяли его из толпы других офицеров. Они создавали ему популярность в солдатской среде. Наконец в условиях неприязни правящих сфер они создавали вокруг него некую атмосферу безнаказанности, предоставляли ему известную независимость суждений и действия.

С течением времени этот последний мотив сделался преобладающим. Известность его стала очень большой. Солдаты любили его и без причуд и, конечно, не за причуды, а за его военные качества, за то, что он не бросал их зря под пули, а вел кратчайшим путем к победе, деля с ними на этом пути все опасности. Но недоброжелательство вельмож росло по мере роста его славы, и Суворову все труднее становилось отстаивать свою систему и свои принципы. В связи с этим он все чаще укрывался, как щитом, своими причудами.

– Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном; шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который при Петре благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых; я хотел бы иметь благородную гордость Цезаря, но чуждался бы его пороков.

Причуды Суворова, надеваемая им на себя маска простака и чудака – это искусная маскировка его неизменной фронды к правящим кругам. К этому можно добавить, что иногда Суворов пользовался своей репутацией чудака, чтобы извлечь из нее конкретную пользу. Так, желая ввести в заблуждение шпионов, он объявлял, что штурм или поход начнется, «когда пропоют петухи», а затем задолго до рассвета самолично кричал петухом. Но постепенно эту маску научились распознавать.

– Тот не хитер, кого хитрым считают, – говорил полководец, наивно радуясь, что все судят о нем, как о безвредном оригинале.

На самом же деле опытные люди разгадали его уловку. Принц де Линь именовал его Александром Диогеновичем, а Румянцев заметил:

– Вот человек, который хочет всех уверить, что он глуп, а никто не верит ему.

Оставаясь наедине с самим собою или будучи в обществе человека, которого уважал, Суворов сбрасывал свою личину и становился простым, серьезным человеком, чуждым всяких выходок. То же случалось, когда ему приходилось представительствовать от имени русской армии при каких-нибудь торжественных событиях.

– Здесь я не Суворов, а фельдмаршал русский, – пояснил он однажды эту перемену.

Внутренняя жизнь Суворова оставалась загадкой для окружавших его.

В 1800 году, незадолго до своей смерти, он сказал художнику Миллеру, писавшему с него портрет:

– Ваша кисть изобразит видимые черты лица моего, но внутренний человек во мне скрыт. Я бывал мал, бывал велик.

Таков Суворов – человек, чье имя принадлежит великому русскому народу, с чьим именем неразрывно связана слава непобедимости русского оружия.

Заключение

Не стало Суворова…

Окончилась «поэзия событий, подвигов, побед и славы», писал Денис Давыдов и, вспоминая о Суворове, говорил: «Его таинственность, происходившая от своенравных странностей, которые он постоянно употреблял наперекор условным странностям света, его предприятия, казавшиеся задуманными „очертя голову“, его молниелетные переходы, его громовые победы на неожиданных ни нами, ни неприятелем точках военных действий… – все отзывалось… в России».

Поэт-воин Денис Давыдов оказался прав: отзвук громовых побед великого русского полководца был слышен в России в течение всего XIX века. Он слышен и в наше время.

В Ленинграде во время блокады города зимою 1941–1942 годов воинские части, выступая на передовую линию обороны, часто шли мимо Александро-Невской лавры; их представители входили в лавру и, возлагая цветы на могилу Суворова, клялись стойко сражаться за родину. Именем Суворова назывались партизанские отряды, танкисты давали это имя своим боевым машинам.

Образ Суворова вдохновлял бойцов и офицеров Красной Армии. Среди имен наших великих предков, упомянутых товарищем Сталиным в речи 7 ноября 1941 года, стояло и имя Александра Суворова.

В 1942 году Президиум Верховного Совета СССР постановил учредить военный орден Суворова трех степеней.

Слава тем, кто заслужил высшую воинскую почесть – носить на груди изображение бессмертного предводителя русских армий!

Советский народ никогда не забудет человека, который «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение» (Денис Давыдов) и в жестокий век себялюбивого, беспринципного угодничества, бесправия и унижения человеческой личности произнес гордые слова: «Доброе имя должно быть у каждого честного человека: лично я видел это доброе имя в славе своего отечества; мои успехи имели исключительной целью его благоденствие».

Образ легендарного полководца дорог нам, он вспоминается нами не с холодным почтением, а с гордостью и горячим чувством.

Мы ценим в Суворове не только непобедимого полководца, но и человека, в котором до гробовой доски бурлила неиссякаемая

жизненная сила, в котором горел неугасимый интерес к живой жизни во всех ее проявлениях. Петр I, Пушкин, Суворов – это явления одного порядка, это гениальные натуры, всеобъемлющие по своему диапазону, по разносторонности дарования.

Поэт, писатель, дипломат, военный руководитель, непобедимый полководец – таков образ Суворова, одного из замечательнейших представителей русского народа.

…Со времени смерти Суворова прошло почти 150 лет.

В недавней войне с фашистской Германией Советская Армия доказала, что советские воины столь же неустрашимы, как суворовские «чудо-богатыри», но еще более самоотверженны и храбры.

Еще в 1918 году товарищ Сталин указывал: «Успехи нашей армии объясняются прежде всего ее сознательностью и дисциплиной». И далее, говоря о красноармейцах, товарищ Сталин указывал: «Он гордо называет себя солдатом революции […] и смело идет в бой с открытыми глазами».[155]

Как ни был велик Суворов, он не мог, разумеется, обеспечить в своих войсках столь высокий моральный уровень, каким обладает Советская Армия, не всегда мог добиться и первоклассного по тому времени технического оснащения их.

Советское полководческое искусство, основывающееся на глубоком марксистском понимании политических и стратегических закономерностей, озаренное гением Сталина, имеет перед собою значительно большие возможности, чем в суворовскую эпоху.

Однако оно не игнорирует военного искусства выдающихся русских полководцев. Оно преемственно заимствует у них все лучшее и, критически перерабатывая, включает в единую систему советского военного творчества.

В особенности это относится к Суворову – наиболее крупной и яркой величине в созвездии замечательных русских полководцев. Несмотря на совершенно иные условия современной войны, многое в суворовском наследии по сей день сохранило свою актуальность и достойно подражания. Но военно-историческое наследие нужно воспринимать как нечто, подлежащее критическому преломлению в свете современности. Это позволит отбросить ненужное и видоизменить полезное. Рассматриваемые в таком плане военные заветы Суворова представляют неисчерпаемый кладезь богатейших идей, развитых на практике рукою великого мастера. Многие из его принципов в стратегии, тактике, в обучении и воспитании войск почти всецело сохраняют свое значение для Советской Армии. Живут в военных преданиях и гордые суворовские традиции.

Тем самым блистательное полководческое искусство Суворова поставлено на службу Советской Армии и через нее – всему советскому народу.

Основные даты жизни и деятельности А. В. Суворова

Рождение – 1730, 13 (24) ноября

Запись в Семеновский полк – 1742, 23 октября (3 ноября)

Производство в капралы – 1747, 25 апреля (6 мая)

Начало действительной службы – 1748, 1 (12) января

Производство в подпрапорщики – 1749, 22 декабря (2 января)

Производство в сержанты – 1751, 8 (19) июня

Командировка за границу – 1752, 5 (16) марта

Производство в поручики м1754, 25 апреля (6 мая)

Назначение в Ингерманландский полк – 1754, 10 (21) мая

Назначение обер-провиантмейстером – 1756, – 17 (28) января

Назначение генерал-аудитор-лейтенантом – 1756, 28 октября (8 ноября)

Производство в премьер-майоры – 1756, октябрь

Производство в подполковники – 1758, 9 (20) октября

Назначение обер-кригскомиссаром – 1759, 31 декабря (11 января)

Назначение начальником штаба в отряде Берга – 1761, сентябрь

Производство в полковники – 1762, 26 августа (6 сентября)

Назначение командиром Суздальского пехотного полка – 1763, 6 (17) апреля

Производство в бригадиры – 1768, 22 сентября (3 октября)

Производство в генерал-майоры – 1770, 1 (12) января

Сражение под Ландскроной – 1771, 10 (21) мая

Сражение при Столовичах – 1771, 12 (23) сентября

Взятие Краковского замка – 1772, 15 (26) апреля

Назначение в первую (румянцевскую) армию – 1773, 4 (15) апреля

Первый поиск на Туртукай – 1773, 10 (21) мая

Второй поиск на Туртукай – 1773, – 17 (28) июня

Женитьба на В. И. Прозоровской – 1774, 16 (27) января

Производство в генерал-поручики – 1774, март

Сражение при Козлуджи – 1774, 10 (21) июня

Приезд к Панину (начало операций против Пугачева) – 1774, 24 августа (4 сентября)

Доставка Пугачева в Симбирск – 1774, 1 (12) октября

Рождение дочери Наташи – 1775, 1 (12) августа

Назначение начальником войск на Кубани – 1778, январь

Назначение в Астрахань – 1780, 11 (22 января)

Перевод в Казань – 1781, 31 декабря (11 января)

Приезд на Кубань – 1782, 19 (30) октября

Битва при Керменчике – 1783, 1 (12) октября

Рождение сына Аркадия – 1784, 4 (15) августа

Разрыв с женой – 1784, ноябрь

Производство в генерал-аншефы – 1786, 26 октября (8 ноября)

Сражение у Кинбурна – 1787, 1 (12) октября

Битва под Очаковом – 1788, 27 июля (7 августа)

Сражение при Фокшанах – 1789, 21 июля (1 августа)

Сражение при Рымнике – 1789, 11 (22) сентября

Взятие Измаила – 1790, 11 (22) декабря

Назначение в Финляндию – 1791, 25 июня (6 июля)

Перевод в Херсон – 1792, 10 (21) ноября

Выступление в Польшу – 1794, 14 (25) августа

Штурм Праги – 1794, 24 октября (4 ноября)

Производство в генерал-фельдмаршалы – 1794, 19 (30) ноября

Отозвание из Польши – 1795, – 17 (28) октября

Увольнение в отставку: – 1797, 6 (17) февраля

Приезд в Кончанское – 1797, 5 (16) мая

Вызов в Вену – 1799, 6 (17) февраля

Прибытие в Вену (начало итальянской кампании) – 1799, 14 (25) марта

Выезд в армию – 1799, 24 марта (4 апреля)

Занятие Милана – 1799, 17 (28) апреля

Сражение при Треббии – 1799, 7 (18) июня

Сражение при Нови – 1799, 4 (15) августа

Выступление в Швейцарию – 1799, 28 августа (8 сентября)

Переход через Чортов мост – 1799, 14 (25) сентября

Получение звания генералиссимуса – 1799, 19 (30) октября

Отъезд из армии в Петербург – 1800, 3 (14) февраля

Приезд в Петербург – 1800, 20 апреля (2 мая)

Смерть Суворова – 1800, 6 (18) мая

Погребение – 1800, 12 (24) мая

notes

Примечания

1

Бергколлегия – горное ведомство.

2

Даты по старому стилю.

3

Плутарх – древнегреческий, писатель (46 или 48—120), известный своими «Сравнительными жизнеописаниями» выдающихся деятелей Греции и Рима.

4

Юлий Цезарь (100—44 до нашей эры) – римский полководец и государственный деятель. Известен также как писатель, автор «Записок о Галльской войне», «Записок о гражданской войне» и других произведений.

5

Карл XII (1682–1718) – шведский король, который в 1709 году был разбит русскими под Полтавой.

6

Раймунд Монтекукули (1609–1680) – австрийский полководец, оставивший ряд сочинений по военному делу.

7

Ганнибал (246–183 до нашей эры) – знаменитый карфагенский полководец, нанесший ряд тяжелых поражений римлянам, но в конце концов побежденный ими.

8

Мориц Саксонский-(1696–1750) – маршал Франции, прославившийся своими победами над австрийцами. В 1732 году написал военный трактат «Мечтания» („Reveries), далеко опередивший по идеям свое время.

9

Иностранные офицеры и инструкторы состояли на русской служба при Петре и после него, но роль их постепенно уменьшалась.

10

Генерал-поручик Степан Матвеевич Ржевский (1732–1782), автор записки «О русской армии во второй половине Екатерининского царствования».

11

В XVIII веке снабжение русской армии продовольствием осуществлялось Главной провиантской канцелярией, подчиненной Военной коллегии. Во время войны при крупных воинских соединениях создавались провиантские комиссии под руководством обер-провиантмейстеров.

12

Генерал-аудитор-лейтенант – заместитель генерал-аудитора, являвшегося высшим лицом в области военной юстиции.

13

Премьер-майор – старинный русский военный чин, предшествовавший полковнику.

14

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 398.

15

Маколей. Поли. собр. соч., т. XIV. Спб… 1865, стр. 27.

16

Петр III – племянник Елизаветы Петровны (сын Анны Петровны, вышедшей замуж за герцога Голштинского), до 14 лет воспитывавшийся в Голштинии. У самой Елизаветы Петровны детей не было.

17

Большую роль в успешном завершении сражения сыграл П. А. Румянцев, бывший тогда в чине генерал-майора.

18

А. Т. Болотов (1738–1833) – известный русский мемуарист и писатель по агрономическим вопросам. Основное его сочинение – «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим». Принимал участие в Семилетней войне.

19

Карьер – наибольшая скорость движения лошади.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 10.

21

Конфедерация – в старой Польше так назывались политические оппозиционные организации средней и мелкой шляхты.

22

Бригадир – чин, введенный Петром I и упраздненный Павлом I, после чего бригадные командиры были переименованы в генерал-майоров.

23

От французского: lacapitale – столица.

24

Лава – вид рассыпного строя у казаков: построение в одну шеренгу с интервалом в четыре шага, иногда же сомкнутый строй.

25

Считая необходимым всегда награждать за действительные заслуги, Суворов очень не одобрял привольного житья солдат на безделье. «Нуж– яое солдату полезно, а излишее вводит в роскошь – мать своевольства», яисал он Веймарну.

26

Купно – вместе с тем.

27

Каре – линейный строй пехоты в форме четырехугольника.

28

Рогатки – расположенные рядами или в шахматном порядке бревна со вделанными в них заостренными кольями. Употреблялись преимущественно для отражения кавалерийских атак.

29

Фурии – римские богини мести. Здесь в смысле «с яростью».

30

Янычары – особая часть турецкой армии, комплектовавшаяся из воспитывавшихся для военной службы детей покоренных Турцией христианских народов. Считались отборными, привилегированными войсками.

В реляции И. П. Салтыкову об этом поиске Суворов особо отметил: «И что похвально было видеть, что ни один солдат в сражении до вещей неприятельских не касался, а стремился только поразить неприятеля».

То есть голова колонны. Смысл фразы тот, что авангарду надлежит атаковать, не дожидаясь подхода главных сил.

33

То есть пощады.

34

Ретраншемент – вспомогательное фортификационное сооружение для усиления внутренней обороны крепости после падения части, расположенной впереди ограды. Ретраншемент состоял из рва и вала, С которого можно было обстреливать переднюю ограду.

35

Фельдшанцы – окопы.

36

Дефиле – теснина, узкий проход посреди труднодоступной местности (лес, горы).

37

Дворянский корпус – военноучебнре заведение для детей; дворян, подготовлявшее офицеров.

38

Варвара Ивановна на шесть лет пережила мужа: она умерла в 1806 году.

39

Ногайцы, или ногаи – тюркское племя.

Чтобы даты представление о реальной значимости этого оброка, приводим цены, существовавшие в1786 году в Новгородской губернии: 1 четверть ржаной муки – 3 рубля, 1 четверть овса – 2 рубля, 1 пуд белой муки – 70 копеек, 1 фунт чая – 4 рубля, 1 ведро простого вина – 3 рубля, 1 аршин холста – 5,5 копейки. Годовое жалованье работницы составляло обычно 5 рублей.

То есть рубить лес.

42

Лядина – пахотный участок среди леса на месте вырубки или пожарища.

43

Налог – в смысле насилия, обиды.

Для пояснения цитированного отрывка нужно указать, что Суворов, ценя рабочие руки, предпочитал покупать «гулящих людей», которых много шаталось по дорогам и которые за 150 рублей шли в рекруты. По тем временам, сумма была крупная. Соседи-помещики находили такую меру вредным потворством, а крестьяне, в свою очередь, предпочитали отдать какого-либо парня, вместо того чтобы всем миром нести расходы. Поэтому Суворов брал на себя половину суммы, другую же половину заставлял крестьян собрать между собой.

45

Эпаминонд – греческий полководец, создатель «косого строя живший в IV веке до нашей эры.

46

Тюренн (1611–1675) – знаменитый французский полководец.

47

Аристид (540–467 до нашей эры) – афинский политический деятель. Был прозван Справедливым.

48

По воинскому уставу Петра I, этот чин соответствовал главнокомандующему; во времена Екатерины II он предшествовал фельдмаршальскому.

49

Ордер – предписание, распоряжение.

А. Русов. Осада и взятие Очакова, Киев, 1888, стр. 14.

То есть не упустите момент для атаки.

52

Среди взятых в плен на Кинбурнской косе турок оказалось несколько французских офицеров-инструкторов. На запрос Потемкина, как быть с ними, Екатерина II приказала отправить их в Сибирь – «дабы отбить охоту ездить учить и наставлять турок».

53

В 1948 году Ленинградская публичная библиотека имени М. С. Салтыкова-Щедрина приобрела неизвестное доселе письмо Суворова начальнику канцелярии князя Потемкина – Попову. Письмо датировано 27 мая 1788 года. В нем, между прочим, Суворов, обращаясь к адресату с просьбой сохранить в тайне данное письмо, заявляет: «только К.Г.А. (князю Григорию Александровичу. – *К.О.*) таинства души моей открыты».

Деплояд (деплояда) – развертывание войск с похода; авангард при этом оставался на месте.

55

Алармировать – тревожить.

56

В свою очередь, Потемкин писал Суворову в апреле 1788 года: «Очаков непременно взять должно! я все употреблю, надеясь на бога, чтобы достался он дешево» (А. Русов. Осада и взятие Очакова. Киев. 1888. стр 18).

Вдруг – тотчас же.

58

Туры – корзины цилиндрической формы из кольев, оплетенных хворостом. Употреблялись при устройстве укрытий для зарядов или снарядов и т. д.

59

Каптенармус – унтер-офицер, заведывавший в роте оружием, одеждой и провиантом.

60

Принц Фридрих-Иосия-Кобург-Заальфельд (1737–1817) – австрийский полководец, участвовал в русско-австро-турецкой войне 1787–1791 годов. Был одним из наиболее способных австрийских генералов своего времени.

61

Enigme – загадка (франц.).

62

«Хромой генерал» – так турки прозвали Суворова. Как-то он наступил на иголку, она сломалась у него в пятке, и он начал прихрамывать.

63

Синаксарии – «краткий житейник (то есть собрание житий святых. – *К. О.*) и толкование праздников» (Словарь Даля). Потемкин употребляет это слово в смысле – донесение.

По его выражению, он предоставил бежавшим «Золотой мост». Это выражение употреблялось в то время сторонниками точки зрения, согласно которой атакуемому противнику следует предоставить путь для отступления. Суворов же всегда стремился уничтожить врага и в этот раз допустил исключение.

65

«Канонада кареев наших в лес и ретраншемент привели в молчание турецкие пушки», писал Суворов в донесении. И далее, описывая атаку: «Движение происходило при беспрерывной пальбе с крыльев и кареев – крестными выстрелами».

Фирман – указ султана.

67

Павел Сергеевич Потемкин был племянником князя Таврического.

68

Эскалада – приступ, штурм.

69

Фашины – связки соломы или хвороста, употреблявшиеся для заполнения крепостного рва.

70

Небезынтересно, что Потемкин, посылая Суворова под Измаил, писал ему: «Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею» («Генералиссимус Суворов». Сборник документов и материалов, 1947, стр. 178).

71

11 сентября 1789 года измаильский гарнизон отбил штурм, предпринятый русскими войсками под начальством Репнина, а в ноябре 1790 года неудачно штурмовал крепость Потемкин.

72

Сераскир – главнокомандующий турецкими войсками.

Начальниками отрядов были де Рибас, Самойлов, Павел Потемкин; начальниками колонн – Кутузов, Львов, Ласси, Мекноб, Безбородко, Платов, Чепега, Арсеньев, Марков.

74

Шанцевый инструмент – инструмент, служащий для производства работ по окапыванию.

Суворов выделил также общий резерв в составе 2½тысяч казаков.

В смысле – превосходящий численностью.

77

Понт – море.

78

Уже в сентябре 1791 г было закончено строительство укреплений в Роченсальме. В декабре того же года Суворов писал Турчанинову о результатах своей деятельности в Финляндии: «Даст бог, в будущее лето граница обеспечится на 100 лет».

Порта – Турция.

Подчеркиваем, что эти жалобы были вызваны не самим фактом, что ему приходилось заниматься фортификацией, а создавшимся положением. Переменив род деятельности, он надеялся оказаться в лучшей обстановке.

81

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 263.

82

В сражении при Каннах (Италия) карфагенский полководец Ганнибал разгромил в 216 году до нашей эры римскую армию. Однако он не пошел немедленно на Рим и дал возможность противнику оправиться. Один из его соратников, Магарбал, упрекал его в этом, сказав приведенную Суворовым фразу.

83

Винтер – квартиры – зимние квартиры.

Томность – медлительность, бездействие.

85

Накануне штурма Вавржецкий отправил из Варшавы 11 тысяч человек на второстепенный участок войны.

86

Диспозиция – письменный приказ войскам для исполнения возложенной на них боевой задачи. Содержал детальные указания и потому давался при условии точного знания обстановки. В противном случав давался приказ в общих чертах: директива.

87

«Мир! Мир!»

88

П. В. Завадовский (1739–1812) – русский государственный деятель, бывший одно время фаворитом Екатерины II.

Намечалась армия численностью в 51 тысячу человек.

90

Сикурсировать – идти на помощь (от французского: Le secours – помощь).

91

Ретирада – отступление.

Дефензива – оборона.

93

Восхитительный принц! Неумолимый деспот!

Существует версия, что Суворов спросил Николева: «Сколько вре– мени мне назначено для приведения в порядок дел?» – «Четыре часа». – «Слишком много милости! Для Суворова довольно одного часа», сказал фельдмаршал и тотчас взошел в карету.

Имеется в виду сражение под Кинбурном. – *К. О.*

Буквально – с празднества.

Скажем попутно несколько слов о дальнейшей судьбе Натальи Суворовой-Зубовой. В 1805 году она овдовела; скончалась она в 1844 году. С ее именем связан, между прочим, интересный эпизод. В 1812 году она проезжала с детьми через занятую французами Москву, направляясь в Петербург. Ее задержали и доставили к генералу для допроса. Узнав, что перед ними дочь Суворова, французы тотчас пропустили ее, отдав ей при этом воинские почести.

98

Инструкция Николеву (которого, между прочим, нередко ошибочно называют Николаевым) приведена здесь в выдержках. Полный текст ее можно найти в «Чтениях в обществе Истории и древностей российских», 1862, № 4.

Наказание фухтелями сводилось к ударам палашом плашмя. Шпицрутены – длинные, толстые, гибкие прутья.

100

Секвестр – запрещение, налагаемое на частное имущество актом государственной власти.

101

Прошка (Прохор Дубасов) вообще был на исключительном положении. Багратион, например, здоровался с ним за руку. Суворов хотел дать ему вольную, но не успел. В 1802 году это сделал его сын Аркадий (несмотря на противодействие Варвары Ивановны).

102

По словам французского писателя Гийоманш-Дюбокажа непринятое письмо содержало якобы разрешение переменить местожительство.

103

По преданию, в 362 году до нашей эры в середине римского форума вдруг возникла трещина, которую было невозможно заполнить. Прорицатель заявил, что Риму угрожает страшная опасность, пока существует трещина, заполнить же ее можно только высшим благом Рима. Юноша Курций со словами: «Высшее благо Рима – это храбрость и оружие», бросился в полном вооружении в трещину, после чего земля тотчас сомкнулась. Такова легенда о Курции.

Яков Федорович Долгорукий был одним из приближенных Петра I. Сохранились рассказы о том, как Долгорукий мужественно возражал Петру и будто бы даже однажды разорвал указ, подписанный царем. Царь сказал о нем: «Князь Яков в сенате прямой помощник. Он судит дельно и мне не потакает. Без краснобайства режет прямо правду, несмотря на лицо».

104

Оссиан – легендарный герой кельтского народного эпоса, с именем которого связано большое количество преданий. Поэмы Оссиана в вольной обработке Джемса Макферсона пользовались громадной популярностью в XVIII веке.

105

Союзные договоры были подписаны: с Неаполем 17 ноября 1798 года, с Англией 17 декабря 1798 года, с Турцией 23 декабря 1798 года и с Австрией в январе 1799 года.

106

Саксонец родом, Герман поступил в русскую службу в 1769 году и вскоре отличился на Кубани. Он был честным, но высокомерным и нерешительным человеком. Прекрасный картограф, он не обладал дарованиями полководца. Посланный в Голландию, он был разбит при Бергене в сентябре 1799 года и попал в плен. Умер он в 1801 году. В 1791-92 гг., когда Суворов находился в Финляндии, Герман, бывший тогда в чине генерал-майора, являлся его заместителем.

107

Стремлением Суворова подчеркнуть неизменность своих привычек и вместе с тем проявить пренебрежение к австрийскому императору следует объяснить любопытный факт, приводимый в записках графа А. И. Рибопьера («Русский архив», 1877, кн. IV). Когда Суворов проезжал по улицам Вены, толпы народа приветствовали его возгласами: «Виват Суворов!» Фельдмаршал в ответ непрерывно восклицал: «Виват Иосиф!» Сидевший рядом с ним русский посланник встревоженно останавливал его, говоря, что в Австрии царствует сейчас Франц, а император Иосиф давно умер. Однако Суворов каждый раз отмахивался: «Помилуй бог, не упомню» – и снова принимался кричать: «Виват Иосиф!», как бы показывая, что он вовсе не намерен утруждать себя запоминанием таких «незначащих» фактов, как имя австрийского императора.

108

Кроме Тугута, членами гофкригсрата были: Дитрихштейн, Тюрпин, Ламберт, Колоредо и др. Все они были совершенно неискушенными в военном деле.

109

В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XIX, стр. 181.

110

«Первая колонна марширует»

111

Соотношение сил противников дано на основании рапорта Суворова от 27 апреля 1799 года.

112

«Марш слишком быстрый, совершенно без всякого военного расчета», раздраженно доносил в Вену Мелас (см. статью Н. Михневича «Суворов в оценке европейских писателей и военных» в журнале «Красный командир», 1921, № 22, стр. 27).

113

Все происходившие в России события датированы по старому стилю. Пребывание Суворова за границей датируется, начиная с этого места, новый стилем.

Клаузевиц. 1799 год. М. 1938, стр. 131.

Кстати, следует указать, что Суворов зорко следил за действиями Ушакова. 20-го августа, в разгар приготовлений к походу во Францию, он пишет Павлу I: «Истинная нужда адмиралу Ушакову в десантных войсках; я намерен был уже непродолжительно для его отправить 4 батальона в Ливорну при генерал-майоре князе Волконском».

Небезынтересно, что Клаузевиц так отзывался об этом беспримерном переходе: «Кажется, тактический порядок перехода не заслуживал похвалы»(!).

117

Между прочим, были взяты в плен генералы Оливье и Руска; они выли отпущены «под пароль» в обмен на союзных генералов.

118

Суворов окрестил Моро «генералом славных ретирад».

119

Мерсенер – наемник.

120

По другим данным – 38 тысяч и 65 тысяч (см., например, А. Боголюбов. «Полководческое искусство А. В. Суворова». 1939, стр. 109–110. Но автор указывает, что введено в бой Суворовым было 45 тысяч. Сам Суворов в реляции Павлу I заявлял, что у него было 38 тысяч.

121

«Наступайте! Всегда наступайте!»

122

Суворов же отозвался о Моро так: «Он меня несколько понимает, но я его лучше».

123

Диверсия – здесь в смысле военного маневра, производимого вдали от действия главных сил с целью отвлечь силы противника с главного театра военных действий.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 13.

125

«Эрцгерцог Карл при приближении, нового русского корпуса, будучи на одну треть сильнее, чем этот последний, оставил за ним (корпусом. – *К. О.)* все пункты и холодно удалился, чтобы не возвращаться», с возмущением констатировал Суворов 3 октября 1799 года в донесении Павлу I.

126

И. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Госполитиздат, 1938, стр. 7.

В то же время он зорко следил за положением корпуса Римского– Корсакова. 18 августа он писал Корсакову: «Внедрите в них (русских солдат. – *К. О.*) холодное ружье, чем мы здесь одним победы одержали. Влияйте то и союзным» (то есть приучите их к бою холодным оружием и приучайте к тому же союзников – австрийцев).

128

При выступлении на мулов погрузили четырехдневный запас продовольствия, солдаты несли на себе трехдневный запас. Остальной провиант предполагалось получить у Готце и Корсакова.

129

Подготовляя свои войска к швейцарскому походу, Суворов внушал: «Не нужно на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно» (Д. Милютин. История войны 1799 г., изд. 2, т. III, Спб., 1857, стр. 490). Впоследствии Энгельс подчеркивал роль обходов в горной войне (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 175).

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 175.

Впоследствии Суворов доложил Павлу I, что действия Корсакова в сражении были правильны и вина целиком лежит на ген. Дурасове, который стоял со своими частями в 18 верстах и, не подоспел вовремя на помощь атакованному Корсакову.

132

В Муттене были оставлены больные и раненые: 600 русских и 1 000 пленных французов.

133

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II. стр. 13.

Цесарцы – австрийцы.

135

То есть более способной одерживать победы, чем даже при Евгении Савойском – талантливом австрийском полководце (1663–1736).

136

Суворов очень вежливо отвечал на письма Нельсона, но его всегдашнее критическое отношение к людям не изменило ему и здесь. Однажды, когда Нельсон, вместо того чтобы принять активное участие в операциях, оставался в бездействии вместе с леди Гамильтон в Палермо, Суворов написал ему: «Палермо не остров Цитера» («Москвитянин», 1844, № 9, стр. 153).

137

Пребывание Суворова в Праге совершенно не освещалось в нашей литературе. Кое-какие сведения о нем приведены в № 7 журнала «Славяне» за 1944 год. В честь великого полководца население Праги устроило торжества, хотя он сам уклонялся от них. Все же он присутствовал на спектакле группы Гвардасони. Его появление было встречено овацией. Спели кантату в ярких лучах появилась надпись «Viva il principe Suvo– rov!» («Да здравствует князь Суворов!»). Багратион дал ответный бал.

По пути из Праги чехи всюду встречали Суворова с радостью. В Высоком Мыте местное стрелковое общество склонило перед ним свое знамя.

138

Лаудон (1717–1789) – австрийский генералиссимус успешно воевавший против Пруссии.

Начиная отсюда, даты указаны вновь по старому стилю.

140

Превыспренность – в смысле: превосходство.

141

Тейфельсбрик – Чортов мост.

Впрочем, еще более популярна стала вскоре другая эпитафия, написанная А. С. Шишковым. («Русская старина», 1871, № 11, стр. 588–589). Приводим ее (с сокращениями):

Остановись, прохожий!
Здесь человек лежит, на смертных не похожий;
На крылосе, в глуши, с дьячком он басом пел
И славою как Петр иль Александр гремел.
Ушатом на себя холодную лил воду
И пламень храбрости вселял в сердца народу.
Не в латах, на конях, как греческий герой.
Не со щитом златым, украшенным всех паче,
С нагайкою в руках и на казацкой кляче
В едино лето взял полдюжины он Трой.
…С полками там ходил, где чуть летают птицы.
Жил в хижинах простых и покорял столицы.
…Одною пищею с солдатами питался,
Цари к нему в родство, не он к ним причитался.
Был двух империй вождь; Европу удивлял,
Сажал царей на трон, – и на соломе спал.

143

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 397.

144

Эшелонирование – распределение в глубину войск и тыловых учреждений на марше и при расположении на месте.

Необходимость бороться с густыми массами турецкой конницы способствовала раннему применению колонны как формы боевого порядка в русской армии. О колонне говорится в уставе 1755 года. Широко применял колонны Румянцев. Заслуга Суворова здесь, как и в ряде других положений, та, что он развил начинания своих предшественников, углубил их и придал им новую силу.

146

Субсистенция – продовольствие, провиант, военные припасы

Уместно подчеркнуть, что Суворов чрезвычайно уважал Румянцева; в 1789 году, когда Потемкин оттеснил Румянцева на задний план, Суворов демонстративно выказывал свое почтение к Румянцеву. Вот как описывает это Л. Энгельгардт: «По прибытии светлейшего князя (Потемкина. – К.О.) в Яссы один раз он только был у фельдмаршала графа Румянцева в Жиже и изредка посылал дежурного генерала, племянника своего В. В. Энгельгардта с приветствием. Остальные генералы из подлости и раболепства редко посещали графа, да и то самое малое число. Один только граф Алекс. Вас. Суворов оказывал ему уважение; после всякого своего дела и движения, посылая курьера с донесением главнокомандующему, особенного курьера посылал с донесением к престарелому фельдмаршалу, так как бы он еще командовал армией» (Л. Энгельгардт. Записки. М., 1867, стр.106).

148

Прусская армия была вооружена ружьями с железными шомполами; из этих ружей можно было, делать 5 выстрелов в минуту; русские же ружья позволяли сделать только 3 выстрела.

Например, во время переездов никому из свиты не разрешалось иметь чемоданы. Небольшие баулы перевозились на повозках.

150

«Князь так слаб, что едва ходит», писал о Суворове Андрей Горчаков 2 сентября 1799 года.

151

Вот, между прочим, одна из типичных суворовских выходок (сообщена Н. Паялиным по материалам истории Сестрорецкого завода).

Возвращаясь в 1792 году из Финляндии, Суворов должен был проехать через Сестрорецк. Администрация военного завода готовила ему торжественную встречу, меж тем Суворов, переодевшись в солдатскую шинель, прибыл проселочной дорогой на чухонской таратайке в город и, пока администрация поджидала его на станции, осмотрел все мастерские

– Помилуй бог, как штыки остры, любо сердцу, прочее все дрянь, – сказал он в штыковой мастерской.

Затем он отправился на квартиру к одному мастеровому.

– Нет ли у тебя в доме кого-нибудь больше меня, – спросил он хозяйку.

Видя, что она не понимает столь загадочного вопроса, он сам обегал квартиру и воскликнул:

– Раздолье! Ребят, крикунов нет, – стало быть, можно есть и спать, сколько душе угодно.

Поев щей, он разостлал на лавке шинель и крепко уснул. Командира завода он не принял: но тот, к своему удивлению, получил монаршее благоволение за хороший порядок на заводе.

То есть до смерти. Стикс в греческой мифологии одна из рек подземного царства.

153

Андрей Карачай – австрийский фельдмаршал, участник второй турецкой войны и итальянской кампании. Александр – его сын, состоявший на русской службе в Фанагорийском полку; Суворов был его крестным отцом.

154

Филипп (382–336 до нашей эры) – македонский царь. Александр Македонский, его сын, – знаменитый полководец древности (356–323 до нашей эры). Баярд (Баяр) (1476–1524) – французский военачальник XVI века, воплощение рыцарских идеалов. Монлюк (1502–1577) – французский маршал, оставивший интересные мемуары («Commentaires»).

155

И. В. Сталин. Соч…тг. 4, М., 1947, стр. 150